

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский государственный педагогический университет

УрГПУ – в 2005г. – 75 лет

ИЗВЕСТИЯ

УрГПУ

ЛИНГВИСТИКА

ВЫПУСК 15

Екатеринбург – 2005

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

Л 59

Редакционная коллегия:

Доктор филологических наук, профессор А.П. ЧУДИНОВ (отв. ред.)

Доктор филологических наук, профессор Л.Г. БАБЕНКО

Доктор филологических наук, профессор Н.Б. РУЖЕНЦЕВА

Доктор филологических наук, профессор В.И. ТОМАШПОЛЬСКИЙ

Ассистент ШИНКАРЕНКОВА М.Б.

Л 59 Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 15./ Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2005. 242 С.

ISBN 5-7186-0131-3

Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвистики, обсуждение фундаментальных и прикладных проблем языкознания, а также вопросов взаимоотношения языка, культуры и общества. Два основных раздела посвящены политической лингвистике и лингвокультурологии. Сборник предназначен для ученых-языковедов всех специальностей, он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами лингвистики.

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ИЗВЕСТИЯ УрГПУ. ЛИНГВИСТИКА.
ВЫПУСК 15

Подписано в печать _____ Формат 60х84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – 15,0. Тираж 120 экз. Заказ _____

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: usp@uap.ru

ISBN 5-7186-0131-3

© Известия УрГПУ. Лингвистика, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Базылев В.Н.	Политический дискурс в России	5
Пименова М.В.	Концепт <i>политика</i> и способы его репрезентации	32
Чудинов А.П.	Новые исследования по политической лингвистике (2002 – 2004)	39
Антонова Ю.А.	Коммуникативные тактики и речевые приемы при описании теракта (на примере событий в Беслане в сентябре 2004г.)	55
Бирюкова Н.С.	О типах прецедентных феноменов	60
Еремина С.А., Потысьева А.Н.	Речевой портрет депутата Евгения Ройзмана	66
Керимов Р.Д.	Гастрономическая метафора в сфере немецкой политики	71
Керимов Р.Д.	Немецкая политика в зеркале спортивной метафоры	79
Красильникова Н.А.	Оппозиция «Мы» – «Они» в дискурсе экологических движений Англии, России и США	85
Нахимова Е.А.	Прецедентные феномены с ментальным полем-источником «Театр» в современном политическом дискурсе	102
Пименова Е.Е.	Лингвокультурологический аспект исследования политической метафоры (способы объективации концепта <i>небо</i>)	114
Солопова О.А.	Метафорическое моделирование прошлого, настоящего и будущего в политическом тексте	120
Сурина А.В.	Метафорическая самооценка в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи	137
Шаова О. А.	Метафорическое моделирование внешней политики России в современной французской прессе	143

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Базылев В.Н.	Лингвистическая персонология: Ирина Хакамада (к определению статуса дисциплины)	163
Кузьмина Н.А., Терских М.В.	Реклама пищевых продуктов: концептосфера и способы вербализации.	168
Дзюба Е.В.	Концепты <i>жизнь</i> и <i>смерть</i> в поэзии М.И. Цветаевой	181
Дударева З.М.	Концепт <i>час</i> в русском и башкирском языках	189
Моисеев А.А	«Милитаристский текст» в поэзии Е. Летова (к проблеме интертекста).	194
Олешков М.Ю.	Пропозициональная синхронизация в дидактическом дискурсе	201
Панин В.В.	Средства выражения этнических стереотипов в английском языке	208
Плаксина Е.Б.	Прилагательные-антонимы, характеризующие человека: семантический анализ	212
Шебалов Р.Ю.	Социокультурные параметры ономастической игры в представлении образа российского чиновника XIX века	217
Шустрова Е.В.	Идиостиль Ф. Уитли.	223

РАЗДЕЛ 3. ХРОНИКА

Гинниатуллин И.А	Хроника. Диссертационный совет К 212.283.05 в 2004 году	229
Пирогов Н.А.	Хроника. Диссертационный совет Д 212.283.02 в 2004 году	231

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ.....235

РАЗДЕЛ 1. **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА**

Базылев В.Н.
Москва

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОССИИ

Дискурс понимается нами в своем классическом определении как одна из составляющих семиотического процесса [Греймас, Курте, 1983: 488]. Если принять во внимание существование двух макросемиотик - "мира слов", данного в форме естественных языков, и "мира природы", источника неязыковых семиотик, - то под семиотическим процессом следует понимать все многообразие способов дискурсивной практики, включая языковую практику (способы словесного поведения) и практику неязыковую (значимое поведение). Российский политический дискурс может быть осмыслен только в своих разнообразных связях с этими двумя макросемиотиками - с историей нашей страны, с историей русской/советской общественной мысли и историей словесного искусства.

О сложности анализа и интерпретации этих связей свидетельствует опыт зарубежных коллег, пытавшихся разобраться в "хитросплетении словес" советских и российских политических лидеров [Водак, 1997; Серио, 1999]. Такие подходы, изначально ориентированные на элементарную таксономию, малоинтересны с точки зрения их эвристического потенциала. Западноевропейские и американские "лингвистические приемы" не позволяют решить онтогностические, футуро- и ретрогностические задачи экспликации и реконструкции феномена политического дискурса и в СССР, и в России. Таксономия не ведёт к целостности истолкования, а материал (политические тексты) остаётся вещью в себе, совокупностью реляционных свойств (наряду с абсолютными свойствами), парадигматически и синтагматически реализующимися при вхождении в семиосферу. Подход западных лингвистов к политическому дискурсу в России оказался прожективным, ориентированным на зону ближайшего развития, хотя не менее важен и возможен подход интерпретирующий, ориентированный на сохранение существующих ценностей. Возражая Карлу Марксу, Одо Марквард написал: "Философы истории слишком много изменяли мир, тогда как дело заключается в том, чтобы пощадить его" [Marquard, 1981: 120]. Интерпретация - это щадящее освоение мира, противопоставленное и проектированию, и познающему исследованию, которое тоже

воздействует на мир, чтобы прийти к "объектам" [Литвинов, 1997: 108].

Исследованием отечественного политического дискурса у нас по сути дела в прошлом столетии не занимались. Исключением можно считать работу по составлению "Словаря языка В.И.Ленина", приостановленную в 1994 году, но легшую в основу ряда исследований по языку и стилю произведений В.И.Ленина [Денисов, 1998].

Тем более актуальной оказывается в начале 3-го тысячелетия попытка максимально адекватной интерпретации феномена политического дискурса России дореволюционной, Советского Союза и России рубежа веков [ПДР, 1997; ПДР, 1998; ПДР, 1999], ибо Россия – страна слова [Бондаренко, 1996], а такие концепты, как *права человека*, *харизматическая личность*, "*советский дискурс*" и пр., по определению Ю.С. Степанова, - суть константы русской культуры [Степанов, 1997].

Политический дискурс в России фигурирует в сегодняшних лингвистических работах в качестве: овнешнителя процессов, происходящих в языке; объективатора некоторых языковых механизмов с логико-лингвистической точки зрения; таксономического языкового материала для создания словарей; риторического средства (риторические особенности политического дискурса); точки отсчета в сравнительных исследованиях при анализе соотношения языка и идеологии; категоризатора концептов в психосемантических исследованиях политического менталитета, динамики политического сознания как самоорганизующегося процесса; модельера лингвем и идеологем в лингво-идеологическом анализе; средства создания текстов – мифологем в пограничных жанрах художественного творчества: эссеистико-публицистических "исследований" современной политической ситуации и своеобразных политических "прогностик"; материала современных исследований, осуществляемых в парадигме фольклорной школы (политический дискурс как фольклор).

В 80-е, но особенно в 90-е годы, уходящего столетия среди лингвистов старшего поколения усилился интерес к недавнему прошлому, к времени "Горбачевской перестройки". Этот интерес носит преимущественно и в первую очередь интранаучный характер: это попытки фиксации языковых примет уходящего и ушедшего времени с некоторыми минимальными или максимальными (в зависимости от конъюнктуры) оценочными моментами [Нерознак, Горбаневский, 1991; Костомаров, 1994; Земская, 1996; Разновидности ..., 1988; Баранов, 1993; Медведев, 1995;

Любимов, 1994].

Это время характеризуется интенсивным использованием "языковой демагогии" - непрямым воздействием на слушателя и читателя, когда идеи, которые необходимо было внушить, не высказывались прямо, а навязывались исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами. Интерес к этому времени обусловлен и прагматическими установками власти в эпоху "демократизации и гласности", когда в условиях относительной свободы и невозможности прямого административного воздействия, приходилось прибегать к разного рода PR-технологиям (только нарождающимся и осваиваемым) [Грушин, 1987; РЯ 1996; Булыгина, Шмелев, 1997]. Наблюдения за феноменом политического дискурса носят аналитический характер: предпринимаются попытки классифицировать набор приемов воздействия на аудиторию с позиций логико-лингвистического анализа языка-речи: ассерцию, маскирующуюся под пресуппозицию, воздействие при помощи речевых импликатур, возражение под видом согласия, противопоставление "видимой" и "подлинной" реальности, игру на референционной неоднозначности, интерпретацию чужих возражений или высказываний в соответствии с собственными исходными предпосылками, "магию слов" (техника нейролингвистического программирования). Весь этот набор рассматривается в качестве фактов лингвистически аномальных, намеренных или ненамеренных, поддающихся или неподдающихся переосмыслению, а также связанных с парадоксом самофальсификации [Знаков, 1993; Дубровский, 1994; Блюменкранц, 1994; Гридина, 1996; ИЯР, 1999; Санников, 1999].

В то же время политический дискурс начинает рассматриваться как объективатор самых различных языковых процессов: он оказывается исходной точкой отсчета при исследовании информативной и фатической речи, коммуникативных неудач (в т.ч. возникающих в манипулятивных речевых актах) и феномена цитирования (в т.ч. в СМИ), мужской и женской речи, устной публичной речи. Основное внимание исследователей сосредоточивается на коммуникативно-речевых особенностях текстов и на их структурно-композиционной характеристике [РЯФ, 1993; Мирошниченко, 1995].

Создаются словари, фиксирующие те или иные составляющие политического дискурса, контексты употребления, характерные для современного русского политического языка. Помимо решения таксономической задачи, предпринимаются попытки

анализа языковых/речевых способов актуализации политической метафоризации: выведение следствия из метафоры с помощью указания дополнительного свойства объекта, метафоризации в той же самой модели, замена имени модели в метафоре на синоним или квазисиноним (метафорическое варьирование), отсылка к идиоме, отсылка к прецедентному тексту или включение в прецедентный текст (метафоризация элемента сюжета прецедентного текста), введение в текст других метафорических моделей, связанных с исходной на уровне следствия и пр. [Баранов, Караулов, 1994; Душенко, 1996; Красных, 1998; ТСРЯ, 1998]. Привлекает внимание исследователей и вопрос взаимоотношения языка (художественного творчества) и власти. В рамках риторики (сравнительно-исторической риторики, в частности) анализ проблемы соотношения власти и дискурса оценивается как наиболее перспективный, ибо риторика рассматривает структуру риторического идеала и логосферы культуры не саму по себе, а в связи с иерархией человеческого сообщества. В сфере риторических исследований политического дискурса рассматриваются проблемы: власть как право на речь (социальная роль vs. речевая роль, речевой этикет как система средств манифестации и соблюдения социальной иерархии), риторика манифестации власти (риторика вычеркивания из социального текста и контекста, речевая агрессия, социальное расслоение языка и дискурса); речевая роль и речевое поведение лидера монархического или харизматического типа; риторические портреты лидеров; риторические особенности политического дискурса (речевое поведение политика, власть и пресса - борьба и взаимозависимость, имидж и имиджмейкерство, вербальные и риторические стратегии в политической деятельности и СМИ), особенности русского политического риторического идеала [Николаева, 1988; Речевое ..., 1990; Оптимизация ..., 1990; Федосюк, 1992; Михальская, 1996; Мельник, 1996].

Особое место в лингвистическом анализе политического дискурса занимает изучение ментальных установок тех, кому адресована политическая информация, и тот, кто ее продуцирует (в т.ч. СМИ). Политический дискурс служит материалом для анализа эффективности речевого воздействия в сфере массовой коммуникации либо с позиций соотношения языка с социальной психологией (политический текст истолковывается как иерархия коммуникативных программ, анализируемых в целевом и социально-семиотическом аспектах), либо с позиций сугубо языковых (анализируются устойчивые лингво-когнитивные соответ-

ствия, выраженные в речи на лексико-семантическом, семантико-синтаксическом и стилистическом уровне), либо с позиций психосемантических (анализ строится, исходя из методологии и методики синергетической парадигмы). Сюда же примыкают попытки семиотической интерпретации феномена российского политического дискурса, рассматриваемого как система, основанная на игре символами. В качестве методики используется опыт постструктуралистских парадигм: деконструктивный метод Дерриды и теория симуляции Бодрийара [Рожков, Сорокин, 1983; Васильев, 1988; Эпштейн, 1991; Речевые ..., 1995; Современная ..., 1996; Телегин, 1997; Петренко, 1997; Петренко, Митина, 1997; Личность ..., 1998].

Фольклорное понимание политического дискурса предполагает подход к нему как к вербальной культуре, охватывающей весь этнос, элементы которой обнаруживаются в самых разных социальных и профессионально-бытовых слоях общества. Слагаемые этого дискурса разнородны: канцелярит и мат, анекдот и политический скандал, слухи и лозунги, частушки и пр. Словом, это то, что называют "неформальной политической коммуникацией" [Синдаловский, 1994; Найдич, 1995; Дмитриев, Латынов, Хлопьев, 1997].

Особое место в исследованиях политического дискурса занимают не собственно научные, а пограничные жанры гуманитарной мысли: эссеистико-публицистические исследования - описания современной социально-политической ситуации и прогностические экскурсы. Они важны не только потому, что характеризуют нашу политическую практику, но, что важнее, моделируют набор вербальных средств, используемых для структурирования политического дискурса как логосического феномена: ср., например: "хамодержавие", "особый путь России", "новый человек", "Сталин", "Иван Грозный" и пр. [Розенталь, 1985; Салуцкий, 1990; Казинцев, 1990; Лемешев, 1991; Монахов, 1995; Вайль, Генис, 1998; Дмитриев, 1998].

Таким образом, исследовательских направлений – путей немало, но всех их объединяет одна ориентация – на таксономию, причем рамочными становятся либо познавательные, либо прожективные установки исследователя. В первом случае результаты познавательной активности становятся обезличенными: хотя активность и приводит в движение слово, "настигающее" факт и возвращающееся в язык, где оно может обсуждать свои «приключения» в гностическом круге с себе подобными, все же эти «приключения» диссоциируют связь слова и объекта

(разрывают когнитивный круг). Во втором случае исследователь мыслит не столько познавательно, сколько экспертно-аналитически. Проективный подход включает в себя и проектирование, и программирование, т.е. рамочное замыкание соорганизованных позиций и мышлений, составляющих единый комплекс в осмыслении инновационного акта, и планирование перехода от исходного состояния к целевому "по шагам". Но всякое проективное мышление радикально отличается от исследовательского: оно темпорально и предполагают нашу принадлежность к осмысляемому миру. Тем самым, оно не объективно и вообще не субъект-объектно, оно - деятельностно; его результаты проверяются не на истинность, а на осуществимость и социальную преемственность. Это «парадоксальным» образом приводит к разработке таких же «парадоксальных» компьютерных программ, реконструирующих характер политических убеждений. Одна из таких программ была разработана для демонстрации политических установок американских консерваторов и либералов в отношении США, СССР и стран третьего мира. Приведём отрывок из диалога с "консервативной" и "либеральной" установками.

Входной текст: Советский Союз сосредоточил войска на чешской границе.

Диалог с консерватором:

В: Почему Советский Союз делает это?

О: Потому что Советский Союз думает, что, посылая войска, он может взять под политический контроль Чехословакию.

В: А что делать Соединенным Штатам?

О: Соединенные Штаты должны предпринять военное вмешательство.

Диалог с либералом:

В: Почему Советский Союз делает это?

О: Потому что Советский Союз хочет увеличить свое политическое влияние в Чехословакии.

В: А что делать Соединенным Штатам?

О: Соединенные Штаты должны осудить советские действия в ООН [Солсо, 1996: 522].

Можно утверждать - и это важно для нас, – что вышеприведённые ответы стереотипны и что мнения и либералов, и консерваторов различны, но ещё важнее, что такие программы отражают определенный реальный проективный процесс в освоении политического дискурса, носящий характер т.н. вырож-

денного знания.

Следовательно, есть все основания отойти от того и другого – и от познающего исследования, и от исследования прожективного, – отойти от таксономической методологии как ведущей в "дурную бесконечность", и использовать психолингвистический герменевтический подход, отражающий субъектно-объектный взгляд на действительность и не переводящий предметность в объекты и себя – в субъекты. В этом случае снимается также и оппозиция логическое – техническое, поскольку задачей интерпретации является понимание, а общим методом – организация понимания (своего и чужого).

Проблемная группа, созданная в Секторе психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН в 1997 году изначально ориентировалась именно на такое исследование политического дискурса в России. Перечень вопросов, который обсуждался в течение ежегодных рабочих совещаний, формулировался следующим образом: политический дискурс: попытка истолкования понятия; российский политический дискурс: от официального до обыденного; этнопсихолингвистическая прецедентность политического дискурса; дискурсивные портреты и автопортреты лидеров: когнитивные подходы; эгоизм политика: вербальный план; разложение и механизмы компенсации политической традиции; вербальные "механизмы" власти в ее дискурсивных и недискурсивных формах; вербальное сопротивление власти.

Выявленная в ходе работы с материалом специфика предмета и объекта исследования привела к необходимости ограничения исследовательской сферы и определения ее как психо-политологии. Мы считаем, что данный термин вправе занять одну из незаполненных "ячеек" психо-систематизации в современном научном знании. Он указывает на возможность ориентации в конструктивных ресурсах лингво-философского, в частности, феноменологического истолкования рассматриваемого нами феномена, в степени совместимости спекулятивно-философских усилий и разнообразных психо-практик и психо-методов. Иными словами, этот термин позволяет прорвать отчуждение герменевтического усилия – отчуждение воображаемого от реального, имманентного от трансцендентного.

Каково же место психо-политологии в этой психо-систематизации современного научного знания?

Психо-анализ предполагает сложную семиологию сущностей, недоступных прямому наблюдению; он изучает особенно-

сти мышления и поведения (защиты), соперничающих с импульсами влечений и желаний (аффектами), а также особенности отношений с объектами (перенос), являющихся причинами этих желаний; он нацелен на истолкование защит и реакций переноса.

Психо-терапия предполагает приобретение нового опыта и пренебрежения припоминанием вытесненного; непосредственное усвоение нового опыта (поведения), подчеркивание свободного выбора приоритетов, естественность, развитие личности, адаптацию среды, а не адаптацию к среде.

Психо-прочтение основывается на тезисе о том, что новое прочтение, как и всякое другое, – есть некий выбор и что открываемые им отношения между текстами в немалой степени создаются следующим способом их чтения: ничто само собой не разумеется, ничто не дано, все конструируется.

Психо-поэтика стремится выявить личностные смыслы в конвенциональных языковых единицах, способы преодоления неопределенности смыслов, содержательное своеобразие текстов, фиксирующих доминантные личностные смыслы концептуальной системы, эстетизированные эмоции, играющие регулятивную роль в адекватном восприятии и понимании этих личностных смыслов, вкладываемых в тексты; возможности целенаправленной репрезентации эстетизированной эмоции как компонента доминантного личностного смысла в языковых единицах, универсальные особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности (стресса).

Видимо, тексты, предлагаемые политиками, как нельзя лучше овнешняют взаимосвязь языка-речи, мышления (когнитивные концепты) и поведения (политического поведения), ибо человек есть существо, способное, по Платону, к государственному знанию, и живущее, по Аристотелю, в гражданском обществе.

Иными словами, мы полагаем неизбежным существование политической психолингвистики, изучающей взаимосвязь между менталитетом как образом мышления, языком и формами политического поведения человека.

Менталитет – это нечто, плохо поддающееся унифицированному образованию, воспитанию и исследованию. Менталитет – это неконтролируемая выплата национальной, бытовой и социальной среде, и в ней живут бессознательные модели поведения, жизненные установки, эмоции (чувства), представления о правильном и неправильном. Менталитет устойчив, замаскиро-

ван, живуч, агрессивен и овнешняется при первых признаках возможности игры на социальной сцене. Следовательно, основное внимание следует обращать не на психические состояния, а на психические ориентации, определяемые парами противоположностей: садизм - мазохизм, эгоизм - альтруизм, желаемое - действительное, зависимое - независимое и пр.

Задача проблемной группы состояла в том, чтобы лишить многое из того, что охватывается термином политической дискурс, ореола очевидности: "очистить" проблемы, которые ставятся перед человеком (от профессионального оратора, политика до пассивного потребителя, от говорящего меньшинства до безмолвствующего большинства) от видимости отрефлектированности. Необходимо было понять, во-первых, является ли политический дискурс тем, чем кажется на первый взгляд; во-вторых, какой он требует для себя теории; в-третьих, чего эта теория сможет добиться, а чего нет.

Основной проблемный блок вопросов формулировался следующим образом: в чем состоит тот особый вид существования языка-текста и речи-события, который объективирован в политическом дискурсе? Если мы четко определим условия функционирования политического дискурса, то сможем ли, исходя из корректно описанных связей, конструировать и программировать соответствующие языко-тексты и рече-события; прогнозировать высказывания и события?

Политический дискурс есть видовая разновидность идеологического дискурса. Различие между ними состоит в том, что политический дискурс эксплицитно прагматичен, а идеологический – имплицитно прагматичен. Иными словами, первый вид дискурса – это субдискурс, а второй – метадискурс. Операционально-функциональной единицей метадискурса является идеологема, операционально-функциональной единицей субдискурса - политикема. В политических дискурсах идет борьба за власть номинаций, за власть в сфере обозначения и, тем самым, борьба за фундаментальные групповые ценности. Это ведет к тому, что субдискурсы стремятся стать оценочными, а не фактологическими цепочками, а метадискурсы замаскировать свою оценочность фактологичностью или квазифактологичностью. Субдискурсы не раскрывают и, по-видимому, не стремятся раскрыть сущее как таковое. Продуктивным представляется анализ этих видов дискурса с точки зрения представленности в них соответствующих авторских качеств (качеств личности). Есть основания полагать, что они создаются акцентуированными личностями и,

в частности, демонстративными, застревающими, дистимическими и тревожными.

Политический дискурс – некая семиосфера коммуникативных практик, которые могут рассматриваться и в реальном, и в потенциальном (виртуальном) аспектах. В реальном измерении – это дискурсные события, текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. В потенциальном измерении дискурс представляет собой семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание некоторой коммуникативной сферы, а также тезаурус прецедентных высказываний и текстов. Помимо семиотического пространства, в потенциальное пространство дискурса входят также представления о типичных моделях речевого поведения и набор речевых действий и жанров, специфических для того или иного типа коммуникации.

Итак, виртуальный план дискурса создается его семиотическим и жанровым пространством, а его реальный аспект – коммуникативным пространством.

В плане выражения семиотическое пространство политического дискурса формируется знаками разной природы – вербальными, невербальными и смешанными. К вербальным знакам относятся слова, высказывания (политическая афористика), прецедентные тексты, к невербальным – знаковые или символические личности.

Как отмечают политологи, политика самым тесным образом связана с конфликтом, с борьбой за власть конфликтующих сил и личностей. Основу политического сознания составляют установки, ориентации, ценности, стереотипы, относящиеся к системе властных отношений. Общение в политической сфере отражает ситуацию борьбы за власть, а его когнитивную базу составляет политическое сознание. Конфликт и консенсус составляют двумя важнейшими характеристиками любой политической системы. Исходя из сути политической коммуникации, можно предложить следующее наиболее общее разделение знаков ПД по функциям: интегрирующие знаки, агональные знаки (знаки борьбы и агрессии) и знаки ориентации. Все эти базовые функции тесно переплетаются, и один и тот же знак может участво-

вать в выполнении любой из них.

Политик как знаковое тело существует в трех ипостасях:

а) политик как актер (Р.Познер) – исполняет роль, формирует имидж и подыгрывает ему. Назовем наиболее узнаваемые "маски": клоун (Жириновский; крепкий хозяйственник, смекалистый, работающий мужик (Лужков); режущий правду-матку грубоватый, бескомпромиссный вояка (Лебедь); студент-отличник (Кириенко); хозяин, царь (*Царь Борис, САМ, самодержец*). В политической журналистике нередко встречается и интерпретация ролевого образа, исполняемого политиком: *Стал говорить "от себя", стараясь предстать в образе умудренного жизнью старейшины России, ведущего диалог с ровесниками (о Ельцине на встрече со старейшинами Северного Кавказа). Сам президент играет образ строгого - нет, даже не отца нации, по радио он выступать перестал - тренера плохо слаженной команды. По телевизору его показывают в образе оракула, вещающего чаще всего банальности, которым подобострастно и никогда не открывая рта внимают члены этой команды;*

б) политик как представитель группы; знак, метонимически замещающий группу. С этой функцией связана персонализация политических партий и движений – их в современной России так много, что названия перестают выполнять идентифицирующую функцию, но по именам лидеров легко опознаются: *блок Рыбкина, движение Рохлина, партия Лебеда;*

в) политик как знак (тоже метонимический) тех или иных политических взглядов, концепций, направлений. Эта знаковая связь наиболее явно выступает в предложениях тождества типа: *Горбачев – это перестройка и гласность; Гайдар – это реформы.*

Антропонимы – имена политиков относятся к числу важнейших ориентационных знаков политического дискурса, поскольку являются узловыми концептами в понятийной сетке, отражающей этот фрагмент картины мира, и, будучи знаками с повышенной информативной емкостью, задают когнитивную парадигму, включающую, в частности, и набор типичных ролей и сюжетов.

Особым пластом в семиотическом пространстве политического дискурса являются знаки, специфически ориентированные на ведение политической борьбы – знаки вербальной агрессии, политические инвективы, бранная лексика и политические ярлыки. Следует отметить, что в качестве ярлыков чаще всего выступают термины – идеологемы как с устойчивой пейоративной коннотацией (*фашисты, оккупанты, расисты, экстремисты*),

так и нейтрально-оценочные, открытые для амбивалентного толкования (*коммунисты, либералы, демократы, патриоты*). В ярлыки их превращает идеологическая установка – оценка политического противника с позиции своей группы: "наш – не наш". Иными словами, основным приемом вербальной агрессии является отчуждение (маркирование чуждости).

Другой распространенный прием вербальной агрессии – гиперболлизация отрицательного последствия действий политического оппонента, достигаемая с помощью дисфемизмов: *Первоначально планировалось, что "наглая, циничная репетиция захвата нашей территории" пройдет в черте Владивостока ... Вспомним контрреволюционный шабаш, устроенный поповыми, афанасьевыми и иже с ними. В результате гайдаровско-чубайсовского грабежа который год в стране царствует развал, властвует произвол финансово-чиновничьей олигархии.*

Следующим по значимости оценочным измерением политического дискурса является шкала фидеистичности (достоверности).

В нем нередко используются так называемые "фантомные" денотаты, мигрирующие между полюсами абсолютной веры и полного безверия. Неслучайно апелляция к вере и доверию – характерный прием агитационных текстов: *Если вы уже никому не верите – голосуйте за тех, у кого слово не расходится с делом. Голосуйте за Апарину Алевтину Викторовну!*

Аналитики нередко отмечают характерную для фантомного состояния сознания веру в магию слова. *Частная собственность, рыночные отношения, демократия – все эти понятия казались нам едва ли не волшебными. Мы верили: достаточно заменить ими обрыдшее плановое хозяйство и нерушимое единство партии и народа – и "все будет хорошо".*

Еще раз отметим, что семантическое пространство политического дискурса образуется преимущественно тремя функциональными типами знаков - интеграционными, ориентационными и агональными. Актуализация этих знаков осуществляется с помощью категорий оценочности (идеологическая и фидеистическая оценка). Специфика оценочности в политическом дискурсе обусловлена такими факторами, как групповой характер политических ценностей и фантомность политического сознания.

С обсуждаемыми характеристиками семиотического пространства политического дискурса связано и то, что было определено нами как конфликтный дискурс политика.

Конфликтные формы общения – спор, полемика, критика,

дискуссия и т.п. – широко встречаются в практике речевой интеракции (в практике коммуникативного взаимодействия). Различаясь по типу и характеру противоречивости, конфликтные формы общения могут развиваться в строгом соответствии с их типовой фреймовой конфигурацией, в которой имеется соответствующий инвентарь показателей (как языковых, так и социальных) ролевого репертуара участников, их установок (личностных и коммуникативных) и набор их речевых (согласованных и несогласованных) действий, соответствующих конкретному типу фреймовой конфигурации.

В речевом поведении говорящей личности можно предположить существование оценочностной шкалы, представленной в виде некоторой оси, где в центре находятся количественные показатели речевых действий и высказываний с нейтральной или нулевой оценкой, а по краям – положительные (например, справа) и отрицательные (слева) речевые высказывания говорящего субъекта. Такое шкалирование применялось при оценке и анализе критериев категоричности речевых действий говорящего в процессе его регулятивной (диалоогоорганизующей, направляющей и регулирующей) деятельности, когда возникала необходимость усиливать или ослаблять эффект речевых (в иллюкутивном плане констатирующих) действий или утверждений.

В оценочную сферу политического дискурса входят в основном три типа объектов: 1) сам говорящий и его сторонники (последователи), 2) его оппоненты, их поведение, реальные и прогнозируемые поступки и личностные черты (характеристика, увлечения, привязанности и т.п.) и 3) объекты и факты, которые на первый взгляд не находятся в эксплицитных связях с двумя перечисленными выше параметрами. Оценочная деятельность в дискурсе дифференцируется по указанной выше шкале: положительная оценка и ее степень, нейтральная оценка и отрицательная оценка и ее степень.

Чаще всего встречаются следующие варианты положительной оценки, которые представляют одну из участвующих в конфликте сторон в привлекательных, социально-желательных (апологизированных) красках:

неаргументированные утверждения (по схеме: "Он – хороший", "Он – нужный", "Он – демократ" и т.п.); позитивно аргументированные суждения с указанием: 1) высоких моральных качеств, 2) служению интересам народа или общепринятым идеалам, 3) высокой компетентности (и говорящего, и его сторонни-

ков, причем, под компетентностью может пониматься как политическая, так и профессиональная деятельность объекта оценки), 4) миролюбивых и общепользовательных (в системе ориентационных ценностей сообщества) инициатив; указание на сходство и тождественность объекта апологизации с литературными и историческими персонажами (образами), чья позитивная деятельность мифологизирована в массовом сознании, а также распространение их оценочных характеристик на объект собственной апологизации (ср.: "Борис Первый – реформатор. Он как и Петр Первый не боится биться за успех реформ"; вывод с положительной оценкой: раз у Петра получились реформы несмотря на трудности, то у Бориса они также получатся); распространение информационных материалов о дружбе и знакомстве объекта положительной оценки с позитивно оцениваемыми в обществе людьми (схема: "Он знаком с умными / честными / благородными / добрыми / талантливыми людьми, значит, сам таков"). Варианты негативных оценок реализуются с использованием: неаргументированных утверждений (по типу "Он – плохой"); аргументированных оценочных суждений, обвиняющих оппонента: 1) в некомпетентности вообще или в незнании каких-либо сугубо профессиональных вопросов (по схеме: "Нынешний правящий режим не способен проводить разумную экономическую политику" или "Выдвигаемый кандидат никогда не работал в управленческой сфере / далек от производства / не знает нужд простых горожан" и т.п.); 2) в нанесении ущерба большой Родине или конкретному региону (конкретной области хозяйствования - энергетике, сельскому хозяйству, строительству и т.п.) и реальным жителям (схема: "Они просто грабят наш народ и выкачивают все резервы", "Эти горе-руководители создали все условия для экономических правонарушений в области, для коррупции, для преступности и бандитизма"); 3) в психическом нездоровье (схема: "Они создали сумасшедшую обстановку в области, люди просто теряют здравый смысл"); 4) в моральной неполноценности (схема: "Они дерутся, как пауки, за власть", "Они постоянно пишут друг на друга доносы и устраивают провокации"); 5) в чрезмерном рвении к власти (схема: "Они хотят сохранить свои привилегии", "Они хотят любой ценой удержаться во власти", "Они поддерживают своих казнокрадов" и т.п.); 6) в обострении конфронтации ("Они постоянно раскачивают лодку / устои / хрупкие ростки стабильности / демократии" и т.п., "Они специально раскалывают общество и противопоставляют народ и власть", "Эти зеленые / белые / красные / коричневые готовы

пойти на все").

Особенности языка политической полемики заставили обратить внимание и на его инвективные составляющие и, в частности, на то, что можно было бы назвать феноменом Жириновского.

В свою очередь, изучение инвективного тезауруса политиков оказалось связанным с профессиональными интересами юристов и адвокатов, заинтересованных в разграничении понятий чести и достоинства и в градуировании оценок ненормативности в материалах СМИ. Об этом направлении исследовательской работы можно судить по коллективной монографии [Леонтьев, 1997], в которой рассматривалось пять вопросов:

Анализ основных рабочих понятий – защита чести и достоинства, клевета, оскорбление, личная и деловая репутация и т.д. Их толкование в общенародном русском языке (по данным словарей), в текстах законодательства, в правоохранительной практике.

Изложение факта и его оценка. Различаются ли по своей природе сведения (сообщения) о фактах и мнения (суждения о них) автора текста (фактуальная и оценочная информация)? Подлежат ли эти виды информации одинаковой оценке с точки зрения соответствия действительности, и по каким критериям? По каким логико-грамматическим параметрам и психолингвистическим признакам дифференцируются эти виды информации?

Языковые средства оценки и использование в оценке нормативной и ненормативной лексики. Принципы отнесения языковых средств к ненормативной лексике. Границы и внутреннее расслоение ненормативной лексики.

Языковая ненормативность в конкретной коммуникативной ситуации. Социокультурные нормы использования различных видов ненормативности в типовых ситуациях общения.

Операциональные критерии клеветы или оскорбления в СМИ. Какие речевые высказывания и по каким признакам признаются инвективными, их классификация по допустимости (приемлемости) в разных видах речевой деятельности. Операционализация понятия "неприличное" применительно к текстам, адресованным массовой аудитории (неопределенного состава).

При решении этих вопросов целесообразным оказалось исходить из квалификации состава лексики и фразеологии соответствующих текстов на следующей понятийно-терминологической основе.

Следует отграничивать лексику инвективную от неинвективной.

Внутри инвективной лексики целесообразно различать единицы, относящиеся к: а) литературному языку (пусть и представленному единицами маргинального типа); б) "внелитературной" сфере русского языка, где сосредоточены наиболее грубые, натуралистические, циничные лексико-фразеологические единицы, в первую очередь обценная лексика и грубые жаргоны и т.п.

К инвективной лексике, относящейся к сфере литературного языка, целесообразен дифференцированный подход:

Общий вывод: само по себе употребление инвективных, даже обценных слов и выражений, еще не дает оснований для правового вмешательства. Оно возможно и правомерно только в тех случаях, когда:

- а) прямо адресовано конкретному лицу или группе лиц;
- б) наблюдается прямой умысел оскорбить (унизить);
- в) инвективная лексика характеризует не отдельные поступки или слова человека, а его как личность (дается обобщенная оценка его личности).

Политический дискурс в России является дискурсом не внушающего (западноевропейская особенность, присущая, например, речам А.Гитлера), а убеждающего характера. Признаки тоталитарного внушающего политического дискурса характерны только для листовок РНЕ, аналогичных текстам украинской УНА-УПСО.

Выбор стиливых параметров политического дискурса связан с целями и интересами его автора, но «стилевое решение» также завичит от когнитивных возможностей той аудитории, для которой дискурс предназначен. Неслучайно несовпадение стиля дискурса адресанта и адресата обыгрывается в пародиях на политических деятелей, и гласно и негласно поощряется умение того или иного политика общаться с аудиторией "на ее языке". Анализ русского политического дискурса позволяет считать, что все произошедшие с ним изменения в полной мере укладываются в рамки стандартных характеристик "интересы - цели - стили" и "стили – цели – интересы". Единственным изменением можно считать новый выбор риторических видов политического дискурса, что обусловлено целями и интересами сегодняшнего общественно-политического состояния общества.

В современной российской политической культуре постепенно возникает концептуализированная маргинальная сфера,

носящая оценочный характер – сфера социально-личностной интерактивности, харизмы. Она возникает на словесном пути, проходимом политиком, и зависит от его умения поддерживать постоянный контакт и непрерывное активное взаимодействие со слушающими, от эмоционального развития речи, гипнотизирующей аудиторию; от "заученной неискренности" и "самораскрытия своей души"; от перенасыщенности тропами речи (в пределе минимализированной до притчи) и до умения подавлять конкурентов.

Харизматичность лидера и психологическое состояние толпы (массы) являются взаимодополнительными величинами или, скорее всего, зеркальными подобиями: они в равной мере аномальны/криминальны, для них в равной мере важно использование наглядных образов (так называемые процессы наложения и проекции) и ориентация на "автоматическое мышление". Если к этому добавить установку на повторяемость (событий) ("грамматика убеждения основывается на утверждении и повторяемости, на этих двух главенствующих правилах") и на сакрализацию авторитета (составляющие которого суть убежденность и отвага) как на особые ценности, то основным в процессе взаимодействия харизматической личности и толпы оказывается обмен фантомными фактами и мультипликационным поведением.

Для изучения этого взаимодействия необходима – в рамках социальной психологии и психолингвистики – особая субдисциплина – психомассогагика с такими подразделами, как психодеструктивика и психоимпульсивика.

Есть все основания утверждать, что сейчас взаимодействие между двумя зеркальными подобиями существенно изменяется: для техногенно-цивилизационного типа *homo sapiens* и лидеров приоритетным оказывается не только ностософилия, но и феминизация, а также оргазмизация процессов общения.

В то же время различие между Совокупным Я и Я не перестают быть конфронтационными: "Они (различия), так сказать, физически ощутимы. Однако эмансипация Я, выделение его из совокупного Я не означает, что последнее исчезает вовсе и не функционирует при переходе к другим узлам развития. Иное дело, что меняется его удельный вес в жизненном потоке развивающегося индивида. Долгое время самостоятельность выделившегося Я остается вполне иллюзорной. Оно продолжает не только оставаться, но и ощущать себя частью симбиотического, точнее, социобиологического, или коллективного Я" [Зинченко, 1997: 162-163].

Показательно также, что сегодняшние толпы и их лидеры в равной мере хотят быть "развлекающимися особями /фигурами /персонажами", стремясь к взаимообоющению. Хотя феномен взаимообоющения отнюдь не нов, его характер в настоящее время существенно меняется: взаимообоющение становится все более театрализованным (перформанс) и медиаторным (усиление роли посредников – средств массовой информации). Одновременно с этим возрастает и роль приватной коммуникации (приватного общения), представленной (-ого) такой ее (его) формой, как слухи, являющиеся разновидностью самовозбуждающих и самоутошительных игр. Но не менее очевидно и другое: эти игры деконструктивны (в том понимании деконструкции, которое предлагает Ж.Деррида) по отношению к традиционному "алгоритму" взаимодействия зеркальных подобий.

Этому, по-видимому, способствует субстанция слухов: они 1) конвертируемы, 2) итеративны, 3) межперсональны, 4) эхотичны (стремятся совпасть сами с собой), 5) саморелаксационны.

Не менее важно и следующее: и институциональная, и приватная коммуникация ориентируются на ментально-фразеологизированную метафорику или, точнее говоря, на квазиметафоры как совокупность директивно-дейктических комплексов, на экзо- и эндоориентированные, гипертрофированные и квазипартиципационные знаки-гибриды. К тому же, если и в той и в другой коммуникации вербальные дискурсы стремятся указать на сферу смысла, то невербальные дискурсы (кинестические дискурсы) стремятся показать на себя как на идеальный пример редупликации.

Учитывая вышесказанное, можно сказать: любой из ответственных лидеров – будь то Ленин или Сталин, Ельцин или Лебедь – антихаризматичны и по своей сути, и по тем вербальным и невербальным знакам-сигналам (сознательным и бессознательным), которые могут свидетельствовать об энергетике аттрактивности или, иначе говоря, об энергетике притягательности.

Ярким примером отсутствия составляющих харизмы является *Г.А. Зюганов*, за которым тянется шлейф "магии поста". *Е.Т. Гайдар* отличается фатальной неспособностью чувствовать аудиторию, его апелляции адресованы "интеллектуальной" толпе, составляющей незначительную часть электората, и направлены в первую очередь на сугубо рациональное воздействие. Другие представители "молодого поколения" политиков –

А.Б. Чубайс со товарищи, Б.Е. Немцов, С.В. Кириенко – сознательно дистанцируются от окружающих (нарушается заповедь "я свой"), апеллируя (как и Гайдар) скорее к "рацио" аудитории, нежели к ее эмоциям. Что касается таких деятелей как Ю.М. Лужков и А.И. Лебедь, то они также являются квазихаризматиками.

Однозначно харизматические качества присущи В.В. Жириновскому, чью предвыборную кампанию 1996 года можно считать образцом профессиональной агитации.

Поведение Жириновского (осознанно или неосознанно) предполагает ломку стереотипов поведения, ориентированную на эпатаж публики (например, выплескивание сока в лицо оппонента, драка в парламенте, "избиение" журналистки и склонность к рукоприкладству вообще). На эпатаж работает и вербальное поведение Жириновского и, в частности, – его речь, которая отличается эмоциональностью, образностью и экспрессивностью. Жириновский, как правило, напорист и агрессивен, он не слушает собеседника, обрушивая на него лавинообразный поток слов ("Как не остановить бегущего бизона..."), заводит себя, входя в транс и вводя в него же аудиторию, причем любую аудиторию: "от подростков из подворотни" до академиков. Речи Жириновского присуща своеобразная "формальная" "цепочная" логика: слово "цепляется" за слово, понятие подменяется, что и приводит к эффекту "обманутого ожидания". Например, в статье "У микрофона водокачка" М.Варденга предположила, как могла бы звучать в интерпретации Жириновского лермонтовская фраза: *Я ехал из Тифлиса. Тифлис – это столица Грузии. Грузия – это страна на Кавказе. Кавказ – это горячая точка. Точка – это понятие*. Или высказывание Жириновского, ставшее почти крылатым: *Мама – русская, папа – юрист*.

Ориентация на «захват» аудитории предопределяет и выбор языковых средств (синтаксических и лексических): речь Жириновского отличается грамматической правильностью, он использует простые синтаксические формулы (простые предложения с минимумом распространителей), завершенные и самодостаточные. (Ср. с синтаксическим строением речи Е. Гайдара или Г. Бурбулиса, которая изобилует сложными предложениями с многочисленными придаточными). Что касается лексических средств, то основной массив используемой Жириновским лексики относится к литературной разговорной речи, однако подчас он эффектно сдабривает её элементами просторечия, грубоватыми и откровенно грубыми словечками (типа *подонок*). Выбор

соответствующей лексической единицы, очевидно, обусловлен той же установкой на эпатаж и максимальную краткость, емкость и экспрессивность речи. Яркость и лапидарность формулировок Жириновского (при всей их подчас полной абсурдности) делают их легко запоминающимися независимо от отношения реципиента к конкретному высказыванию или к его автору. Ограничимся одним из последних "крылатых выражений" Жириновского, которое по праву может конкурировать с бессмертным "Пришел. Увидел. Победил" (цитируем по памяти): *Я люблю журналистов. Тех, которые объективно пишут. Был такой Джон Рид. Написал честно. Умер. Его похоронили.*

Сравним вербальное поведение Жириновского и Горбачева, для речи которого также характерны «неостановимость», подмена понятий и "очень своя" логика, как правило, ускользающая от реципиента любого интеллектуального уровня. И всё же речь Горбачева несколько иная: в ней много незавершённых высказываний, придаточных предложений и сложных распространенных оборотов при отсутствии логической "точки" отсчёта (полное отсутствие предикатов), поскольку важен "процесс, который пошел". Отметим, что сложность гайдаровской речи имеет иную природу: Гайдар "говорит, как пишет" и, как правило, доводит логическое построение речи до конца, не теряя ни предикатов, ни нити рассуждения. Горбачев говорит иначе: даже при очень большом желании "редкая птица долетит до середины" его фразы. Если добавить к этому частотные нарушения лексической сочетаемости (*Если думали меня запугать, то нет... поскольку я сейчас с еще большим забралом*) и неоправданное использование иностранных слов и оборотов (знаменитый *консенсус*; *кто есть ху*), то становится понятным, почему речь Горбачева воспринимается большинством реципиентов как набор слов, создающих впечатление семантической пустоты.

Одной из новых тенденций в борьбе за власть и слово является использование в текстах политического характера прецедентных высказываний.

Эти высказывания есть не что иное, как когнитивные структуры, представляющие собой формулу кодирования и хранения информации о феноменах экстралингвистического и лингвистического характера. Прецедентные высказывания – эталонны: реальная ситуация по каким-либо признакам сопоставляется автором с типовой прецедентной ситуацией, в структурированном виде представленной в когнитивной структуре (прецедентные высказывания выступают как означающее последней). Реальная

и прецедентная ситуации могут представляться эквивалентными, но выраженными в контрастных терминах. Прецедентные высказывания (особенно трансформированные) используются в политическом дискурсе как способ выражения оценочного начала той или иной политической ситуации, политического лидера, его действий и т.п., являясь в то же время и средством идеологического воздействия на читателя.

Прецедентные феномены служат не только для выражения экспрессии, но и задают определенную систему ценностных ориентаций, регулиующую социальное поведение представителей лингвокультурного сообщества. Именно этим объясняется серьезное различие в составе и употреблении прецедентных имен в тезаурусе газет, являющихся политическими оппонентами.

Каждое лингвокультурное микросообщество стремится ограничить самодетерминацию индивида жестко заданными рамками, свести к минимуму свободу его маневра в культурном пространстве. Роль такого ограничителя и, соответственно, регулятора социального поведения личности играет модель ее концептуальной базы.

О стремлении изменить эту модель свидетельствует попытка изменить представления, стоящие за прецедентными именами, что предполагает трансформацию некоторых участков когнитивной базы, отказ от старых образцов, знаками которых выступают прецедентные имена, и предоставление новых образцов.

В силу того, что представления, стоящие за прецедентными именами, не поддаются авторефлексии, какое-либо "остранение", способность взглянуть на них "другими глазами" оказываются невозможными, а это существенно затрудняет диалог между коммуникантами.

В связи с этим особенно актуальным оказывается выявление характера и структуры прецедентов, ибо они позволяют спрятаться за "чужую" речь, отказываясь от "своей". Как правило, под прецедентами в широком смысле этого слова понимаются любые стандартные, неизменные по форме и связанные со стереотипным содержанием вербальные единицы, но продуктивно-эвристическим оказалось более узкое понимание прецедентов, подразделяемых на прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты, прецедентные ситуации, тесно связанные с ритуальной речью и активно функционирующие в ней, например, в текстах современных СМИ: Гамлеты

в политике; Луч света в темном государстве; Восток – дело тонкое. Наряду с прецедентностью апелляция к массам ("толпе"), характерная для политического дискурса, заставляет придерживаться максимальной стереотипизации содержания высказывания, а стереотипное содержание требует, в свою очередь, стандартизированной формы. Стандартизация высказываний ведет к стандартизации дискурса, в который они включены, и речевого поведения в целом. Наиболее удобной формой такой стандартизации и является ритуал, сводящий многообразие речевого поведения к ограниченному набору типовых ситуаций, причём самыми важными оказываются указывающие на стандартную форму вербальные сигналы (прецеденты), при получении которых в сознании реципиента актуализируются стереотипные содержания ("сцены"). Информационная нагрузка такой коммуникации оказывается, по-видимому, близкой к нулю, коммуниканты лишь "метят" свою позицию или обмениваются "поглаживаниями".

Таким образом, существование стереотипов и стандартных вербальных форм их выражения играет двоякую роль. С одной стороны, они необходимы: без них невозможно оказывается и социальное существование индивида (его бытование как культурного существа), и существование самого культурного пространства, с другой, – сужают поведение индивида и блокируют его поступки. Абсолютная свобода и абсолютная стандартизация, конечно, представляют собой два идеальных полюса: в реальном речевом поведении поступки и ритуалы сочетаются. И все-таки представляется, что можно говорить о преобладании одной из этих двух тенденций.

Рассмотрим некоторые конкретные примеры, которые иллюстрируют представленные выше теоретические соображения, приводя основные, как нам представляется, "доминирующие" черты образа политического деятеля, соответствующие определенным чертам некоторого стереотипного образа. В качестве иллюстрации приводятся высказывания самих политиков.

Генерал Лебедь. Строит, на первый взгляд, "простой" образ "честного вояки-офицера", но образ этот все-таки многокомпонентный:

1) строгий, но справедливый хозяин, генерал-батюшка ("отец солдатам"), который знает, как навести порядок: "Президентская власть мне нужна как инструментарий, чтобы установить цивилизованный порядок... У меня десантное образование. Я хорошо умею то, чему учился" (АиФ, № 29, 1997);

2) свой, "нормальный" мужик (может "выпить столько, сколько нужно"), который не может больше терпеть "безобразия" власти: "Я был нормальным десантным генералом, который мог выпить столько, сколько нужно, и всего, что горит. Но, насмотревшись на некоторых представителей политической элиты, это дело прекратил" (АиФ, № 28, 1997);

3) "скромный", "один из...", подчеркивающий, что "один в поле не воин", что должны быть соратники: "Один человек, каким бы он ни был, не свернет горы, но он может сделать это руками людей, которых убедит пойти за собой" (АиФ, № 33, 1999);

4) невзирая на лица, может резать "правду-матку", причем в лапидарной, "сочной" форме, что тоже работает на образ "своего мужика": "Зюганов лежит под Черномырдиным. Он его финансирует" (АиФ, № 31, 1997); "Иван Петрович [Рыбкин] взялся за хвост и идет за процессом" (АиФ, № 33, 1997).

Ю.М.Лужков. Наиболее точно, на наш взгляд, образ Лужкова представлен в коллаже в "Аргументах и фактах" № 36, 1997 г. – добрый волшебник (цилиндр на голове и волшебная палочка в правой руке), но работага (рабочая рукавица на левой руке); фоном служат Храм Христа Спасителя и памятники архитектуры Москвы; перед ним – рабочая каска, из которой словно кролики, появляются на свет Божий новостройки.

Таким образом, нам предложен визуальный образ настоящего хозяина: он заботится о своем доме, может за него постоять, не гнушается черной работы, может и гостя принять, и праздник организовать, и чудо совершить. Напомним в связи с этим об анекдоте, рассказанном Ж.-М.Жарром: м-е Жарр хотел устроить в Риме шоу и попросил разрешения Папы. Главная проблема, объяснял он Папе, погодные условия, поскольку он проводит свое шоу на открытом воздухе. Папа принципиальное разрешение дал, но сказал, что погода – это промысел Божий, он него, Папы, не зависящий. Вскоре после этого аналогичные переговоры проводились с мэром Москвы. На упоминание о необходимости хорошей погоды Лужков отрезал: "Будет погода".

Как всякий хороший хозяин, Лужков уверен в своей незаметности, в любви окружающих и поэтому может себе позволить некоторое кокетство: "Здесь [в Москве] ко мне хорошо относятся люди. Да москвичи никуда [в том числе на место президента – Ред.] меня не отпускают" (АиФ, № 37, 1997).

В.В.Жириновский. Доминанты этого образа – "клоун", "аномалия", "проблема медицинская" (последнее высказывание принадлежит г. Козыреву в его бытность министром иностран-

ных дел). Жириновский старается следовать этому образу (что, очевидно, ему не слишком трудно), а избиратель этого ждёт.

Этот образ позволяет ему говорить все, что он хочет: под маской "юродивого" режет "правду-матку", вербализует те идеи, которые разделяются многими, но не «тиражируются» в силу, например, воспитания и морали. Порождаемый им текст зачастую абсолютно абсурден: «Придет час, и российский солдат еще помоем свои сапоги в Индийском океане» (МКБ, № 7, 1997); "О каких доходах вы говорите? Посмотрите, как я хожу: в стоптанных ботинках, старых брюках. Четыре года назад купил немного ткани – пошил себе рубашку. Карманы пусты – один носовой платок. А вся зарплата идет на партийные нужды и поездки..." (МКБ, № 11, 1997); "Англия – богатая страна, а у них бешеные коровы. От чего коровы с ума сошли? От британской демократии" (АиФ, № 34, 1997; МКБ, № 15, 1997); "Если "Макдоналдс" - хорошее заведение, почему наши люди умирают в 57 лет?" (АиФ, № 36, 1997).

Подчеркнем следующее: мы не утверждаем, что только стереотипы обуславливают выбор избирателями того или иного политика. И всё-таки, на наш взгляд, нельзя не согласиться с тем, что именно они позволяют соотнести образ конкретного политика с собственной индивидуальной системой оценок и определить место данного политика на шкале "свой/чужой".

Все эти проблемы органично связаны с верификацией методики описания фрагментов этнической ментальности, а именно с зависимостью качества речевых портретов от "картины мира" носителя языка, ложного / истинного образа, созданного СМИ, и собственного отношения к своему образу.

Приведём в этой связи результаты опроса в среде учащейся молодежи в возрасте от 16 до 25 лет. 100 студентам одного из гуманитарных вузов г. Кривого Рога (Украина) предложили выполнить указать на положительные и отрицательные черты в характере Бориса Ельцина и Леонида Кучмы". Вот их ответы:

Леонид КУЧМА. Активный, решительный, Много говорит, но мало делает, Хитрость, Мямля, не уверен в своих силах, Забота о других, компромисность, рассудительность, уважение к нации, к правам своего народа, Хитрость, увиливание, внешность и разговор оставляют неприятное впечатление, Добрый, сердечный, отзывчивый, исполнительный, рассудительный, некоммуникабельность, незнание родного языка, не думает о своем народе и под.

Борис ЕЛЬЦИН. Приятная внешность, стремится улучшить

жизнь российского народа, Много пьет и позорит свое государство, Настойчивость, хороший семьянин, Твердость характера, практичность, настойчивость, Аккуратность, Энергичный, жизнерадостный, заботится о своей семье и государстве РСФСР, терпеливый, сдержанный, прямолинейный человек, знает, что делает, Властный, жестокий, Последнее время власть уходит из его рук, Стар, болен, простодушный, Русский широкий образ, Вспыльчивый, немного грубоват, Присуща холодность, Кормит завтраками народ, страдают рабочие и крестьяне, Преувеличенная самоуверенность, распущен, жесткость, Неприятная внешность и т.д., и т.п.

Общее представление об индивидуальных качествах личности весьма мозаично. Корректировка актуальных фрагментов общей картины мира личности происходит, по-видимому, под влиянием актуальной ("рваной") информации, поступающей из средств как массовой (телевидение, радио, пресса), так и немассовой информации (слухи, анекдоты, легенды, сплетни). Качество такой информации оставляет желать лучшего: информация в большинстве случаев ложна. Психологические портреты президентов Украины и России, созданные криворожскими студентками, обучающимися в гуманитарном вузе, основаны не на информации, полученной из первых рук, а на подсознательной и сознательной интерпретации той информации, которую они получили от средств массовой и не-массовой информации. Следовательно, вышеприведенные портреты президентов Украины и России есть часть их ложных имиджей.

Эти утверждения не станут истинами оттого, что мы будем повторять их снова и снова. Они не приблизятся к истине, даже если поставить их на голосование. Так считал Ф.Дюрренматт. Но если Паркинсон прав, а он прав, то почему мы так часто повторяем одни и те же утверждения, почему голосование так распространено и считается эффективным методом решения спорных вопросов? Это еще одна, пока еще не разгаданная загадка, феномена политического дискурса в России. И таких вопросов-загадок еще много.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Языковые игры времен перестройки (феномен политического лозунга) // Русистика. 1993. № 2.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
3. Блюменкранц М.А. Введение в философию подмены. М., 1994.
4. Бондаренко В. Россия - страна слова. М., 1996.

5. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. М., 1997.
6. Вайль П., Генис А. Мир советского человека. М., 1998.
7. Васильев Т.Е. Стереотип в общественном сознании: социально-философские аспекты. М., 1988.
8. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград. 1997.
9. Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. М., 1983.
10. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
11. Грушин Б.А. Массовое сознание. М., 1987.
12. Денисов П.Н. Язык русской общественной мысли конца XIX - первой четверти XX вв. М., 1998.
13. Дмитриев А.В. Социология политического юмора. М., 1998.
14. Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. Неформальная политическая коммуникация. М., 1997.
15. Дубровский Д.М. Обман: философско-психологический анализ. М., 1994.
16. Душенко К.В. Русские политические цитаты: от Ленина до Ельцина. М., 1996.
17. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // ВЯ. 1996. № 3.
18. Зинченко В.П. Посох Мандельштами и трубка Мамардашвили. М., 1997.
19. Знаков В.В. Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. М., 1993.
20. ИЯР Имплицитность в языке и речи. М., 1999.
21. Казинцев А.И. Новые политические мифы: Опыт публицистического исследования. М., 1990.
22. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.
23. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М., 1998.
24. Лемешев М.Я. Пока не поздно. М., 1991.
25. Леонтьев А.А., Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Сорокин Ю.А. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М., 1997.
26. Литвинов В.П. Полилогос: проблемное поле. Тольятти, 1997.
27. Личность и власть. М., 1998.
28. Любимова Н.М. Лингвистические мемуары. М., 1994.

29. Медведев С.А. СССР: деконструкция текста (к 77-летию советского дискурса) // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания. М., 1995.
30. Мельник Г.С. Mass-media: психологические процессы и эффекты. СПб., 1996.
31. Мирошниченко А. Толкование речи: Основы лингво-идеологического анализа. Ростов-на-Дону, 1995.
32. Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996.
33. Монахов Н.А. Плоды подсознания. М., 1995.
34. Найдич Л.Э. След на песке: Очерки о русском языковом узусе. СПб., 1995.
35. Нерознак В.П., Горбаневский М.В. Советский "новояз" на географической карте: о штампах и стереотипах речевого мышления. М., 1991.
36. Николаева Т.М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
37. Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
38. Политический дискурс в России: Материалы рабочего совещания. М., 1997.
39. Политический дискурс в России-2: Материалы рабочего совещания. М., 1998.
40. Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
41. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск, 1997.
42. Петренко В.Ф., Митина О.В. Анализ динамики общественного сознания. Смоленск, 1997.
43. Разновидности городской устной речи. М., 1988.
44. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990.
45. Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тезисы конференции. М., 1995.
46. Розенталь Э.М. Парадоксы протеста. М., 1985.
47. Рыжков В.А., Сорокин Ю.А. Стереотипизация как метод воздействия на аудиторию // Язык как средство идеологического воздействия. М., 1983.
48. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996.
49. Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
50. Салуцкий А.С. Пророки и пороки. М., 1990.
51. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

52. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.

53. Синдаловский Н.А. Петербургский фольклор. СПб., 1994.

54. Современная политическая мифология. М., 1996.

55. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М., 1996.

56. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

57. Телегин С.М. Восстание мифа. М., 1997.

58. Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения. СПб., 1998.

59. Федосюк М.Ю. Выявление приемов "демагогической риторики" как компонент полемического искусства // Риторика в развитии человека и общества. Пермь, 1992.

60. Эпштейн М.Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // ВЯ. 1991. № 6.

61. Marquard O. Abschied von Prinzipien. Philosophische Studien. Stuttgart, 1981.

© Базылев В.Н., 2005

Пименова М.В.

Кемерово

КОНЦЕПТ ПОЛИТИКА И СПОСОБЫ ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Исследование языка позволяет заглянуть за кулисы производства образов, категорий, которые формируются в сознании народа, дает возможность увидеть мир так, как он представлен в языке. «У языка много предназначений и каждое из них предъявляет свои права. Язык формирует концепты и суждения, осуществляет коммуникацию – повседневную и «долгосрочную», обслуживает социальные акции, участвует в свершении ритуалов, регулирует человеческие и социальные отношения, хранит историческую и культурную память народов, выражает и сохраняет знания о мире и человеке. ...Стремясь передать индивидуальное и мимолетное, ощущение и впечатление, язык использует приемы, разрушающие границы концептов: они утрачивают определенность» [Арутюнова, 1988: 3]. В современной лингвистике выделяется особая отрасль – политическая лингвистика, цели, задачи и основные направления которой сформулированы А.П. Чудиновым [см. подр.: Чудинов, 2003: 170-171].

В русском языке слово *политика* известно с эпохи Петра I. Происходит оно из греческого языка, через западноевропейские языки слово пришло в русский язык. Мотивирующий признак восходит к первоисточнику: греч. *политика* «государственная

деятельность». Из греческого – латинское прилагательное *politicus* «имеющий отношение к государственным делам», «политический» [Черных, II: 52]. В современном русском языке мотивирующий признак прослеживается в первичном значении слова: *политика* «1. деятельность государственной власти, партии или общественной группы в области внутригосударственного управления и международных отношений, определяемая классовыми интересами этой власти, партии, группы; система государственных мероприятий, направляющая деятельность в какой-л. области» [СРЯ, III: 261]. Ср.: *политика президента, политика партии, политика правительства, политика блока*; Моё извинение заключалось в том, что за это время моя жизнь слишком тесно переплелась с моей **политической деятельностью**, чтобы оставалось много места для моей личной жизни. Милюков. Воспоминания. Государственная деятельность может быть мирной (*политика мира; политика мирного сосуществования; мирная / миролюбивая политика*), агрессивной (*агрессивная политика; политика с позиции силы*), захватнической (*захватническая политика*), открытой, при этом государство описывается метафорами дома (*политика открытых дверей*) и метафорами стратегии и тактики проведения военных действий (*оборонительная политика; наступательная политика*). Эта деятельность характеризуется через признаки постоянства, твердости (*неизменная политика; твердая политика*), эти характеристики выражаются также в признаках относительного времени и времени жизни (*новая политика; обновленная политика; старая политика; современная политика*).

Политика касается внутригосударственных и межгосударственных отношений (*внутренняя политика; внешняя / международная политика; политика разрядки, политика нейтралитета, политика неприсоединения, политика невмешательства во что*). Такая деятельность затрагивает этнические (*национальная политика*), экономические вопросы (*экономическая политика; финансовая политика; торговая политика страны*).

Политика оценивается в рамках психологической оценки; она может быть рациональной (интеллектуальной), когда осмыслению подвергаются мотивы оценок (*правильная политика; непонятная политика; разумная политика; мудрая политика; последовательная политика; (не)решительная политика; осторожная политика; (не)дальновидная политика; хитрая политика; авантюристическая политика*), нормативной (*обычная политика; нормальная политика; странная политика*), телео-

логической (*эффективная политика; неэффективная политика, удачная политика; неудачная политика*), этической (*аморальная политика, безнравственная политика, порочная политика*) и утилитарной оценок (*благоприятная политика; неблагоприятная политика*). Для политики не свойственны индивидуальные виды оценок (например, сенсорно-вкусовая (гедонистическая), эмоциональная, эстетическая оценка). Перечисленные виды оценок образуют две группы. В первую группу входят оценки, связанные с ментальным опытом, они ориентируют человека в социальной среде, способствуют его аккомодации, достижению комфортности в обществе (*Тут же вырисовывались некоторые черты моего будущего социологического и политического мировоззрения*. Милюков. Воспоминания). Нормативная, телеологическая и утилитарная оценка восходят к рациональной оценке. Эти оценки связаны с практической деятельностью, практическими интересами и повседневным опытом человека. Основные критерии таких оценок: физическая или психическая польза, направленность на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции (в том числе и той, к которой данный предмет и предназначен), соответствие установленному стандарту. Речь идет о тех видах ценности, которые принято считать тривиальными, или относительными.

Вторую группу образуют сублимированные оценки. К ним относятся этические оценки, которые связаны с удовлетворением нравственного чувства. «Эта группа оценок не безразлична к понятию архетипа – нормы, образца, примера, потенциальных требований, предъявляемых к объекту.... Между тем положительная этическая оценка в общем случае требует ориентации на этическую норму, соблюдение нравственного кодекса, т.е. большего или меньшего количества правил и заповедей» [Арутюнова, 1988: 76]. Оценка тех или иных явлений общественной жизни обоснована. Как пишет В.И. Карасик, «ценности в значительной мере определяются идеологией, общественными институтами, верованиями, потребностями» [Карасик, 2002: 168].

Характер государственной деятельности – *политики* – затрагивает аспект активного поведения, сценарий которого включает в себя суть, внутреннее содержание (*вопросы политики; задачи политики; смысл политики; Не зная хорошенько происхождения толстовского классицизма, мы всё же не могли не улавливать его общего политического смысла, и чем дальше, тем он становился яснее*. Милюков. Воспоминания; **Политический смысл** этих восторгов мне был тогда непонятен.

Милюков. Воспоминания), направление (*курс политики; направление политики; проведение политики; следовать какой политике; придерживаться какой политики; политика направлена на что; Россия неуклонно проводит политику мира*), цель (*цель политики*), затрагиваемую область (*область политики; политическая область*), цели (*политическая цель; целенаправленная политика*), программу (*политическая программа; часть какой политики*), оценку (*роль политики; значение политики*), результат (*результат политики; успех политики; провал политики*), интенсивность проявления такой деятельности (*сила политики; политические силы*). «Допустимо: действовать неосмотрительно (необдуманно, импульсивно), но не *действовать хорошо (плохо, предосудительно). Это – глагол, обозначающий активное и почти всегда целенаправленное поведение или реализацию замысла, программы (не случайно говорят о программе действий), но не ее выбора» [Арутюнова, 1988: 203].

Второе значение слова *политика* «события и вопросы внутренней и международной общественной жизни» [СРЯ, III: 261]. Словом *политика* в данном случае описываются ситуации происходящего в стране и мире (*текущая политика; политические события; политическая ситуация в стране/ мире; В стране бурно росло всеобщее негодование и политическая обстановка обострилась до предела*. Булгаков. Багровый остров), а также союзы и объединения (*политические партии и движения*), их главы (*политические лидеры; политическое руководство*) и их деятельность (*политическая позиция; политическое направление*). Указанные значения слова связаны с дифференциацией особых типов категоризации политики; здесь второе значение политики выступает в рамках категорий знания (*разбираться в политике; в какой политике руководствоваться чем; о какой политике читать/ писать/ говорить/ думать/ размышлять; понимать чью политику; изучать политику; Анисья Михайловна, жена Ключевского, приносила чай, мы поднимали политические вопросы (а их было много в эти годы) и осаждали Василия Осиповича желая знать его мнение*. Милюков. Воспоминания), а первое – в рамках категории занятия (*интерес к политике; интересоваться увлекаться политикой; политические интриги; политические игры*). Занятие политикой сейчас чаще переосмысливается как некая механическая деятельность (*политические технологии*), результатом которой будет некий продукт (*политическая кухня*). Политика есть пред-

мет споров и обсуждения (*говорить о политике; обсуждать политику; спорить из-за политики; Брата не обманешь, надо будет сказать ему, что мы повздорили из-за политики*. Тургенев. Отцы и дети; *В городе все знакомые тревожно засуетились, заговорили о политике*. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Политическая жизнь определяется через витальные признаки зарождения жизни, ее движения и развития (*политическое развитие страны; Я оставлял позади зародыши будущих разногласий с молодежью, как в культурной, так и в политической жизни*. Милюков. Воспоминания; *Эти общественные деятели даже пытались объединиться, разбились по кучкам и образовали ряд замкнутых политических клубов, которые не могли иметь влияния на ход политической жизни в стране*. Милюков. Воспоминания), национальные признаки жизни общества (*За эти годы я многому научился; но в то же время русская политическая жизнь ушла далеко вперед*. Милюков. Воспоминания; *Однако же наиболее сильное впечатление на меня произвела, во время этой зимовки в Лондоне, не столько русская эмиграция в ее разнообразных представителях, сколько английская политическая жизнь, за которой я впервые мог наблюдать внимательно*. Милюков. Воспоминания), социальные признаки демократизации, свободы (*Она прежде всего стремилась демократизировать политическую жизнь страны, привлекая к ней широкие массы населения*. Милюков. Воспоминания; *Это был метод, к которому я вполне мог присоединиться, как к первичной и переходной стадии политической организации, которую я считал неизбежным предварительным условием всякой свободной политической жизни*. Милюков. Воспоминания), сложность и многообразие политической жизни характеризуется качественными признаками цвета (*В России эти оттенки часто сливались ввиду элементарности политической жизни*. Милюков. Воспоминания).

Третье значение лексемы *политика* «разг. Общий характер поведения, образ действий кого-л., определяющий отношение к кому-, чему-л.» [СРЯ, III: 261]. Сценарий действий по отношению к кому-либо или чему-либо близок сценарию государственной деятельности; он включает в себя такие компоненты, как направление, курс (*вести какую политику; проводить кому/чему какую политику; простая/ сложная/ тонкая политика; к какой политике перейти/ прибегать*), оценку (*политика устраивает кого; к какой политике относиться; с какой политикой быть согласным; поддерживать политику; отвергать политику;*

продуманная политика; Я ведь чувствую твою великодушную политику. Чехов. Отец; *С естественными науками соединялось у реакционеров представление о материализме и либерализме, тогда как классицизм обеспечивал формальную гимнастику ума и политическую благонадёжность.* Милюков. Воспоминания; *О моей политической реакции на попытку правительственной уступки после убийства Плеве я говорю на дальнейших страницах этих воспоминаний.* Милюков. Воспоминания), ответственность (*нести ответственность за какую политику; отвечать за свою политику*).

Четвертое значение слова *политика* «разг. устар. Участие в революционной работе, в революционном движении» [СРЯ, III: 261]. Ср.: *Иван Васильевич был далёк от всякой политики.* Милюков. Воспоминания; *Он, оказалось, к политике был причастен.* Горький. Городок Окуров; *Его, брат, за политику арестовали.* Гайдар. Школа.

Политика в русском языке может выражаться через метафору. «Метафора относится к числу тех феноменов, в которых наиболее ярко проявляется «душа народа», его ментальный мир» [Чудинов, 2004: 29]. Интересны метафоры, представляющие *политику* посредством:

а) предметных образов: политика – зеркало (*политика отражает что*), политика – узел (*навязывать кому/чему какую политику; с какой политикой что связано*), политика – механизм (*политический механизм*);

б) социальных образов, где политика есть театр (*закулисная политика; играть в политику; политический спектакль; играть заметную/ важную / главную/ незаметную роль в политике; За границей я очутился в роли наблюдателя политической жизни и внешней политики демократических государств.* Милюков. Воспоминания), политика есть отношения: союз, объединение, спор, война, борьба (*изменять политике; политический альянс; политическая структура; политическая система общества; политический спор; политические баталии; Но моя личная жизнь всё теснее переплеталась с процессом русской политической борьбы, и обойти этой стороны моей биографии совершенно невозможно.* Милюков. Воспоминания); политика есть закон (*узаконить какую политику; соблюдать какую политику; нарушать политический запрет; политический режим*); политика есть работа (*политработник; политическая работа среди масс; У меня замполит, брат ты мой, большой мастер воспитания матросов, ... редкий мастер*

политработы. Первенцев. Честь смолоду) и воспитание, обучение (*политическое воспитание; политическое просвещение; политпросвет; политграмота; политграмотность*);

в) пищевых образов, здесь политика переосмысливается как некий продукт (*продукт политической деятельности; простая/ незатейливая политика; политика с душком/ запахом; разжевать свою политику народу; взвешенная политика; объесться политикой* прост.);

г) образов стихий, например, землетрясения (*политические потрясения*), воды, реки (*политические течения; Это были годы, когда **политические течения** в русской жизни быстро дифференцировались и выходили наружу*. Милюков. Воспоминания), воздуха, дыма, сильного ветра (*политический угар; политические бури*);

д) имущественных образов (*политические ресурсы; политические возможности; политические средства*);

е) антропоморфных образов врага (*бороться с какой политикой; политика чья угрожает кому*), думающего и осторожного человека (*дальновидная политика; осторожная политика*).

Исследование концептуальной политической метафоры, «это прежде всего исследование степени воздействия разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических и иных факторов на национальную систему концептуальных метафор» [Чудинов, 2003: 196-197].

Политика в русской языковой картине мира предстает как некая неконтролируемая стихийная сила, которая, после некоторой обработки с помощью некоторых технологических процессов, превращается в некий продукт, предмет или тип интерперсональных отношений, поддающийся контролю, управляемый и даже отрететированный, где каждый политический деятель исполняет отведенную ему роль, а вся политика – это театр, за кулисами которого разыгрывается тайный спектакль с незримо присутствующим ведущим. Однако, в отличие от театра, политика связана с областью не эмоциональных и эстетических, а этических и рациональных оценок.

В русской языковой картине мира работа в области политики оценивается чрезвычайно негативно (*политика – грязное дело*), те, кто работает в этой области, именуются *политиканами*, а их деятельность – *политиканством*. При этом сама политика признается искусством (*искусство политики*). Использование механических метафор переводит политику в современно

мире из области искусства в область знания и ремесла. В русском языке закрепилось слово *политизация* – проникновение политики в другую сферу (например, искусство; ср.: *политизация искусства*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.

2. Денисов П.Н., Зеленова Н.К., Кочнева Е.М., Кузнецова З.С., Морковкин В.В., Морозкина Т.Н., Ольшанский И.Г., Скопина М.А., Успенская И.Д., Фокина Г.В., Шиманская И.Н. Словарь сочетаемости слов русского языка. – М., 2002.

3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.

4. Пименова М.В. Политика в зеркале метафоры (кулинарные концептуальные метафоры в описании политики) // Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2003. – С.131-132.

5. Словарь русского языка: В 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой – М., 1981-1984.

6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. – М. – Т. II, 1993.

7. Чудинов А.П. Основные направления в политической лингвистике // Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2003.

8. Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): Учебное пособие. – Екатеринбург, 2003.

9. Чудинов А.П. Национальная ментальность и соответствующие ей метафорические модели // *Ethnohermeneutik und Antropologie/ Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova.* – Landau, 2004. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Band 10).

© Пименова М.В., 2005

Чудинов А.П.
Екатеринбург

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (2002 – 2004)

Политическая лингвистика – относительно новая, но интенсивно развивающаяся научная дисциплина, возникшая на стыке лингвистики с социологией и политологией и занимающаяся изучением специфики политической коммуникации. В предшествующих обзорах мы охарактеризовали ведущие публикации, подготовленные на рубеже столетий [Чудинов 2003б, 2003в]. Вполне закономерно, что исследования в названной сфере про-

должаются, а поэтому за последние три года появилось много новых интересных монографий, учебных пособий и научных статей. Все чаще издаются сборники, посвященные проблемам политической коммуникации (Москва, Воронеж, Екатеринбург, Саратов, Челябинск). Поэтому в настоящем обзоре представлены исследования по политической лингвистике, опубликованные в 2002 – 2004 гг.

Ранее нами были выделены десять ведущих противопоставлений, служащих основаниями для классификации конкретных исследований (материал исследования, его предмет, методы, аспекты анализа и др.). Эта классификация вполне применима и к публикациям последних лет.

1. Исследования в области теоретических основ политической лингвистики – анализ конкретных единиц в рамках политических текстов. К первой группе относятся публикации, авторы которых стремятся осмыслить общие категории политической лингвистики, сформулировать теоретические основы этой науки, охарактеризовать ее понятийный аппарат и терминологию. К этой группе относятся, в частности, исследования В.Н. Базылева (2002), А.Н. Баранова (2003), И.В. Вольфсона (2003), М.В. Гавриловой (2004), В.З. Демьянкова (2002, 2003), К.В. Киселева (2002), М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой (2003), И.М. Кобозевой (2003), Н.М. Мухарямова и Л.М. Мухарямовой (2002), П.Б. Паршина (2001), А.А. Романова (2002), Т.Г. Скребцовой (2002, 2003), А.П. Чудинова (2003). Множество других публикаций посвящены частным вопросам политической коммуникации.

2. Исследование досоветского, советского и постсоветского политического языка. При “хронологической” (ориентированной на исследуемый исторический период развития русского политического языка) классификации противопоставляются публикации, посвященные досоветскому (О.Н. Кондратьева 2003а, 2003б; Е.А. Пименов, М.В. Пименова 2004), советскому (Л.М. Алексеева 2003; А.А. Карамова 2004; Н.А. Купина 2003) и постсоветскому (абсолютное большинство исследований) периодам развития русского политического языка. При рассмотрении русского политического языка новейшего времени специалисты приходят к выводу, что в прошлом осталась жесткая регламентация, которая определяла строгое следование всевозможным нормам (языковым, речевым, жанровым, этическим, композиционным и иным) и ограничивала проявления индивидуальности. Эта регламентация в каких-то случаях играла положи-

тельную роль (например, не допускала использования грубопросторечной и жаргонной лексики, ограничивала поток необязательных заимствований), но именно она и определяла те качества “советского” языка, которые в одних случаях вызывают его критику, а в других – некоторую ностальгию.

3. Нормативный и описательный подходы к изучению политического языка. В современной российской политической лингвистике отчетливо разграничиваются описательный и нормативный подходы к оценке инноваций. В первом случае авторы фиксируют новые явления, не стремясь при этом дать им позитивную или негативную оценку. Во втором случае новые явления “подвергаются досмотру” с позиций традиционной коммуникативной нормы. Ярким примером подобного подхода может служить монография А.Д. Васильева (2003), в которой критически рассмотрено словоупотребление в современных телепередачах. В статье О.Н. Паршиной (2004) речевая грамотность политика рассмотрена как важный фактор его авторитетности. Авторы критических публикаций тщательно фиксируют всевозможные реальные и мнимые недостатки в речи политиков и журналистов, справедливо демонстрируя при этом, что российская политическая элита по своему риторическому мастерству еще очень далека от Демосфена и Цицерона, что прямой телеэфир слишком безжалостен и что напрасно в некоторых газетах сократили должности литературного редактора и корректора. Нередко в подобных работах критика современной речи и сетования на общую “порчу” русского языка совмещаются с критикой современной политической ситуации и современных политических лидеров.

Следует, однако, отметить, что кардинальные социальные изменения всегда вызывают крупные преобразования в языке (вспомним утрату российской государственности в XIII веке, “Смутное время” на рубеже XVI и XVII столетий, Петровские реформы или гражданскую войну в начале прошлого века), но никакие политические катаклизмы не способны погубить или хотя бы “испортить” русский язык. Его развитие продолжается, в нем обнаруживаются новые ресурсы, а явления, пугавшие современников, бесследно уходят или начинают восприниматься как вполне естественные и необходимые. Поэтому нужно быть крайне осторожным при оценке новых феноменов и не путать косноязычие отдельных политиков с деградацией русского языка.

4. Автономное исследование отдельных аспектов поли-

тического языка. Значительный интерес представляют исследования, ориентированные на автономное изучение отдельных уровней современного политического языка (фонетики, лексики и фразеологии, синтаксиса). Наиболее заметны изменения в лексике, фразеологии и лексической стилистике. Каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой “перестройке”, создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы. Поэтому вполне закономерно множество исследований по проблемам политического лексикона постсоветского периода (О.Н. Григорьева 2002; А.В. Зеленин 2002; Е.Н. Лучинина 2003, С.Н. Муране 2002; Ю.В. Ошеева 2004, и др.). Несколько ранее (В.Н. Шапошников 1998) была сделана попытка охарактеризовать не только лексико-фразеологические и стилистические изменения, но и новые процессы в фонетике, словообразовании, морфологии и синтаксисе, связанные преимущественно с изменением “языковой моды” и ориентацией значительной части говорящих на новую политическую и экономическую элиту как своего рода “речевой идеал”. Как показывает автор, кардинальных изменений в фонетике и грамматике не произошло, но русский язык продолжает свое развитие.

5. Исследование жанров и стилей политического языка.

Как показано в исследовании М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой (2003) на смену диглоссии, характерной для советского общества, в котором отчетливо разграничивались тоталитарный язык и язык оппозиции, пришла «политическая полифония», в которой отчетливо противопоставлены три варианта: язык власти, язык демократической оппозиции и язык прокоммунистической оппозиции. Противопоставление «дискурса власти» и дискурса оппозиции представлено также в публикациях Т.С. Вершининой (2002), П.О. Мироновой (2003), В.Г. Красильниковой (2003), Е.В. Осетровой (2004).

Значительное количество публикаций по-прежнему посвящено изучению специфики отдельных жанров политического языка. Внимание специалистов привлекают политические slogany (К.В. Киселев 2002), анекдоты (А.Д. Шмелев и Е.Я. Шмелева 2003; М.Р. Желтухина 2003), слухи (А.А. Романов, Л.А. Романова 2002), агитационные листовки (Н.Ю. Мамаев 2003), предвыборные выступления (В.М. Амиров 2002, А.Б. Ряпосова 2002; Н.Б. Руженцева 2004), партийные программы (Е.В. Бабаева 2003), интервью (Т.Ю. Мкртчян 2004), выступления на митингах (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова 2003), автобиографическая про-

за (В.А. Даулетова 2004, А.В. Сурина 2004, Е.В. Осетрова 2004).

Особое внимание современных лингвистов привлекает язык средств массовой информации (А.Д. Васильев 2003, В.З. Демьянков 2003, М.Р. Желтухина 2003, Л.И. Зятькова 2003, М.В. Мануковский 2003, И.Н. Милевич 2003, Е.А. Санцевич 2004, Н.В. Чудакова 2004, Язык СМИ 2003, и др.). В целом специалисты отмечают постоянное расширение и обновление жанрового и стилистического арсенала в современной российской политической речи.

Многие исследования посвящены закономерностям организации политического текста (С.Л. Ерилова 2003, Н.А. Санцевич 2004), в том числе проблемам языковой рефлексии (самооценки автором своей речи) и интертекстуальности (Е.Н. Басовская 2003, И.Т. Вепрева 2002; Е.А.Нахимова 2004а, 2004б, Н.В. Немирова 2004), субъективной модальности и оценки (Л.И. Зятькова 2003, А.М. Стрельников 2004), суггестивности (М.Р. Желтухина 2003), прагматическим возможностям (М.В. Чернякова 2004) и др.

6. Исследование идиостилей различных политических лидеров, политических направлений и партий. Значительный интерес представляют публикации, посвященные идиолектам наиболее известных политических лидеров: Владимира Путина (О.Е. Белкина 2002; М.В. Гаврилова 2004), Александра Лебеда (Е.В. Осетрова 2004; Б.Я. Шарифуллин, З.М. Иванова 2002), Анатолия Собчака (Э.В. Прохорова 2002), Михаила Горбачева и Бориса Ельцина (Э. Лассан 2004), Леонида Кучмы (В.Н. Базылев 2004). В исследовании М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой (2003) детально рассмотрены «голоса» партий и их лидеров (Григория Явлинского, Александра Лебеда и Владимира Жириновского). Т.С. Вершинина в результате сопоставительного рассмотрения идиостилей девяти ведущих политических деятелей современной России делает вывод о том, что «политические экстремисты (независимо от их принадлежности к правому или левому флангу политического спектра), как правило, более склонны использовать метафорические образы» [Вершинина, 2002: 174]. И. Ухванова-Шмыгова (2002) сделала попытку разработать комплексную методику дискурс-исследования речевого портрета политических лидеров. Комплексный характер имеет и исследование «Языковая личность политического лидера (на материале газет новейшего времени)» Т.Б. Соколовской (2002). Едва ли не все авторы отмечают, что в постсоветский период речевые портреты политиков становятся более узнаваемыми,

ярче проявляется индивидуальность, но не все черты такого рода индивидуальности заслуживают одобрения.

Особую группу составляют публикации, в которых рассматриваются дискурсивные характеристики политической коммуникации: сюда, в частности, относятся исследования, посвященные особенностям языка активистов экологических движений (Н.А. Красильникова 2003) и специфики наивных картин глобализации (Т.Г. Скребцова 2003). К этой же группе относятся исследования, связанные со спецификой представления военных действий в Чечне, Ираке и бывшей Югославии (М.В. Чернякова 2004, А.П. Чудинов 2003 и др.).

7. Дискурсивное исследование коммуникативных ролей, ритуалов, стратегий и тактик. Общие закономерности коммуникативных стратегий и тактик в политическом дискурсе рассмотрены в монографии Н.Б. Руженцевой (2004). А.А. Филинский (2002) рассматривает стратегию манипуляции в современном политическом дискурсе, подробно характеризует такие ее приемы, как делигитимизация, диффамация, солидаризация, в диссертации В.М. Амирова (2002) охарактеризованы стратегии устрашения, самовосхваления и лести, в работе П.О. Мироновой (2003) исследована стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе. Стратегии предвыборных кампаний рассмотрены в публикациях А.Б. Ряпосовой (2002) и А.П. Чудинова (2003). В диссертации Э.В. Бакумовой (2002) рассмотрена ролевая структура российского политического дискурса. Сопоставительное исследование речевых тактик политической борьбы представлено в монографии М.Р. Желтухиной (2003).

Важное место в исследованиях политической коммуникации занимает критический анализ (по Т.А. ван Дейку и Р.Водак) проявлений социального неравенства и коммуникативных манипуляций сознанием адресата. Многие специалисты (М.Р. Желтухина, В.Г. Красильникова, Н.А. Купина, А.А. Романов, Н.Б. Руженцева, А.Б. Ряпосова и др.) отмечают повышенную агрессивность современной политической речи, в том числе активное использование конфронтационных стратегий и тактик речевого поведения (угрозы, игнорирование, дискредитация, брань, ложь, наклеивание ярлыков, оскорбления и др.).

Рассмотренные публикации свидетельствуют, что современный политический дискурс отличается значительным арсеналом коммуникативных ролей, стратегий и тактик. Показательно, что речевая агрессивность в ее разнообразных проявлениях особенно возрастает в периоды обострения социальной ситуа-

ции и во время избирательных кампаний.

8. Методы исследования политического языка. В современной политической лингвистике значительное место занимают исследования, в основе которых лежат методы, приемы и терминология лингвокультурологии (Е.В. Бабаева 2002, В.А. Даулетова 2004, И.В. Федосеева 2003), традиционной и обновляющейся риторики (М.В. Гаврилова 2004, Г.Г. Хазагеров 2002), лингвопрагматики (М.Р. Желтухина 2003, И.Ю. Логинова 2004, М.В. Чернякова 2004), социолингвистики (Е.В. Какорина 2003, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова 2003), психолингвистики (В.Н. Базылев 2004, С.А. Симатов и К.Т. Биканин К.Т., 2002).

Особенно много современных исследований ориентировано на использование методов когнитивной лингвистики, в том числе теории метафорического моделирования: это исследования Т.С. Вершининой (2002), М.В. Зиминной (2002), А.А. Касловой (2003), А.Б. Ряпосовой (2002), А.В. Степаненко (2002), А.А.Федосеева (2004), Н.М. Чудаковой (2004), Н.Г. Шехтман (2004), О.А.Шаовой (2004). Новая политическая реальность (а возможно, и своего рода “мода”) рождает новые фреймы и слоты известных моделей, определяет повышение или понижение частотности метафорических словоупотреблений, соответствующих той или иной модели.

Разнообразие используемых методов и приемов обогащает политическую лингвистику: каждый метод имеет свои достоинства и позволяет обнаружить некоторые факты и закономерности, не привлекавшие внимания исследователей, принадлежащих к иным научным школам. Отметим также, что многие специалисты используют различные методы: с этой точки зрения показательно название монографии М.В.Гавриловой «Когнитивные и риторические основы президентской речи» (2004).

9. Сопоставительные исследования. Совершенно особое место занимают публикации, посвященные сопоставительному анализу политической коммуникации в России и других государствах (Е.В. Бакумова 2002, Э.В. Будаев 2004, М.Р. Желтухина 2003, А.А. Каслова 2003, С.Н. Муране 2003, Е.В. Колотнина 2002, А.В. Степаненко 2002, И.В. Телешова 2004 и др.). Сопоставление политической коммуникации различных стран и эпох позволяет отчетливее дифференцировать “свое” и “чужое”, случайное и закономерное, “общечеловеческое” и свойственное только тому или другому национальному дискурсу. Все это способствует лучшему взаимопониманию между народами и межкультурной толерантности. Вместе с тем показательно, что для

авторов сопоставительных исследований, как правило, нехарактерен обличительный пафос: изучение зарубежной политической коммуникации показывает, что многие ее свойства, казавшиеся исключительно российскими пороками, обнаруживаются и в политических дискурсах самых демократичных стран.

10. Политическая лингвистика “в маске” и “без маски”.

Как показывает представленный обзор, в последние годы политическая лингвистика превратилась в самостоятельное направление лингвистических исследований. Принадлежность публикаций к этому направлению часто отражается в их названиях, при формулировании цели и задач исследования, при определении предмета и объекта изучения, при характеристике материала, лежащего в основе работы. Однако в других случаях исследования по политической коммуникации представляются читателям как бы “в маске”, то есть без акцентирования собственно лингвополитической сущности публикации. Можно выделить несколько вариантов такой “маскировки”.

Во-первых, некоторые авторы представляют свои результаты как относящиеся к современному русскому языку в целом. Примером могут служить указанные выше книги Е.В. Осетровой «Речевой имидж» (2004) и И.Т.Вепревой «Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху» (2002), основным материалом для которых послужили политические тексты. Разумеется, подобные публикации должны быть учтены при определении общих тенденций развития российской политической коммуникации.

Во-вторых, материалы по исследованию политической коммуникации часто представляются как результаты изучения языка средств массовой информации. Примером может служить уже упоминавшаяся выше монография А.Д. Васильева “Слово в телеэфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении” (2003). Как известно, политический дискурс пересекается с языком СМИ, и далеко не всегда существует необходимость (и возможность) однозначно отнести материалы публикации к тому или другому дискурсу. Многие из публикаций, названных в представленном выше обзоре, изначально ориентированы на изучение речевой организации СМИ, но материалы этих исследований очень важны и для постижения специфики современной политической коммуникации. Среди других источников сведений по политической лингвистике можно назвать исследования по культуре речи, по лексикологии и фразеологии, по теории и практике журналистики, по психологии, социологии и политологии.

Разумеется, представленный обзор не является полным: крайне сложно даже просто перечислить все современные публикации, имеющие то или иное отношение к политической лингвистике. Но он этот обзор отражает тот интерес, который проявляется в современной лингвистике к русской политической речи, и то многообразие материала, методик, аспектов анализа и позиций, которое характерно для современной российской науки. Вместе с тем во всем этом многообразии все более заметны типологические характеристики ведущих научных школ, существующих в отечественной политической лингвистике, – московской, петербургской, уральской, волгоградской, воронежской, саратовской, тверской и др.

ЛИТЕРАТУРА

1.Алексеева Л.М. Метафоры революции как средство категоризации в политической лингвистике // Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2003.

а.Амиров В.М. Агитационный предвыборный свертхтекст: организация содержания и стратегии реализации. Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

б.Бабаева Е.В. Лингвокультурологический анализ текстов партийных программ // Лингвистика. Бюллетень уральского лингвистического общества. Вып. 11. Екатеринбург, 2003.

2.Базылев В.Н. Политик в интеллектуальном контексте эпохи // Политический дискурс в России – 6. Материалы постоянно действующего семинара. М., 2002.

3.Базылев В.Н. Нехаризматическая популярность: Леонид Кучма // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 13. Екатеринбург, 2004.

4.Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса. Автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.

5.Баранов А.Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Под ред. М.Н.Володиной. М., 2003.

а.Басовская Е.Н. Старые имена – новые смыслы. Советизмы как риторическое средство // Современная политическая лингвистика, Екатеринбург, 2003.

6.Белкина О.Е., 2002, «Загадочный Путин» или... // Политический дискурс в России – 6. Материалы постоянно действующего семинара. М.

7.Боллингер Е.И., Галеева Н.Л. Гомилетические черты в американских институциональных текстах // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 11. Екате-

ринбург, 2003.

8. Будаев Э.В. О системности и среде в ракурсе теории когнитивной метафоры // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 14. Екатеринбург, 2004.

9. Васильев А.Д. 2003, Слово в телеэфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. М., 2003.

10. Вепрева И.Т., Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2003.

11. Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе. Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

12. Власова Е.В. Речевая агрессия как одно из выражения власти в СМИ // Проблемы речевой коммуникации. Выпуск 4. Власть и речь. Саратов, 2004.

13. Вольфсон И.В. Язык политики. Политика языка. Саратов, 2003.

14. Гаврилова М.В. Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике. СПб., 2003.

15. Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В.Путина и Б.Н.Ельцина). СПб., 2003.

16. Глухова А.В., 2002 Речь как политическое действие: функциональный аспект // Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2002.

17. Григорьева О.Н. Имена террора в современном русском языке // Вестник Московского университета, 2002, № 3.

18. Гришина О.А. Актуализация концепта Америка в современном русском языке (на материале публицистических текстов). Автореф... дис. канд. филол. наук. Кемерово, 2004.

19. Гудков Д.Б. «Сюжеты политического дискурса» и способы их актуализации // Политический дискурс в России – 6. Материалы постоянно действующего семинара. М., 2002.

20. Даулетова В.А. Вербальные средства создания автоимиджа в политическом дискурсе (на материале русской и английской биографической прозы). Автореф... дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2004.

21. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования, 2002, № 3.

22. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Под ред. М.Н.Володиной. Том 1. М., 2003.

23. Ерилова С.Л. Метафора как средство выражения смысловой неопределенности в политическом дискурсе // Языковые подсистемы: Стабильность и динамика. Тверь, 2002.

24. Ерилова С.Л. Метафоризация как способ смыслопорождения в политическом дискурсе. Автореф. дис.... к.ф.н. Тверь, 2003.

25. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Москва-Волгоград, 2003.

26. Желтухина М.Р. Политический анекдот как жанр политического комического в массовой медиакультуре // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении. Волгоград, 2003.

27. Зеленин А.В. Адские машины, боевики и террористы // Русская речь, 2002, № 4.

28. Зимина М.В. Концептуальная метафора в сфере политики // Филологический сборник. Вып.2. Кемерово, 2002.

29. Зятькова Л.И. Субъективная модальность политического дискурса (на материале российских, британских и американских СМИ). Автореф... дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

а.Какорина Е.В. Сфера массовой коммуникации: отражение социальной дифференцированности языка в текстах СМИ // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.

30. Карамова А.А. Оценочная общественно-политическая лексика и фразеология современного русского языка (вторая половина XX века). Автореф. дис... к.ф.н. Уфа, 2002.

31. Каслова А.А. Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Федеральные выборы» в США и России (2000 г.). Автореф... дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

32. Каслова А.А. Российские президентские выборы в зеркале американской прессы // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур. Воронеж, 2004.

33. Керимов Р.Д. Аспекты когнитивного исследования образных метафор в современной немецкой политической речи. // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 11. Екатеринбург, 2003.

34. Киреева Е.С. «Лидер родился...?!» // Политический дискурс в России – 6. Материалы постоянно действующего семинара. М., 2002.

35. Киселев К.В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника. Екатеринбург,

2002.

36. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.

37. Ключко Н. Ценностные оппозиции в фокусе эмоций (на материале современных славянских политических дискурсов) // *Respectus philologicus*. Vilniaus universiteto, 2002, № 2 (7).

38. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 2001, № 6.

39. Колотнина Е.В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе. Автореф... дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

40. Кондратьева О.Н. К истокам формирования некоторых зооморфных метафор // Современная политическая лингвистика, Екатеринбург, 2003.

41. Кондратьева О.Н. Зооморфная метафора в переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 11. Е-бург, 2003.

42. Красильникова В.Г. Вербальная агрессия в коммунистической прессе (по материалам газеты «Завтра») // Зло политическое и зло языковое. М., 2003.

43. Красильникова Н.А. Метафора в политическом дискурсе российских и британских «зеленых» // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 11. Е-бург, 2003..

44. Купина Н.А. Идеологемы как ключевые единицы политического языка // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 11. Екатеринбург, 2003.

45. Лассан Э.Р. «Разум власти» в зеркале категорий цели и препятствия // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 13. Екатеринбург, 2004.

46. Логинова И.Ю. Лингвопрагматические особенности текста программы политической партии. Автореф. дис... канд. филол. наук, СПб., 2004.

47. Лучинина Е.Н. Российский и американский опыт сопоставительного исследования этнонимов в политическом дискурсе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 11. Екатеринбург, 2003.

48. Мамаев Н.Ю. Композиционная структура агитационной листовки: лингвориторическое исследование. Автореф. дис... канд. филол. наук. Барнаул, 2003.

49. Мануковский М.В. Манипулятивная коммуникация дис-

курса современных СМИ // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 11. Екатеринбург, 2003.

50. Милевич И.Н. Язык масс-медиа: отражение современных мифов и идеологий // *Respectus philologicus*. Vilniaus universiteto, 2003, № 4(9).

51. Милевич И.Г. Дайджест – коммуникативная территория «чужого» // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 11, Екатеринбург, 2003.

52. Миронова П.О. Стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект. Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

53. Миронова П.О. Упрощение модели мира в современном политическом дискурсе (анализ концептов) // Вестник Омского университета, 2003.

54. Мкртчян Т.Ю. Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиоинтервью (на материале русского и английского языков). Автореф. дис... к.ф.н. Ростов-на-Дону, 2004.

55. Моченов А.В., Никулин С.С., Ниясов А.Г., Савваитова М.Д. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М., 2003.

56. Муране С.Н. Лексика медицинской сферы в языке современной российской и латвийской прессы // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества, Том 8, Екатеринбург, 2002.

57. Мухаметдинова Т.В. Политическая система США как сфера притяжения морбиальных метафор в российских СМИ // Сопоставительная лингвистика. № 3, Екатеринбург, 2004.

58. Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Политическая лингвистика как научная дисциплина // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. М., 2002.

59. Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень уральского лингвистического общества. Том 13. Е-бург, 2002.

60. Нахимова Е.А. Прецедентные имена как ментальное поле в политической коммуникации // Лингвистика. Бюллетень уральского лингвистического общества. Том 14. Е-бург, 2004.

61. Немирова Н.В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 11. Екатеринбург, 2003.

62. Опарина Е.О. Метафора в политическом дискурсе // Политическая наука. Политический дискурс: история и современ-

ные исследования. № 3. М., 2002.

63. Осетрова Е.В. Речевой имидж. Красноярск, 2004.

64. Ошеева Ю.В. Политическая лексика и фразеология русского языка (1985-2000 гг.). Автореф. дис... к.ф.н, Уфа, 2004.

65. Паршин П.Б. Метанаучные размышления о политической лингвистике: три подхода к становлению исследовательской дисциплины // Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2003.

66. Паршина О.Н. Степень речевой грамотности политика как один из факторов его авторитетности // Проблемы речевой коммуникации. Выпуск 4. Власть и речь. Саратов, 2004.

67. Перескокова А.Ю. «Социум» как сфера-источник метафорической экспансии в СМИ // Сопоставительная лингвистика. Вып.3. Екатеринбург, 2004.

68. Пименов Е.А., Пименова М.В. Категоризация и концептуализация жизни в политических мемуарах // Лингвистика. Бюллетень уральского лингвистического общества. Том 13. Екатеринбург, 2004.

69. Попова Т.И. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПб., 2002.

70. Прохорова Э.В. Современная демократическая риторика (на примере текстов Анатолия Собчака) // Политическая коммуникация: Материалы Интернет-конференции. Челябинск, 2002.

71. Романов А.А. Политическая лингвистика. Функциональный подход. Москва – Тверь, 2002.

72. Романов А.А., Романова Л.А. Технология резонансной информации в политической коммуникации // Политический дискурс в России – 6. Материалы постоянно действующего семинара. М., 2002.

73. Романов П.В., Щебланова В.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Женщины-террористки в интерпретативных моделях российских СМИ (Дискурс-анализ газетных статей) // Полис, 2003, №6.

74. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004.

75. Ряпосова А.Б., Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999 – 2000 гг.)». Автореф. дис.... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

76. Сомотик Л.Г. Словарь выразительных средств языка политика (на материале текстов губернатора Красноярского края А.И.Лебеда). Красноярск, 2002.

77. Санцевич Н.А. Моделирование вариативности языковой

картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции). Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 2004.

78. Симатов С.А., Биканин К.Т. К вопросу о некоторых психолингвистических особенностях пропаганды в различных СМИ // Политическая коммуникация: Материалы Интернет-конференции. Челябинск, 2002.

79. Скребцова Т.Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса // *Respectus philologicus*, Vilniaus universiteto, 2002, №1.

80. Скребцова Т.Г. Наивные картины глобализации: взгляд лингвиста // *Respectus philologicus*. Vilniaus universiteto, 2003, № 4(9).

81. Современная политическая лингвистика. Материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 2003.

82. Соколовская Т.Б. Языковая личность политического лидера (на материале газет новейшего времени). Автореф. дис.... канд. филол. наук. СПб., 2002.

83. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // *Полис*, 2002, № 3.

84. Сорокина М.В. Манипулятивный материал метафоры в американском политическом дискурсе периода войны в Ираке // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 11. Екатеринбург, 2003.

85. Степаненко А.В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков). Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 2002.

86. Стрельников А.М. Оценочный портрет В.В.Путина в дискурсе кампании по выборам президента // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 14. Екатеринбург, 2004.

87. Сурина А.В. Метафоры со сферой-источником «насилие» в мемуарах Б.Н.Ельцина // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 14. Екатеринбург, 2004.

88. Телешова И.В. Политическая ситуация как сфера-магнит для морбиальной метафоры в российских и американских СМИ // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 14. Екатеринбург, 2004.

89. Ухванова-Шмыгова И. Речевой портрет политического лидера: новые подходы в рамках дискурс-исследований // *Respectus philologicus*, 2002, №1.

90. Федосеев А.А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе. Автореф. дис... канд. филол. наук. Челябинск, 2004.

91. Федосеева И.В. Социолингвистические и культурологические аспекты процесса заимствования в российском политическом социолекте 90-х гг. XX в. – начала XXI в. Автореф. дис... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003.

92. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг. Автореф. дис... канд. филол. наук. Тверь, 2002.

93. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М., 2002.

94. Чернякова М.В. Театральная метафора как средство манипуляции в публикациях российских и американских СМИ, посвященных войне в Ираке // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 13. Екатеринбург, 2004

95. Чудакова Н.М. Концептуальная метафора с исходной сферой «Неживая природа» в дискурсе СМИ // Этногерменевтика и антропология. Вып. 10. Кемерово, 2004.

96. Чудакова Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000 – 2004). Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

97. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003а.

98. Чудинов А.П., Основные направления в современной российской политической лингвистике// *Respectus philologicus*. 2003, № 4. Вильнюс, 2003б,

99. Чудинов А.П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2003, № 1. Воронеж, 2003в.

100. Чудинов А.П. Криминальная метафора в современных СМИ // Мир русского слова, 2002, № 5. Санкт-Петербург.

101. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. №№ 1, 3, 4; 2002. №№ 1, 2, 3; 2003 №№ 1, 2,4; 2004, № 4.

102. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: общие вопросы, метафора. Екатеринбург, 2004.

103. Шаова О.А. Метафорическая репрезентация образа России в дискурсе масс-медиа Франции // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т14. Е-бург, 2004.

104. Шарифуллин Б.Я., Иванова З.М. Языковая личность

современного российского политика: Александр Лебедь // Самостик Л.Г. Словарь выразительных средств языка политика (на материале текстов губернатора Красноярского края А.И.Лебеда). Красноярск, 2002.

105. Шехтман Н.Г. Зрелищные искусства как источник метафорической экспансии в политическом дискурсе России и США // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 14. Екатеринбург, 2004.

106. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Политическая жизнь в зеркале русского анекдота // Современная политическая лингвистика, Екатеринбург, 2003.

107. Шудегова Е.А. Милитарная метафора в российском и американском политическом дискурсе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т8. Е-бург, 2002.

108. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Под ред. М.Н.Володиной. Выпуск 1. М., 2003.

109. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Под ред. М.Н.Володиной. Выпуск 2. М., 2004.

© Чудинов А.П., 2005

Антонова Ю.А.
Екатеринбург

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ И РЕЧЕВЫЕ ПРИЕМЫ ПРИ ОПИСАНИИ ТЕРАКТА

(на примере событий в Беслане в сентябре 2004г.)

Ежедневно каждый из нас является потенциальной жертвой теракта. Информационные сводки о новом захвате заложников есть неотъемлемый атрибут выпусков новостей. Психологи утверждают, что террористам необходим массовый психоз (см. например «Российскую газету» от 02.09.04, №190). Когда человек находится в постоянном напряжении, а особенно в состоянии страха, он становится более восприимчивым, его мнением проще управлять. Обществу необходимо осознать, что оно само поддерживает эту атмосферу паники, ежедневно впуская в свое сознание «чужое» слово и безгранично доверяя СМИ. В свою очередь, их информация, иногда непроверенная, часто содержит поспешные выводы. Активное становление прагмалингвистики в известной степени способно предотвратить массовое «зомбирование»: лишь изучив врага, можно ему противостоять. Умение «отфильтровывать» информацию необходимо в первую очередь для создания в сознании человека объективной картины мира, и следствием этого будет способность адекватно реагировать на происходящее, интерпретируя полученную инфор-

мацию.

В октябре 2004г. Госдума рассматривала законопроект, кодифицирующий действия СМИ при трансляции теракта. Попытка создания кодекса поведения журналистов в подобных ситуациях предпринималась и ранее, когда в октябре 2002г. был захвачен театральный центр на Дубровке (тогда в адрес СМИ поступило большое количество обвинений в нарушении этических норм поведения). Но в то время журналисты и законодатели так и не пришли к единому мнению о том, КАК же все-таки следует представлять трагические события для широкой аудитории. Законопроект был предложен к утверждению после трагических событий в Беслане в сентябре 2004г., когда арсенал коммуникативных стратегий СМИ пополнился новыми приемами воздействия на сознание массового читателя. Депутаты отклонили предложение по созданию закона, регулирующего действия журналистов при трансляции теракта. Таким образом, граждане РФ, получающие информацию о событиях в стране в основном из газет и сообщений, по-прежнему остаются незащищенными от воздействия «нефильтрованного», нарушающего этические нормы «чужого» слова.

Парадокс заключается в следующем: журналисты в погоне за сенсацией не только пренебрегают нормами морали, но и нарушают Закон РФ «О средствах массовой информации», где в статье 4 говорится о «недопустимости злоупотребления свободой массовой информации для разжигания национальной, религиозной нетерпимости или розни, для пропаганды войны». Более того, их высказывания в адрес нации, породившей террористов, являются выражением некоего обобщенного общественного мнения и не противоречат стратегии ответного «удара», предлагаемой Президентом РФ: «Самое главное - это мобилизация сил перед общей опасностью.... Сегодня мы должны быть вместе – только так мы сможем победить врага» («Российская газета» от 7.09.04.). Следовательно, несовершенство Закона, его несоответствие реальной ситуации, а также безнаказанность дают полную свободу действий журналистам: они считают, что имеют право говорить ЧТО угодно и КАК угодно.

Анализируя материалы СМИ, мы сталкиваемся с двумя разноплановыми, но взаимосвязанными проблемами: это несоответствие медиа-текстов качествам хорошей речи (чистота, точность, нормативность и т.д.) и несоблюдение этических норм (обнародование недостоверной информации, публикация фотографий изуродованных жертв и террористов и т.д.).

В классических учебниках по культуре речи говорится о том, что образцом хорошей речи могут служить СМИ. Действительно, в истории российской журналистики был период, когда даже из-за негрубой ошибки или употребления стилистически сниженного слова журналист мог остаться без работы. В настоящее время наблюдается «демократизация» языка СМИ: использование жаргонизмов, вульгаризмов воспринимается как норма, считается, что масс-медиа говорят на языке близком народу. Иногда ситуация доходит до абсурда: чем больше вольностей позволяет себе журналист, тем выше рейтинг его программы или статьи. В.В.Путин в 2002г. сказал: «А террористов мы будем «мочить» прямо в сортире» - эта фраза до сих пор служит «матрицей» для журналистов: «Мочить» будем с друзьями – действия Кавказа» (АиФ, №37 2004г.). В известной мере можно согласиться со смещением границы литературной нормы, т.к. события диктуют новые правила и оценку действиям террористов на литературном языке дать очень сложно. О каких языковых нормах может идти речь, если бандиты пренебрегают моралью, попирая все человеческие ценности? «Дяденьки, убейте их, они сволочи! – успели крикнуть пытавшиеся спастись мальчики перед смертью...» (АиФ, №36 2004г.). Излагая события на «народном» языке, СМИ добиваются доверия массового читателя. Тем самым воздействуя на его сознание. В результате, человек не в состоянии разобратся, где его собственные умозаключения, а где результат воздействия «чужого» слова, «зомбирования». Отсюда задача данной статьи – вскрыть механизм внушения, определить, с помощью каких коммуникативных стратегий адресант (СМИ) воздействует на адресата.

При исследовании газетного дискурса на примере анализа текстов, посвященных теракту на Дубровке (исследование проводилось на материале самых рейтинговых российских изданий: «Российская газета», «Аргументы и факты», «Труд», «Комсомольская правда»), нами было установлено, что при трансляции этих событий журналисты использовали четыре основные коммуникативные стратегии, это:

1. стратегия запугивания,
2. «голливудская», героизирующая, стратегия,
3. стратегия, усыпляющая бдительность,
4. стратегия, побуждающая читателя анализировать сложившуюся ситуацию (аналитическая стратегия).

Мы попытались доказать универсальный характер данных стратегий, сопоставив описание теракта на Дубровке с описани-

ем теракта, совершенного в США 11 сентября 2001г. Но описанным репертуаром коммуникативных стратегий и тактик запас последних не исчерпывается, и каждый новый теракт порождает новые способы описания событий, а следовательно, и новые приемы воздействия на сознание читателя.

Захват в заложники учащихся школы №1 в Беслане 1 сентября 2004г. (террористы покусились на самое святое – на детские жизни), большое количество погибших не могло не вызвать взрыва негодования со стороны общественности. Резонансом явилось использование новой по сравнению с предыдущим арсеналом коммуникативной стратегии – стратегии призыва к мщению. Газеты-конкуренты сошлись во мнении:

- «Это вызов всей стране» (Труд, №168, 2004);
- «Чем ответим на вызов террористов?» (КП от 07.09.2004);
- «Люди против нелюдей – пришло время объединяться перед общим врагом» (АиФ, №36, 2004);
- «Нам объявили войну без фронта» (РГ, №190, 2004).

Позволим себе предположить, что теракт в Беслане как раз тот случай, когда Президент, СМИ и массовый читатель совпали в едином порыве – противодействие необходимо. Однако в самой стратегии не стоит искать провокационной составляющей, в отличие от стратегии усыпления бдительности читателя («Как можно быть спокойным, когда в стране происходят такие события?»). Мы попытались выяснить: в какой форме происходит призыв к действию, к чему апеллируют СМИ, на каких ценностях делают акцент, какие способы выражения мысли употребляют.

Мы систематизировали приемы, посредством которых периодические издания добиваются перлокутивного эффекта. Одним из них является оценка происходящего христианскими категориями, использование прецедентных текстов. Большинство граждан, проживающих на территории РФ, по своему вероисповеданию являются христианами и верят в тернарную систему загробного мира: чистилище, ад, рай. Принципом «распределения душ» в данной системе является: «каждому по его заслугам». Так террористы за злодеяния оказываются в аду:

- «На этом редком кадре: у ног бойцов спецназа – трупы бандитов, чьи черные души уже в аду (*прецедентное имя, источники – Библия*). О них не вспомнят матери, их проклянут дети и внуки» (АиФ, №36, сентябрь 2004г.),
- «Из ада» (РГ, 04.09.2004.).

Невинные души детей «превращаются» журналистами в ангелов:

• например, «Город ангелов (*прецедентное имя*)» - так называется элегический этюд- воспоминание о детях Бесланской школы (АиФ №37, 2004).

Авторы присваивают себе функцию Высшего суда, карая террористов и превознося детей, и это сложилось исторически: религиозность является неотъемлемой чертой русской ментальности. Поэтому с уверенностью можно сказать, что данный прием будет активно востребован СМИ. Такую тактику можно назвать иррациональной, т.к. она воздействует на чувства человека, на его подсознание.

Следующая тактика основана на апелляции к такому важному компоненту национального сознания, как патриотизм, чувство ответственности за свою Родину:

• «Россия хоронит своих детей – помолчим...» (КП, 02.09.04.),

• «Беслан – боль России» (Труд-7, №165),

• «Другая Россия: «Мы больны пофигизмом» (РГ, 07.09.04.).

Каждая из этих статей есть проявление «мы-философии» (что тоже является чертой русского менталитета): в крайней ситуации вина не возлагается на конкретного человека – отвечать за содеянное должны все. Это обвинительная тактика, но доказательство тезиса ведется не с помощью логических аргументов, а по принципу «выхватывания фактиков» [Руженцева, 2004]. В этом случае для трансляции мнения автор выбирает только тот материал, который является подтверждением его суждения. Тенденциозное редуцирование информации является достаточно сильным способом воздействия на чувства человека.

Тактика поляризации основана на особенности русского человека оценивать мир в крайностях «добро – зло». *Tertium non datur* – так считают многие россияне, и это не могло не найти отражения в публикациях СМИ:

• «Люди против нелюдей» (АиФ, №36),

• «Я считаю этих нелюдей личными врагами» (РГ, 04.09.04.).

Компромисс не может быть достигнут: террористы - это абсолютное зло, которое необходимо уничтожить. Нужно отметить, что враждебный тон прессы усиливается эмоционально окрашенной уничижительной лексикой.

Тактика ссылки на известное лицо отмечалась нами и в других коммуникативных стратегиях, спектр субъектов говорения при реализации ряда стратегий широк: Президент РФ и США, политики, народные артисты, режиссеры, политологи и др. Например:

• Джордж Буш, президент США: «Оставьте ненужные споры (Россия и Америка вместе могут победить терроризм)» (РГ, 08.09.04.);

• Андрей Кончаловский, режиссер: «России пора взрослеть» (АиФ, №36);

• В.В.Путин: «В России должна быть создана система безопасности, способная уничтожить преступников в их собственном логове» (АиФ, №37);

• М.Хуциев, кинорежиссер, народный артист СССР: «Никакой кавказский кодекс чести не дает права воевать со школьниками» (Труд-7, №165).

Аргументы типа «пристыковка к авторитету» очень действенна, т.к. авторитет, которым обладает известное лицо, дает читателю уверенность в абсолютной правоте того, кто говорит, и побуждает разделить мнение пишущего.

Мы не претендуем на то, что этим репертуаром приемов исчерпывается реализация коммуникативной стратегии «побуждение к мщению». Данная тема представляет собой широкое поле для исследования и нуждается в дальнейшей разработке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи. /Учебное пособие. Ростов-н-Д., 2001

2. Зарецкая Е.Н. Деловое общение. М., 2002.

3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999

4. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: Монография – Е-бург, 2004.

5. Филинский А.А. Стратегии манипуляции в политическом дискурсе // Языковые подсистемы: стабильность и динамика. Тверь, 2002.

© Антонова Ю.А., 2005

Бирюкова Н.С.
Екатеринбург

О ТИПАХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ

В постсоветскую эпоху стремительно обновляется политическая коммуникация: преобразуется ее стилистическая система, активизируются новые коммуникативные стратегии и тактики, обновляются формы взаимодействия между текстами, становятся все более разнообразными приемы акцентирования смыслов и языковой игры, все активнее используются аллюзии и другие проявления интертекстуальности. Среди проявлений этой тенденции важное место занимают многообразные формы

игры с прецедентными именами, событиями, высказываниями и текстами, использование разнообразных стереотипов, что рассчитано на появление у читателей нужных адресанту ассоциаций, на высокую аллюзивность повествования, на восприятие текста как своего рода прозрачной загадки. Названные приемы представляют текст как специально адресованный «посвященным» и в то же время позволяют избегать излишней дидактичности, способствуют завуалированности прагматического воздействия.

Можно заметить, что некоторые публикации в современной политической коммуникации строятся в соответствии с общими принципами создания постмодернистского текста, то есть в значительной степени состоят из аллюзий, метафор, явной и скрытой полемики, стилизации и иных приемов интертекстуальности на уровне содержания и жанрово-стилистических особенностей. В подобных случаях интертекстуальность становится ведущим композиционным принципом, а не единичным приемом. Такие тексты требуют специального подхода, необходимого для интерпретации сложных «многослойных» текстов, созданных в рамках постмодернистской парадигмы [Костомаров, Бурвикова 2001, Сметанина, 2002, Чудинов 2003 и др.].

Отметим, что теория интертекстуальности, возникнув в рамках литературоведческого постструктурализма, получила широкое распространение в различных сферах культуры. В частности, интертекстуальность активно проявляется в сфере рекламы, в медиадискурсе, в кинематографе, в современных анекдотах, в политической коммуникации, в разговорной речи [Ю.А. Гунько, Н.А. Кузьмина, С.Л. Кушнерук, Е.А. Нахимова, П.Б. Паршин, Ю.Б. Пикулева, Г.Г. Слышкин, С.И. Сметанина, Р.Л. Смулаковская, А.П. Чудинов, М.Б. Ямпольский и др.]. Интертекстуальность в политическом тексте – это «присутствие в тексте элементов других текстов, его восприятие как частицы общего политического дискурса и – шире – как элемента национальной культуры» [Чудинов, 2003: 48]. Конечно, исследования феномена интертекстуальности в политической коммуникации не имеет столь богатых традиций, как изучение данного феномена в художественных текстах, но наше исследование уже может опираться на опыт предшественников.

Современное состояние лингвистического изучения интертекстуальности во многом связано с расширением предмета исследования, что потребовало введения специального понятия «прецедентные тексты». К их числу отнесены тексты, «значимые

для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987: 216]. Далее автор называет способы введения указаний на прецедентные тексты: цитату, название текста, имя автора или персонажа [Караулов, 1987: 218], что значительно расширяет представления о формах присутствия «чужого слова» в интертексте. В концепции Ю.Н. Караулова к числу прецедентных текстов отнесены даже невербальные феномены: произведения архитектуры, живописи, музыки – это тоже своего рода «тексты», а их названия (Храм Василия Блаженного, картина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» и др.) составляют значительную часть национального фонда прецедентных знаков. При таком подходе текст представляется уже не как последовательность языковых единиц, а как некое организованное смысловое пространство, а прецедентность становится максимально широко понимаемым свойством коммуникации.

В созданной Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко, В.В. Красных и Д.В. Багаевой (1997) теории прецедентных феноменов, которая может рассматриваться как важное звено в дальнейшем развитии теории интертекстуальности, выделяются следующие виды прецедентных феноменов.

1. Прецедентная ситуация, которая понимается как «некая «эталонная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу; означающим прецедентных ситуаций могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя (например, *Ходынка*, *Смутное время*) или непрецедентный феномен» [Красных, 2002: 47].

2. Прецедентный текст, который понимается как «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу.... К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы (например, *«Евгений Онегин»*, *«Война и мир»*), тексты песен, рекламы, анекдотов, политические публицистические тексты и т.д. [Красных, 2002: 47].

3. Прецедентное имя, которое понимается как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило относящимся к прецедентным (например, *Печорин*,

Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин*); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени; может состоять из одного (например, *Ломоносов*) или более элементов (например, *Куликово поле*, *Летучий голландец*), обозначая при этом одно понятие» [Красных, 2002: 48].

4. Прецедентное высказывание, которое понимается как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу; последний всегда «шире» простой суммы значений; в когнитивную бызу входит само прецедентное высказывание как таковое. К числу прецедентных высказываний принадлежат цитаты из текстов различного характера (например, *Не спится, няня! Кто виноват? Что делать? Ждем-с!*), а также пословицы (например, *Тише едешь – дальше будешь*)» [Красных, 2002: 48-49].

В соответствии с представленной концепцией прецедентные феномены могут быть прецедентными для отдельного социума (например, для врачей, студентов, православных или пенсионеров), для нации (например, для русских, азербайджанцев или американцев) или быть универсальными, свойственными многим культурам (например, *Наполеон* или *Гамлет*). Детальный анализ прецедентных феноменов, характерных для различных социумов (вплоть до узкого круга приятелей и даже отдельной семьи), представлен в публикациях В.В. Красных (2003) и Г.Г. Слышкина (2001, 2004).

При рассмотренном подходе представления о формах интертекстуальности становятся еще более широкими, однако следует подчеркнуть, что к концепции Д.Б. Гудкова, В.В. Красных и их соавторов, в отличие от концепции Ю.Н. Караулова, речь идет только о вербальных текстах.

Дискуссионным является вопрос о причислении к числу прецедентных феноменов фразеологизмов (особенно паремий) и метафорических моделей. Наиболее последовательным сторонником причисления метафорических моделей к числу прецедентных феноменов является Н.А. Кузьмина, в монографии которой этому виду прецедентности посвящена специальная глава (Н.А. Кузьмина 1998). В настоящем исследовании вслед за А.П. Чудиновым (2003) и Е.А. Нахимовой (2004) метафорические мо-

дели и прецедентные феномены рассматриваются как близкие, но в то же время вполне самостоятельные явления, которые в одних случаях способны пересекаться, а в других – оказываются абсолютно автономными.

По справедливому замечанию А.Е. Супруна, взаимоотношения фразеологизмов и текстовых реминисценций очень сложны, и «есть достаточно оснований думать, что некоторые пословицы и поговорки возникли тоже из текстовых реминисценций, но затем предшествующие тексты были забыты» [Супрун, 1994: 26]. Показательно, что фразеологизмы представлены как разновидность прецедентных феноменов в публикациях М.А. Алексеенко (2003), Ю.Б. Пикулевой (2003), Р.Л. Смулаковской (2004) и ряда других исследователей. Для такого подхода есть определенные основания: фразеологизмы и прецедентные высказывания действительно могут быть очень похожими и по структуре, и по значению, и по функции. Прецедентные феномены, как и фразеологизмы, относятся к числу единиц, воспроизводимых в речи. Однако в концепции Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных и Д.В. Багаевой фразеологизмы не включаются в число прецедентных феноменов, хотя при этом делается исключение для пословиц [Красных, 2002: 49].

Еще одна дискуссионная проблема связана с определением взаимоотношений между прецедентными феноменами и текстовыми реминисценциями (прецедентными текстовыми реминисценциями), в том виде, как они охарактеризованы в публикациях А.Е. Супруна (1995) и Ю.Е. Прохорова (1996). Текстовыми реминисценциями А.Е.Супрун называет «осознанные vs неосознанные, точные vs преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста. ТР могут представлять собой цитаты (от целых фрагментов до отдельных словосочетаний), «крылатые слова», отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях [Супрун, 1995: 17]. В концепции В.В. Красных представлен более узкий подход, в соответствии с которых к прецедентным феноменам не относятся следующие названные А.Е. Супруном единицы:

- 1) Обычные ссылки на предшествующий текст, например, на письмо, послужившее основой для ответа.
- 2) Индивидуальные неологизмы.

3) Имена и названия, используемые без изменения денотативно-понятийной соотнесенности.

Примером последнего типа может послужить использование имен собственных в следующем контексте: *Мой любимый герой – это Атос из «Трех мушкетеров» А. Дюма*. Совершенно иной характер носит использование имени собственного, например, в таком контексте: *Мой друг – настоящий Атос*, где обозначение Атос использовано для характеристики личных качеств человека с иным именем.

Представленный обзор свидетельствует, что в последние годы исследование интертекстуальности вышло за рамки литературоведческих изысканий и превратилось в одно из ведущих направлений в изучении культуры. Специфика интертекстуальности в политической коммуникации (как и в иных далеких от литературоведения сферах) привлекает все большее и большее внимание специалистов. В теории интертекстуальности остается еще много дискуссионных проблем, а поэтому необходимо точно обозначать позиции, которых тот или иной специалист будет придерживаться в своем исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1.Алексеев М.А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов. М., 2003.

2.Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ, Сер.9. Филология. – 1997. – № 4.

3.Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

4.Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом, 1994, № 1.

5.Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: МГУ, 2002.

6.Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

7.Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург-Омск, 1999.

8.Нахимов Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т.13. Е-бург, 2004.

9.Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: Лингвокультурологический анализ. Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

10. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стерео-

типы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.

11. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

12. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград, 2004.

13. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб, 2002.

14. Смулаковская Р.Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества, т.12. Е-бург, 2004.

15. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания, 1995, № 6.

16. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.

© Бирюкова Н.С., 2005

**Еремина С.А.,
Потысьева А.Н.
Екатеринбург**

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ДЕПУТАТА ЕВГЕНИЯ РОЙЗМАНА

Взаимоотношения языка и общества отражаются, в частности, в функциональном и жанрово-стилистическом разнообразии речи. В свою очередь социальное расслоение современного русского языка влияет на формирование речевых стереотипов, которые характеризуют отдельные социальные группы. Исследование таких изменений позволяет активизировать работу по изучению современной речи города и созданию речевых портретов представителей отдельных социальных групп, как носителей одной из разновидностей национального языка [Крысин, 535: 2003].

Речевой портрет понимается как образ, который формируется у слушающего о говорящем в момент речи. Речь в данном случае оценивается не только с нормативной точки зрения, но и этически, и эстетически. При этом в сознании слушающего проявляется свой индивидуальный речевой образ, который рисует с учетом стереотипных представлений самого слушающего.

Исследование языковой личности в рамках социолингвистического аспекта позволяет выявить языковые элементы, указывающие на особенности лингвopsихологического идиолекта говорящего. Речевая характеристика политика – представителя одной из наиболее ярких социальных групп – позволяет опреде-

лить коммуникативную целесообразность речевых поступков говорящего в конкретной ситуации общения.

Речь политика отражает речь интеллигентного человека, в состав которой входят различные пласты русской национальной лексики (литературная речь, просторечие, разговорная речь, жаргон).

Ройзман Е.В. как языковая личность не может быть охарактеризован в рамках лишь одного социального слоя. Являясь носителем литературного языка и принадлежащий к интеллигенции, т.е. к людям, обладающим определенным уровнем образования и культуры, представленный социально – речевой портрет Е.В. Ройзмана является фрагментом общего речевого портрета языковой личности и характеризует Е.В. Ройзмана в качестве политика новой волны. Он представляет собой открытый тип собеседника. Евгений – общительный политик; речь его подчинена культурно – речевому ритуалу (в общении предпочитает коммуникативную модель Вы – общение).

Анализ агитационных материалов кандидата в депутаты Государственной Думы Е.В. Ройзмана выявил следующие приметы Вы-общения:

1. Использование этикетных формул.

Обращения: друзья, горожане.

Благодаря этому приему создается эффект доверительных отношений между выступающим и слушателями.

2. Использование языковых средств контакта.

Мы – «совместное»: Мы обязаны сделать наш город лучше. Мы не дадим никому торговать наркотиками в нашем городе. Мы будем бороться за наше с вами будущее. Мы не должны закрывать глаза на это.

Благодаря использованию этого приема выступающий приглашает слушателей к совместному размышлению, создает атмосферу непринужденного разговора.

Использование глаголов в 1 и 2 лице: Мы хорошо понимаем, что может победить только сила правды. Мы не умеем спокойно смотреть на это. Мы выстоим вместе!

Как показывает коммуникативный анализ, Ройзман Е.В. – позитивно и решительно настроенный человек, имеющий конструктивный взгляд на жизнь (зафиксированы лексические единицы с положительной оценкой). Это – показ своих лучших качеств, демонстрация положительных сторон характера: Я не боюсь работать. У меня есть силы и желание решать проблемы. Я знаю – я работаю для города. Я хочу, чтобы голос наших го-

рожан был услышан.

В предвыборных речах отмечается широкое использование различных слов и словосочетаний, обозначающих субъективное отношение высказанной мысли, как выражение связи в речи: Я так понимаю, вы еще и не такое услышите. Я считаю – пора открыто сказать: Отечество в опасности. Я уверен – сообща мы победим. Я надеюсь, что вам никогда не будет за меня стыдно.

Используются слова, выражающие временные и пространственные отношения с проекцией действия: В первую очередь – нужно защитить город.... Во-первых, необходимо ужесточить иммиграционный контроль.

В агитационной речи зафиксированы разнообразные средства воздействия на аудиторию:

Анафора: Те, кому дорог наш город. Те, кто поддерживает нас. Есть люди, которые думают, что все решают деньги. Есть люди, которые думают, что все решает административный ресурс и большие звезды на погонах.

Риторические вопросы: В стране более трех миллионов наркоманов. На Урале их более 200 000. И что, мы будем закрывать глаза? Неужели мы будем спокойно смотреть, как гибнут наши дети?

Вопросно – ответное единство: Почему процветает торговля наркотиками? Она может процветать только в двух случаях – при попустительстве милиции или при покровительстве.

Клише (речевые штампы), которые становятся своеобразными слоганами политики: Государство – это народ; Сообща мы победим; Мы – сила, потому что мы вместе; Добро победит зло; Власть должна служить людям; Присоединяйтесь!; Правду не спрячешь!

Эпитеты: Мы видим горе безутешных матерей. Серьезнейшая проблема – наркоугроза. На улицах города торгуют смертельной заразой. Наркомания – страшная болезнь, от которой у нас на глазах умирают наши дети.

Аргументы для убеждения слушателей.

Аргументы к существу дела:

а) статистический материал: В стране более 3 млн. наркоманов. На Урале их более 200 тыс. Выбито из жизни несколько поколений молодых парней и девочек.

б) доказанные положения, документы: Практически весь героин поступает из Таджикистана (если смотреть по карте уровня вовлеченности стран в транзит наркотиков из Афганистана).

Аргументы к человеку:

а) аргументы к авторитету – ссылка на высказывание президента В.В. Путина: Из послания Путина Федеральному собранию 2003 года: «В непосредственной близости от нас есть немало источников возникновения реальных... угроз – терроризма, транснациональной преступности, наркоинтервенции».

б) аргумент к жалости: Остались безутешные матери. Я не говорю о горе близких. Это – не высказать. И не дай Бог пережить.

в) аргумент – и затрагивание общечеловеческих ценностей, использование таких понятий как «добро» и «зло», «ложь» и «правда»: Сила – в правде. Отечество в опасности. Нужно бороться за честных горожан, за своих детей, за свое будущее, за наши с вами жизни. Грязь не липнет к правде.

Речь, как правило, начинается с этикетных формул – обращения: Друзья, Горожане. Этот прием помогает установить контакт со слушателями (читателями).

Во вступлении, функцией которого является закрепление контакта со слушателями и читателями, усиление их внимания и интереса, заявляется проблема, которая будет рассмотрена в основной части. Четыре года назад мы увидели, что городу – плохо. И поняли, что если мы сами не начнем борьбу с наркотеррором, нам никто не поможет.

Примечательно, что в агитационных листах Е.В. Ройзмана основная мысль текста дается в конце. Такое расположение объясняется психологическим законом политики – «фактором края»: лучше запоминается то, что находится в конце излагаемой информации.

Вы всегда поддерживали меня...и сегодня вы поддерживаете меня на встречах, по телефону, в письмах. Спасибо вам. Я уверен – сообща мы победим в борьбе с наркоторговлей.

В конце речи Е.В. Ройзман провозглашает лозунги, которые не только воздействуют на эмоциональную сферу читателей, но и побуждают к действию. Сила – в правде! Мы вместе дойдем до победы. Присоединяйтесь! Мы должны сделать город и страну лучше! Будущее - за нами. Каждый должен сделать свой выбор сам.

Таким образом, можно сделать вывод, что это человек общительный, соблюдающий культурно-речевой ритуал.

С языковой точки зрения Е.В. Ройзман коммуникативно оправданно владеет различными типами русского национального языка.

I. Лексический уровень.

а) общественно-политические слова: избирательная комиссия; выборы; кандидат; избиратель;

б) фразеологизмы: грязь к правде не липнет;

в) речевые штампы: сообща мы победим; добро победит зло; время не ждет; будущее – за нами; наша сила – в правде.

г) разговорные и просторечные выражения: торгуют заразой; девчонки; торгуют наркотиками на каждом углу.

д) сниженная, бранная лексика: стоят на панели, потрепали нервы, оградить от всякого дерьма, сотни наркобарыг, ловили наркобарыг, мявкнуть не успели, нашкулял, подтырил, ублюдки, нарколыги, пинали под зад, всем пофиг, менты.

Слова с отрицательной эмоциональной окраской употребляются обдуманно и говорят о негативном отношении Е.В. Ройзмана к тем явлениям, о которых он говорит. С другой стороны, использование слов с отрицательной и сниженной оценкой характеризуют языковую личность Е. Ройзмана, как жесткую и непримиримую.

II. Морфологический уровень.

а) преобладают глаголы настоящего и будущего времени: иду в Госдуму, обещаю, сделаем, сумеем, победим, справимся.

б) очень часто используются местоимения во множественном числе: мы, те, у нас, наши.

в) используются прилагательные в краткой форме со значением качественной оценки: непобедимы, великодушен, честны, лучше, дорог, свободен, чисты, проста.

III. Синтаксический уровень.

а) Употребляются короткие синтаксические конструкции, рубленые предложения: История продолжается. Мы делаем ее сами. Другого города у нас не будет. Другой стороны – тоже. Фонд будет работать. Знайте это.

б) Активно употребляются односоставные предложения: У нас впереди много дел; Другого города у нас не будет; Можно сказать, можно промолчать.

в) для заключительной части речи характерно использование нераспространенных предложений, состоящих только из грамматической основы: Время не ждет. Выбор есть. Фонд будет работать.

Таким образом, анализ речи Е.В. Ройзмана на трех уровнях: лексическом, морфологическом, и синтаксическом, показал, что речь политика неоднородная: литературная, но не кодифицированная, в ней присутствуют разговорные, жаргонные и просторечные слова, так как ориентирована она на широкие массы из-

бирателей и должна быть доступна и понятна каждому.

Следует отметить риторическое сочетание агитационной и разговорной типов речи; в целом речь ориентирована на ситуацию общения. Присутствие бранных (дерьмо) и просторечных (потрепать нервы, наркобарыги) слов и выражений оправдывается жанром агитационной речи. Использование коротких синтаксических конструкций делает речь более легкой для восприятия.

Речевой образ Е.В. Ройзмана соответствует новому типу политика, который привлекает сейчас наше общество: образованный, решительный, энергичный, способный принести реальную пользу обществу. На психологическом уровне – это решительная личность, лидер по натуре; четко определяет цели и стремится к их исполнению; энергичный, сильный, уверенный в себе, позитивно настроенный. На коммуникативном уровне это человек общительный, остро реагирующий на все происходящие события. Тип собеседника открытый. Соблюдает рамки культурно-речевого этикета, что проявляется в использовании различных языковых средств контакта, в том числе и этикетных формул.

Является носителем русского национального языка, (об этом свидетельствует употребление слов, относящихся к различным пластам лексики: разговорные, книжные и др.). Речь, в целом, нормативная, характер речи в большей степени разговорный. Сохраняются основные качества речи: логичность, что проявляется в последовательности изложения мысли, строгой и четкой композиции речи; доступность речи – ясность и четкость изложения, ориентированность на ситуацию общения; выразительность речи проявляется в использовании различных средств: риторических вопросов, анафор, оценочных этикетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин Л.П. Социально-речевые портреты носителей современного русского языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003.

2. Ройзман Е.В. Город без наркотиков. – М.: Издательский дом «Граница», 2004.

© Еремина, С.А., Потысьева А.Н., 2005

**Керимов Р.Д.
Кемерово**

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В СФЕРЕ НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИКИ

Социальная реальность современной Германии и Европы

описывается в немецком политическом дискурсе посредством ряда концептуальных метафор, упорядочивающих знания и представления немецких политиков о европейской политической реальности и отражающих наиболее актуальные с их точки зрения её свойства.

Концептуальные метафоры существуют на стыке двух концептуальных сфер (концептов): исходной, являющейся источником лексемы, получающей в дальнейшем в определённом контексте переносное значение, и конечной, служащей мишенью метафорической экспансии [Lakoff, Johnson, 1980; Baldauf, 1997; Kövecses, 2002; Feng, 2003 и др.].

В немецком политическом дискурсе последнего десятилетия доминирует конечная концептуальная сфера *политика* (в широком смысле), которая объективируется номинациями политических реалий и объединяет такие тесно связанные друг с другом субсферы как *политика* (в узком смысле), *экономика*, *культура*, *СМИ*, *религия* и др.

Исходными концептуальными сферами при этом выступают пять фундаментальных областей: *физиология человека*, *социум*, *природа*, *сакральная сфера* и *артефакт*. Некоторые из этих концептуальных сфер становились объектом исследования российских и зарубежных учёных [см., напр.: Baranov, Dobrovol'skij, 2003; Jäkel, 1997].

Самыми частотными в современном немецком политическом дискурсе являются метафоры из исходной концептуальной сферы *артефакт*: в немецких политических речах артефактные метафоры составляют 1640 метафорических единиц (МЕ) из комплекса 4000 анализируемых политических метафор или 41% [Kerimov, 2004: 229]. Артефактные метафоры оперируют номинациями созданных трудом человека объектов: механизмов, транспортных средств, техногенных объектов, архитектурных сооружений и объектов коммуникаций, реалий сферы гастрономии и одежды.

Небольшую группу артефактных метафор составляет гастрономическая метафора (138 МЕ или 3,45% всех политических метафор и 8,4% всех артефактных метафор). Она упорядочивает знания о сфере политики в терминах исходной концептуальной сферы *кухня* и объективирует своими МЕ концептуальную метафору «Политика современной Германии – это кухня». Функционирование гастрономической метафоры на материале немецкого языка ещё мало изучено. Работы по этой проблематике носят единичный характер [см., напр.: Osthus, 2000].

К исходной концептуальной сфере *кухня* относятся наименования продуктов питания, гастрономических блюд и их ингредиентов, напитков, процессов приготовления и употребления пищи, а также используемой при этом кухонной утвари. Концептуальная сфера (концепт) *кухня* упорядочивается при помощи фреймо-слотовой структуры. Структуру этой концептуальной сферы составляют два фрейма: «Пища в целом» и «Приготовление и приём пищи».

Фрейм «Пища в целом» содержит номинации продуктов питания, блюд и их характеристики, например: (1) *Es gibt immer wieder Situationen, in denen Parteiverdrossenheit Futter bekommt* [Rau, 2002: 611]. *‘Всегда имеются ситуации, в которых дурное настроение (в) партии получает корм’.*

Фрейм «Пища в целом» состоит из двух слотов: «Продукты питания, блюда и ингредиенты» и «Характеристика пищи».

Продукты питания, как правило, в текстах политических выступлений называются обобщённо, без указания конкретных видов.

(2) *Kultur und Kunst sind ein Grundnahrungsmittel für eine lebendige Gesellschaft* [Clement, 2002: 25]. *‘Культура и искусство – основные продукты питания для живого общества’.*

Из названий блюд доминируют *торты* и *напитки*:

(3) *Alle Teilungsanträge opfern die Funktionsfähigkeit des Parlaments der berechnenden Zaghaftigkeit, die sich wenigstens ein Stück der Torte sichren will* [Schily, 1999]. *‘Все договоры о разделении жертвуют функциональную способность парламента расчётливой нерешительности, которая как минимум хочет обеспечить себе кусок торта’.*

(4) *Die Mütter und die Väter des Grundgesetzes wollten Abgrenzungen zwischen den Bundes- und Landeszuständigkeiten, die klar waren als bei einer Schichttorte. Heute dagegen gleicht die föderale Ordnung oft eher einem Marmorkuchen, denn immer mehr staatliches Handeln wird vom Bund und von den Ländern gemeinsam finanziert und verantwortet* [Rau, 2001: 312]. *‘Матери и отцы Основного закона хотели разграничения между федеральной и земельной ответственностью, которые были бы ясны как в случае слоёного торта. Сегодня же напротив федеральный порядок часто больше похож на однородный смешанный (букв.: мраморный) торт, так как всё больше за государственную деятельность совместно отвечают и совместно финансируют её федеральный центр и федеральный земли’.*

(5) *Ich habe den Eindruck, gelegentlich denkt man, dass Sport*

und Musik und Kunstunterricht so ein „donum superadditum“ wären, etwas, was man nicht braucht, was die Sahne auf dem Kuchen ist. Nein, die musische Begabung eines Menschen ist nicht die Sahne auf dem Kuchen, sie ist die Hefe im Teig. Ohne diese Hefe im Teig kann es nicht gelingen [Rau, 2002: 396]. ‘У меня сложилось впечатление, что при случае кто-то думает, что спорт и музыка и урок искусства являются таким «добавленным жертвоприношением», вещами, которые не нужны, тем, что являются сливками на пироге. Нет, музыкальная одарённость человека – это не сливки на пироге, а дрожжи в тесте. Без этих дрожжей в тесте ничего не получится’.

(6) Warum sollte es nicht möglich sein, zum Beispiel im Kaspischen Raum, wo wir es mit einem Cocktail an Krisenphänomenen zu tun haben, europäische Ansätze und Erfahrungen aus dem KSZE-Prozess einzubringen? [Scharping, 2003]. ‘Почему нельзя, например, в пространство Каспийского моря, где мы имеем дело с коктейлем кризисов, внести участие и опыт ОБСЕ?’

Блюда «политической кухни» обладают также определёнными свойствами, такими, как вкус пищи (*неаппетитный*) и качество её приготовления (*солёный, сладкий* и пр.).

«Политические» блюда, как правило, в немецких политических речах невкусны и выглядят неаппетитно. Случаи номинации «вкусных» блюд в политических речах не зафиксированы.

(7) Der Untersuchungsausschuß hat allerdings zweifellos bestätigt, daß die Einladung der unappetitlichen Figur Roeder zu einem Vortrag im Stab der Führungsakademie durch Zufall passierte [Schmidt, 1998: 12]. ‘Следственная комиссия, в конечном счёте, точно установила, что приглашение неаппетитной фигуры Роедера для доклада в штаб Командной Академии произошло случайно’.

Фрейм «Приготовление и приём пищи» состоит из трёх слотов: «Приготовление пищи», «Приготовление пищи» и «Используемая посуда». Эти слоты актуализируют соответственно процессы приготовления и потребления пищи и используемую для этого посуду.

Процесс приготовления пищи, проецируемый на сферу политики, означает различные политические действия и идеи, чаще всего в негативном смысле:

(8) Dort, wo das Desaster in der Wirtschaftspolitik der SPD auch noch durch grüne Technologiefindlichkeit garniert wird, geht kaum etwas voran [Friedhoff, 1998: 4]. ‘Там, где катастрофу в экономической политике СДПГ также ещё гарнирует зелёная враж-

дебность к технологиям, вряд ли что-то продвинется вперёд’.

(9) *Ich sage Ihnen eines: Die Opposition hat nur Nebel verbreitet, ihre Rezepte stammen aus den 70-er Jahren, auch wenn Sie sie mit dem Gewürz „Umwelt“ ein bißchen aufpeffern und Sie sie außerordentlich mit dem Wort „Gerechtigkeit“ verzuckern* [Babel, 1998: 6]. ‘Я Вам скажу одно: оппозиция только туман напускает, её рецепты датируются семидесятыми годами, даже если вы немного поперчите их пряностью „окружающая среда“ и попробуете подсластить огромным количеством призывов соблюдать справедливость’.

В примере (9) гастрономическая метафора *рецепт* развёртывается, поддерживается и усиливается в контексте высказывания посредством ряда других метафор этой же исходной концептуальной сферы, таких как *перчить*, *подсластить* и *пряность*.

При приготовлении пищи большое значение придаётся не только качеству используемых ингредиентов, но и мастерству и умению повара и кулинарному рецепту, по которому готовится то или иное блюдо. Концептуальная метафора *рецепт* в современной немецкой политической речи стала уже традиционной. Она обозначает принятие каких-либо важных решений в соответствии с чётко продуманным планом, способы вывода, например, экономики Германии из трудного, с точки зрения немцев, положения.

(10) *Eine solche Strategie hat übrigens zu den 500000 Arbeitslosen mehr bei gleicher oder sogar besserer konjunktureller Situation vor vier Jahren geführt. Die Rezepte sind doch alle erprobt. Es spricht wenig dafür, mit den Rezepten von vorgestern und mit dem Personal von gestern die Probleme von heute oder gar morgen lösen zu wollen* [Schröder, 2003]. ‘Впрочем, подобная стратегия привела четыре года назад к числу безработных на 500000 человек больше чем при такой же или даже лучшей конъюнктурной ситуации. Все рецепты всё-таки уже испробованы. Мало что говорит в пользу того, что рецептами позавчерашнего дня и персоналом вчерашнего дня будут решены проблемы сегодняшнего или даже завтрашнего дня’.

Из конкретных наименований блюд, которые упоминаются в процессах приготовления пищи, доминирует суп:

(11) *Ist es noch zeitgemäß, dass 16 Bundesländer in der Bildungspolitik ihr eigenes Süppchen kochen?* [Rau, 2002: 623]. ‘Отвечает ли ещё современным требованиям тот факт, что 16

федеральных земель в сфере образования варят свой собственный супчик?’

Приготовление блюда может состоять и поливе этого блюда соусом:

(12) *Oft resultieren Innovationen aus intelligenten Lösungen von Gegensätzen und Spannungen. Die Bereitschaft zu Konsens und Kompromiss bedeutet aber nicht, unterschiedliche Interessen zu leugnen oder die Sauce der Harmonie über die Konflikte der Welt zu gießen* [Rau, 2002: 639]. ‘Готовность к консенсусу и компромиссу не означает, однако, что надо не признавать различных интересов или лить соус гармонии на конфликты в мире’.

Номинации конкретных видов трапезы служат для негативной оценки действий определённых слоёв общества или политических противников и ассоциируются с воровством, растратой денег, превышением служебных полномочий, взяточничеством или большими трудностями (в экономике):

(13) *Ich denke, wir müssen genauer lokalisieren, wer den großen Schluck aus der Flasche genommen hat* [Luft, 1998: 9]. ‘Я думаю, мы должны точнее локализовать тех, кто сделал большой глоток из бокала’.

(14) *Wir brauchen die Konsolidierung der Haushalte mit oder ohne Euro, denn wir dürfen die Zukunft unserer Kinder nicht verfrühstücken* [Herzog, 1997: 35]. ‘Мы нуждается в консолидации бюджетов, с евро или без него, так как мы не должны проесть (букв.: прозавтракать) будущее наших детей’.

(15) *Was musste ich die Branche schon geißeln, weil vielen Unternehmen die Grundzutat von Wettbewerb, der Wechsel eines Kunden, partout nicht schmecken wollte!* [Müller, 2003]. ‘Что я должен уже бичевать отрасль, так как многие предприятия никак не хотят попробовать главный гарнир конкуренции, смену покупателя!’

Только в обобщённом наименовании процесса потребления пищи могут быть заложены как отрицательные, так и положительные политические деяния:

(16) *Dieser Terrorismus, dieser Fundamentalismus speist sich nicht aus Armut* [Rau, 2002: 579]. ‘Этот терроризм, этот фундаментализм питается не из бедности’.

(17) *Unser Wunsch ist, dass das Verhältnis zwischen Deutschland und Polen sich aus den gleichen Quellen speisen soll wie das deutsch-französische Verhältnis: aus dem Bewusstsein enger Freundschaft und gemeinsamer Verantwortung für Europa* [Rau, 2002: 123-124]. ‘Нашим желанием является то, чтобы отно-

шения между Германией и Польшей питались из тех же источников, что и германо-французские отношения: из осознания тесной дружбы и совместной ответственности за Европу'.

В немецком политическом языке обозначения кухонной утвари используются в непрототипической (не основной) функции. Если в сфере гастрономии на посуде готовят и едят, то в области политики посуда может служить мерилom проблемы (сковорода), границ (тарелка) или выполненных действий (стакан с жидкостью, заполненный не до краёв):

(18) *Berlin sowohl als geografischer Ort wie auch als Schmelztiegel der deutsch-deutschen Probleme zwingt auch uns, das Parlament, uns diesen Problem ganz unmittelbar zuzuwenden* [Thierse, 1998: 3]. 'Берлин как географическое место и также как эмалированная сковорода германо-германских проблем вынуждает также и нас, парламент, полностью обратиться непосредственно к этим проблемам'.

(19) *Genauso gefährlich ist es aber, die Gesamtheit Europas aus den Augen zu verlieren, weil man sich nur noch mit sich selbst beschäftigt und die Aussengrenze Europas zum Tellerrand wird, über den man nicht mehr hinausschauen kann* [Herzog, 1999: 3]. 'Но также опасно потерять из виду единство Европы, так как тогда можно заниматься только самим собой и внешние границы Европы тогда станут краями тарелки, сквозь которые нельзя будет больше ничего увидеть'.

(20) *Zum einen dürfen wir uns von niemandem das schon Erreichte schlechtreden lassen. Das Glas ist nicht halb leer, das Glas nicht halb voll* [Rau, 2000: 92]. 'Во-первых, мы не должны никому позволять оговаривать уже достигнутое. Стакан наполовину не пуст, стакан наполовину не полон'.

Таким образом, в современной немецкой политической речи концепт *политика* объективируется разнообразными гастрономическими метафорами, которые отражают свойства, качества, приписываемые немецкими политиками социальной реальности современной Германии, номинациями сферы кулинарии. В тоже время исходная концептуальная сфера *кухня* представляет собой один из фрагментов структуры концепта *политика*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Baldauf Ch. Metapher und Kognition: Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Lang, 1997. (Sprache in der Gesellschaft; Bd. 24).

2. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. Metaphern im deutschen und russischen öffentlichen Diskurs // Das Wort: Germanistisches

Jahrbuch 2003 / Hrsg. von M. Vollstedt. – Moskau: DAAD, 2003.

3.Feng X. Konzeptuelle Metaphern und Textkohärenz. – Tübingen: Narr, 2003.

4.Jäkel O. Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: Eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Lang, 1997. (Duisburger Arbeiten zur Sprach- und Kulturwissenschaft; Bd. 30).

5.Kerimov R. Sportmetaphorik auf dem Gebiet der Politik: Kognitive Untersuchung eines metaphorischen Herkunftsbereiches der deutschen Politikerrede // Ethnohermeneutik und Anthropologie / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. – S. 225-242.

6.Kövecses Z. Metaphor: A practical introduction. – New York: Oxford University Press, 2002. – XVI, 285 p.

7.Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980. – XIII, 242 p.

8.Osthus D. Metaphern im Sprachenvergleich: Eine kontrastive Studie zur Nahrungsmetaphorik im Französischen und Deutschen. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Lang, 2000. – 375 S. – (Bonner romanistische Arbeiten; Bd. 70).

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1.Babel G. Mehr Arbeitsplätze nur durch Reformen // Das Parlament. – 1998. – Nr. 31. – 24. Juli. – S. 6.

2.Clement W. Perspektiven im Osten: Investitionen, Innovationen, Infrastruktur. – Berlin: Impressum, 2002. – 52 S.

3.Friedhoff P.K. Bildung wird ein Eckpunkt der Reformen // Das Parlament. – 1998. – Nr. 31. – 24. Juli. – S. 4.

4.Herzog R. Bundespräsident der Bundesrepublik Deutschland im Zitat // IN-Press: Portrait. – 1997. – Nr. 3. – 42 S.

5.Herzog R. Letzte Europa-Rede als Bundespräsident (am 28. April 1999 an der Universität Freiburg) // IN-Press: Sonderthema. – 1999. – ST 18. – S. 1-9.

6.Luft Ch. Bundesregierung legt Testament vor // Das Parlament. – 1998. – Nr. 38. – 11. September. – S. 9.

7.Müller W. Rede auf der 9. Handelsblatt-Jahrestagung Energiewirtschaft 2001 (Berlin, den 15. Januar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin, 2003. – Nr. 2002-03-1.

8.Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Impressum, 2000. – Bd. 1.1 (23. Mai – 31. Dezember 1999). – 336 S.

9.Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Impressum, 2001. –

Bd. 2.1 (1. Juli – 31. Dezember 2000). – 400 S.

10. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Impressum, 2002. – Bd. 3.2 (1. Januar – 30. Juni 2002). – 672 S.

11. Scharping R. Rede auf der 38. Konferenz für Sicherheitspolitik (München, den 3. Februar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin: Impressum, 2003. – Nr. 2002-06-3.

12. Schily O. Rede in der Berlin-Debatte. – Web document 1999. – URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_004.html

13. Schmidt Ch. Bundeswehr vor Schaden bewahren // Das Parlament. – 1998. – Nr. 31. – 24. Juli. – S. 11-12.

14. Schröder G. Rede beim Besuch der Steinkohlezeche DSK-Anthrazit (Ibbenbüren, den 8. Februar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin: Impressum, 2003. – Nr. 2002-08-1.

15. Thierse W. Glaubwürdiges Streben nach Gerechtigkeit // Das Parlament. – 1998. – Nr. 45. – 30. Oktober. – S. 2-3.

© Керимов Р.Д., 2005

**Керимов Р.Д.
Кемерово**

НЕМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА В ЗЕРКАЛЕ СПОРТИВНОЙ МЕТАФОРЫ

В современном немецком языке в структуре социальных концептов повышенный интерес представляет концепт *политика*. Данный концепт репрезентируется в немецких политических текстах посредством различных концептуальных метафор.

Концептуальные метафоры представляют опыт (объекты, предметы, действия, процессы и пр.) политической реальности современной Германии и Евросоюза в метафорических единицах (морфемах, словах, словосочетаниях, предложениях и кусках текстов) различных исходных сфер (сфер-источников, донорских сфер) [См., напр.: Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, 1987; Liebert, 1992; Baldauf, 1997; Jäkel, 1997; Kövecses, 2002].

Одной из исходных сфер для описания современной немецкой политической реальности выступает сфера *физическая культура и спорт*, которая представляет различные социальные явления и процессы, происходящие в Германии и в Европейском Союзе, посредством терминов спортивных состязаний.

При этом ключевыми узлами, значениями исходного концепта *спорт, игра* будут такие, как: (1) забава, развлечение; (2) интриги, тайные замыслы; (3) занятие, обусловленное совокупно-

стью определённых правил, приёмов; (4) особый род спортивных состязаний; (5) одна из форм обучения [Чудинов, 2001: 121].

Многозначный концепт *спорт* можно описать с помощью определённой фреймовой структуры, которая, согласно современным лингвистическим теориям [Fillmore, 1975; Minsky, 1977; Dijk, 1980; Konderding, 1993], упорядочивает наши знания о каком-либо опыте. При этом фрейм представляет собой схему, ключевые пункты концепта, которые в свою очередь состоят из элементарных ситуаций: сценариев (слотов).

В немецком политическом языке спортивные метафоры можно представить посредством 4 фреймов: *Виды игры и спорта*, *Квалификация спортсменов и итоги соревнований*, *Правила игры и наказание спортсменов* и *Спортивные снаряды и сооружения*.

1. Фрейм *Виды игры и спорта* включает в себя наименования конкретных видов спорта и игры в целом.

Игра в целом используется в политическом языке в значениях «борьба; интриги; преднамеренные действия для достижения определённых целей».

(1) *Nur, das Spiel ist leicht zu durchschauen: Allen wird alles versprochen* (Waigel, 1998: 4) 'Только эту игру легко увидеть (понять): всем всё обещают'.

(2) *Ich sage aber den Wählerinnen und Wählern: Wenn die F.D.P. weiterhin in der Koalition bleibt, wird daraus nichts. Das alte Spiel würde dann wieder beginnen* (Lafontaine, 1998: 5). 'Но я скажу избирателям: Если СвДП и дальше будет оставаться в коалиции, то из этого ничего не получится. Старая игра тогда начнётся заново'.

(3) *Wer in der Spitzenliga der Industrienationen mitspielen will, der sollte nicht versuchen, mit Niedriglöhnen zu operieren* (Rau, 2002a: 299). 'Тот, кто хочет играть в высшей лиге промышленных наций, не должен пытаться оперировать низкими зарплатами'.

(4) *Ob dies der Fall ist oder nicht, entscheidet der demokratische Wettbewerb* (Repnik, 1998b: 3). 'Является ли это тем случаем или не является, это решает демократическое соревнование'.

(5) *Es darf aber nicht dazu kommen – ich will dies jedenfalls nicht –, dass der Bundesrat als ein Ort missbraucht wird, an dem ein Zweikampf zwischen dem Kandidaten und dem Bundeskanzler stattfindet* (Schily, 2003). 'Однако дело не должно дойти до того – я этого в любом случае не хочу, – чтобы Бундесрат использо-

вали в неверных целях, а именно: как место, где состоится личная схватка между кандидатом (в канцлеры) и (самим) федеральным канцлером'.

Среди видов спорта, которые описывают политическое противоборство, доминируют *лёгкая и тяжёлая атлетика, спортивная гимнастика, лыжный спорт, авто- и велогонки, футбол, альпинизм, охота и азартные игры*.

Лёгкая атлетика представлена такими дисциплинами как прыжки в длину и в высоту и бег (в том числе с барьерами и эстафета):

(6) *Aber nehmen Sie doch bitte seitens der SPD zur Kenntnis, daß dieses vom Export getragene Wachstum längst auf den Binnenmarkt übersprungen ist* (Repnik, 1998a: 3). 'Однако Вы всё же, пожалуйста, со стороны СДПГ примите к сведению, что этот рост, который был достигнут благодаря экспорту, уже давно перепрыгнул на внутренний рынок'.

(7) *Innovationskraft wächst in einem komplexen Staffellauf* (Clement, 2002: 67) 'Сила инноваций растёт в комплексном эстафетном беге'.

(8) *Also, Tschechien hat den Sprung in die Demokratie vorbildlich geschafft* (Rau, 2002b: 584). 'Итак, Чехия совершила образцово-показательный прыжок в демократию'.

Тяжёлая атлетика и силовой спорт акцентируют внимание на упорную контактную борьбу с применением физической силы. По мнению итальянской исследовательницы Ф. Риготти, метафоры *борьбы*, происходящие первоначально из области спорта, в настоящее время имеют тенденцию к употреблению для обозначения «военного соперничества» (Rigotti, 1994: 53).

(9) *Der Ost-West-Konflikt ging in zweite Runde* (Rau, 2001: 395) 'Конфликт Востока и Запада перешёл во второй раунд'.

Спортивная гимнастика чаще всего используется для обозначения сложных по своей сути или по процедуре принятия политических решений, а также уловок, на которые идут политики или партии для их принятия:

(10) *Ich habe hier das Problem, in meinem kurzen Beitrag den politischen Spagat zu machen als einer, der im Innersten davon überzeugt ist, daß auf lange Sicht Berlin als Hauptstadt natürlich auch Sitz von Regierung und Parlament sein wird* (Lühr, 1999). 'Я имею здесь проблему в моём коротком докладе сделать политический шпагат как тот, кто в душе искренне убеждён, что на долгую перспективу Берлин станет столицей, а также местом, где будут находиться правительство и парламент'.

Спорт № 1 в Германии – *футбол* – тоже часто получает новый, метафорический смысл. При этом в качестве играющих друг против друга футбольных команд предстают команда правительства и команда оппозиции:

(11) *Und das Bild von zwei Fußballmannschaften ist gänzlich falsch: Keine Parlamentsmehrheit stürmt gegen das eigene, d.h. das Regierungstor* (Laufs, 1999). *‘И представление о двух играющих футбольных командах является полностью неправильным: парламентское большинство не штурмует свои собственные, т.е. правительственные ворота’.*

2. Фрейм *Квалификация спортсменов и итоги соревнований* представляет соревнующихся спортсменов, соперничающие команды и их предстартовый статус в качестве фаворита или аутсайдера, а также этапы (старт, финиш) и итоги (победители, чемпионы, проигравшие) спортивного состязания:

(12) *Die Volkswirte der Deutschen Bank bezeichnen deshalb die heimische Industrie als neuen Produktivitäts-Champion* (Schreiner, 1998: 8). *‘Поэтому народные хозяева Банка Германии называют отечественную промышленность чемпионами в производстве’.*

(13) *Wir können und wir müssen fragen: Wer sind – bisher – die Gewinner, wer sind – bisher – die Verlierer der Globalisierung?* (Rau, 2002b: 347). *‘Мы можем и должны спросить: Кто является до сегодняшнего дня победителем, а кто – проигравшим глобализации’.*

Важнейшими этапами соревнования являются старт и финиш, важную роль при этом играет также предстартовый расклад и условия, при которых начинается состязание:

(14) *Ich stelle mir vor, daß wir in Köln den Startschuß geben für eine neue Regierungskonferenz, die um das 2001 zusammentreten könnte* (Fischer, 1999: 15). *‘Я представляю себе, что мы дадим в Кёльне стартовый сигнал для новой правительственной конференции, которая может собраться в 2001 году’.*

(15) *Die Bedingungen, unter denen wir an den Start gehen, sind alles andere als günstig* (Schröder, 1999: 6). *‘Условия, при которых мы выходим на старт, совсем уж неблагоприятные’.*

(16) *Andere Kommentatoren sprachen von einem „Fehlstart“ der neuen Regierung* (Schröder, 1999: 5). *‘Другие комментаторы говорили о фальстарте нового правительства’.*

3. Фрейм *Правила игры и наказание спортсменов*

Спорт, как и политика, подчинена правилам, нарушение которых, как правило, ведёт к наказанию. В спорте, существуют

также негласные принципы игры, такие как, например, принцип честной игры (fair play), который пропагандирует в футболе FIFA.

(17) *Und Bonn war in all den Jahren Berlin gegenüber fair* (Vogel, 1999). 'И Бонн был все эти годы честен по отношению к Берлину'.

(18) *Wir haben 100 Milliarden DM weniger ausgegeben. Wir haben ein gutes Stück Doping aus dem Wachstumsprozess herausgenommen und trotzdem mehr Wachstum erzielt als Sie* (Eichel, 2003). 'Мы потратили на 100 млрд. марок меньше. Мы приняли хороший допинг из процесса роста и достигли, несмотря на это, больше роста, чем Вы'.

(19) *Auch das, finde ich, ist ein Grund, dieser Regierung alsbald die rote Karte zu zeigen* (Luft, 1998: 4). 'Также это, по моему мнению, является поводом тотчас же показать этому правительству красную карточку'.

4. Фрейм Спортивные снаряды и сооружения

Спортивные снаряды (спортивные мячи, шары для боулинга и пр.) и спортивные сооружения (стадионы, поля и др.), другие спортивные аксессуары и места проведения публичных спортивных состязаний также занимают важное место в немецкой спортивной метафорике.

(20) *Bildung wird ein Eckpunkt der Reformen* (Friedhoff, 1998: 4). 'Образование стало углом спортивного поля реформ'.

Таким образом, в немецком политическом языке концепт *политика* объективируется разнообразными спортивными метафорами, которые упорядочивают знания о *политике* в терминах спортивных состязаний, видов игры и спорта. Данные метафоры отражают метафорическую модель «Политическая реальность современной Германии — спортивные состязания и виды спорта», которая представляет собой один из фрагментов структуры немецкого концепта *политика*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. — Екатеринбург, 2001.

2. Baldauf Ch. Metapher und Kognition: Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher. — Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Lang, 1997. (Sprache in der Gesellschaft; Bd. 24).

3. Dijk T.A.v. Macrostructures: An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction and cognition. — Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1980.

4. Fillmore Ch.J. An alternative to Checklist theories of meaning // Proceedings of the First Annual meeting of the Berkeley linguistics

society. – 1975. – Vol. 1.

5. Jäkel O. Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: Eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Lang, 1997. (Duisburger Arbeiten zur Sprach- und Kulturwissenschaft; Bd. 30).

6. Konerding K.-P. Frames und lexikalisches Bedeutungswissen: Untersuchungen zur linguistischen Grundlegung einer Frametheorie und zu ihrer Anwendung in der Lexikographie. – Tübingen: Niemeyer, 1993. (Reihe Germanische Linguistik; 142).

9. Kövecses Z. Metaphor: A practical introduction. – New York: Oxford University Press, 2002.

10. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. – 4th, paperback ed. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1990.

11. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980.

12. Liebert W.-A. Metaphernbereiche der deutschen Alltagssprache: Kognitive Linguistik und die Perspektiven einer kognitiven Lexikographie. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Lang, 1992. – XVII, 262 S. – (Europäische Hochschulschriften: Reihe 1, Deutsche Sprache und Literatur; Bd. 1355).

13. Minsky M. Frame-system theory // Thinking: Readings in cognitive science / Ed. by Ph.N. Johnson-Laird, P.C. Wason. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1977.

14. Rigotti F. Die Macht und ihre Metaphern: Über die sprachlichen Bilder der Politik. – Frankfurt am Main, New York: Campus-Verlag, 1994. – 239 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. Clement W. Perspektiven für Deutschland: Unsere Strategie für eine Nachhaltige Entwicklung. – Berlin: Impressum, 2002.

2. Eichel H. Rede zum Jahreswirtschaftsbericht 2002 der Bundesregierung (Berlin, den 21. Februar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin: Impressum, 2003. – Nr. 2002-11-1.

3. Fischer J. Zentrale Aufgaben des deutschen Ratsvorsitzes in der EU // IN-Press: Sonderthema. – 1999. – ST 18. – S. 10-20.

4. Friedhoff P.K. Bildung wird ein Eckpunkt der Reformen // Das Parlament. – 1998. – Nr. 31. – 24. Juli. – S. 4.

5. Lafontaine O. Eine Serie von gebrochenen Versprechen // Das Parlament. – 1998. – Nr. 38. – 11. September. – S. 4-6.

6. Laufs P. Berlin-Debatte: Wortlaut der Reden. – Web document 1999. – URL: [http:// www.bundestag.de /info/berlin /debatte /bdr_024. html](http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_024.html)

7. Luft Ch. Die Sozialpflichtigkeit des Eigentums // Das Parlament. – 1998. – Nr. 31. – 24. Juli. – S. 4.

8. Lühr U. Berlin-Debatte: Wortlaut der Reden. – Web document 1999. – URL: [http://www.bundestag.de /info /berlin /debate /bdr_064.html](http://www.bundestag.de/info/berlin/debate/bdr_064.html)

9. Rau J. Reden und Interviews des Bundespräsidenten der BRD. – Berlin: Impressum, 2001. – Bd. 2.1 (1. Juli – 31. Dezember 2000).

10. Rau J. Reden und Interviews des Bundespräsidenten der BRD. – Berlin: Impressum, 2002a. – Bd. 3.1 (1. Juli – 31. Dezember 2001).

11. Rau J. Reden und Interviews des Bundespräsidenten der BRD. – Berlin: Impressum, 2002b. – Bd. 3.2 (1. Januar – 30. Juni 2002).
Repnik H.-P. Innovation nur bei guter Ausbildung // Das Parlament. – 1998a. – Nr. 31. – 24. Juli. – S. 3.

12. Repnik H.-P. Prinzip der Proportionalität wahren // Das Parlament. – 1998b. – Nr. 45. – 30. Oktober. – S. 3.

13. Schily O. Rede zum Entwurf eines Zuwanderungsgesetzes (Berlin, den 1. März 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin: Impressum, 2003. – Nr. 2002-14-2.

14. Schreiner O. Es kommt nur noch heiße Luft // Das Parlament. – 1998. – Nr. 31. – 24. Juli. – S. 7-8.

15. Schröder G. Weil wir Deutschlands Kraft vertrauen: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler Gerhard Schröder vor dem Deutschen Bundestag (Bonn, den 10. November 1998). – Bonn: Impressum, 1999. – 88 S.

16. Vogel H.-J. Berlin-Debatte: Wortlaut der Reden. – Web document 1999. – URL: [http://www.bundestag.de /info /berlin /debate /bdr_017.html](http://www.bundestag.de/info/berlin/debate/bdr_017.html)

17. Waigel Th. Deutschland steht mitten im Aufschwung! // Das Parlament. – 1998. – Nr. 38. – 11. September. – S. 3-4.

© Керимов Р.Д., 2005

Красильникова Н.А.
Екатеринбург

ОППОЗИЦИЯ «МЫ» – «ОНИ» В ДИСКУРСЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ АНГЛИИ, РОССИИ И США

Одной из определяющих задач когнитивно-дискурсивной парадигмы знания является изучение процессов познания мира по их связи с языком. Соответственно, в центре внимания исследователей находятся единицы языка, отражающие акты ос-

мысления мира и его освоения современным человеком, а также особенности постижения мира человеком сегодня [Кубрякова, 2004: 9].

Ведущая роль в восприятии человеком окружающего мира, его категоризации и конструировании принадлежит национальному менталитету. Существует множество подходов к определению этого понятия. Следующее толкование представляется нам наиболее исчерпывающим, его мы и будем придерживаться в данной работе. Менталитет представляет собой совокупность социально-психологических установок, автоматизмов и привычек сознания, формирующих способы видения мира и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности [Дашковский]. Диссонанс установок национальных менталитетов приводит к критическому непониманию между людьми в процессе межкультурной коммуникации, что свидетельствует о необходимости изучения лингвокультурных особенностей различных народов.

Вопросы корреспонденции языка и культуры в синхронном взаимодействии [Телия, 1996: 217] рассматриваются в рамках лингвокультурологии, предметом которой выступают единицы языка и дискурса, обладающие культурно-значимым наполнением, формирующие культурно-исторический пласт ментально-лингвального комплекса [Красных, 2002: 12]. Показательными в этом отношении являются концептуальные метафоры, посредством которых в сознании человека формируются определенные модели мышления и мировосприятия. Ярким примером тому служит метафора в современной политической коммуникации.

Политическая сфера как важная составляющая национальной культуры открывает неограниченные возможности для изучения языковой картины мира и национальных менталитетов динамично развивающихся сообществ. Данная статья посвящена когнитивному лингвокультурологическому исследованию дискурса политических движений «зеленых» в США, России и Англии на примере концептуальных метафор, участвующих в представлении групп «своих» и «чужих». Анализ практического материала осуществляется на основе сплошной выборки с использованием печатных и электронных изданий: «Зеленый мир», «Известия», «Наука и жизнь», «Экологическое досье России», «Экология в школе», BBC News, Ecology, Guardian, New York Times, The Independent, The Morning Star и др.

В политической речи концептуальные метафоры в качестве

коммуникативного фильтра «свои» - «чужие» используются для достижения следующих целей:

- а) разграничения сфер интересов;
- б) выгодного, яркого представления, характеристики «своих» с целью привлечения электората;
- в) создания негативных моделей восприятия «чужих» и выработки соответствующего отношения к их деятельности;
- г) воспитания в рядах избирателей актива последователей, воспринимающих окружающий мир по созданным метафорическим моделям.

На шахматной доске политических игр эмотивный контраст семантической оппозиции «мы» - «они», скрытый автором в тени умело просчитанных комбинаций метафор, способен мгновенно изменить ход партии. Более того, для каждого менталитета существуют свои «камни преткновения»: для англичан будут актуальны одни модели метафорического картирования, для русских – другие, для американцев – третьи. Группы «своих» и «чужих», соответственно, также будут представлены неоднородным составом.

В предыдущей статье [Красильникова, 2004: 43] мы рассматривали оппозицию «свои» - «чужие» в дискурсе политического движения «зеленых» США. В результате когнитивного лингвокультурологического анализа был предложен следующий принцип дифференциации: три социально значимых объединения выделены в категорию «мы» («мы»-партия, «мы»-страна, «мы»-мир), три другие группы, активно воздействующие на сознание масс и управляющие обществом, обозначены как «они» - оппоненты экологической партии («они»-политики, «они»-корпоративные капиталисты, «они»-СМИ). В данной статье мы продолжаем исследование дискурса политических движений «зеленых», но уже на основе сопоставления метафорических систем защитников окружающей среды в России и Англии.

Политологи придерживаются мнения, что анализ российской и британской политических культур представляет собой определенную сложность, поскольку в область сравнения попадают трудно сопоставимые вещи. Прерывистость истории, ее драматизм, отсутствие последовательности и консенсуса в политическом процессе, синдром «трудного отечества», гетерогенность национальной политической культуры России создают контраст константам британской политической истории и культуры. Важнейшими историческими факторами формирования политической культуры Великобритании традиционно считают политиче-

скую стабильность, постепенность развития, возможность выбрать особый, «британский», путь вследствие островного положения, органичность включения новых элементов в старые политические структуры и принцип легитимности [Россия..., 2002].

«Мы» - партия

Основная функция британских политических партий сегодня заключается в том, что политики, демократически избранные в Парламент, осуществляют непосредственное управление страной. В России роль политических партий в управлении страной ограничивается деятельностью их парламентских фракций. С этой точки зрения партии в России не несут формальной ответственности за правительственную политику, а скорее служат средством поиска поддержки отдельных политиков, не представляя интересы какой-либо социальной группы. Обратимся к конкретным примерам.

Представители английской партии «зеленых» в своих выступлениях, статьях и призывах склоняются к использованию ярких метафор соревнования, созидания, реконструкции, прогресса. *The Greens* находятся *ahead of the game* [во всеоружии (вперед игры)] (20), всегда *challenging* [бросая вызов] существующей политической и экономической *theology* [теологии], и *rebuilding* [перестраивая] локальные экономические системы (32).

В новой пропорциональной системе голосования *trajectory* [траектория] движения защитников экологии *has so far been rocketing* [в последнее время резко поднимается (взлетает, как ракета)] (30). Комплексная метафора *rocketing* привлекая сразу две сферы-источника метафорической экспансии, заключая в себе как метафору сверхскоростного движения вперед, так и метафору ультрасовременного механизма. Сложная структура данной метафоры позволяет манипулятору достичь двойного эффекта, поскольку за счет сильного воздействия на подсознание, не оставляет и в сознании реципиента места сомнению в успехе, правильном направлении движения и корректности принципов партии «зеленых» в Англии.

Другим характерным для английских экологистов приемом привлечения избирателя на «свою» сторону является ирония, которая не без оснований считается национальной чертой англичан. Своеобразными штрихами к автопортрету «зеленых» выступают эпитеты, ставшие стереотипными в высказываниях оппонентов партии, а также прецедентные тексты, несущие в себе определенную долю юмора. Например, защитники природы от-

стаивают свои позиции *in their ever-such-wet-blanket manner* [*отражая удовольствие другим (в своем привычном амплу «мокрого одеяла»*)]. В качестве типичного для партии высказывания цитируется любимый национальный мультипликационный герой Гомер Симпсон: *This is starting to look like some kind of scam* [*Это начинает походить на аферу*] (17). Очевидно, что обращение к прецедентным текстам и именам сближает с адресатом на уровне культурных коннотаций, задевая глубинные структуры подсознания.

В российском политическом дискурсе «зеленых» акцентируются метафоры кризиса, преграды, государственного рассогласования, противоправной деятельности властей, обостренного чувства собственного достоинства. В экологическом ведомстве – беда. Оно одновременно выступает лакомым куском и костью в горле для компрадоров (42). Только благодаря тому, что российские правительственные структуры не столь продвинуты в области экологии, чтобы разумно поддерживать «карманные» экологические организации, им еще не удалось приручить лидеров таких организаций (типичный случай – через подкармливание) (35). Экологи, в большинстве своем люди активные и умеющие за себя постоять (42), иногда предпочитают смолчать... из чисто гигиенических соображений (35). Однако могут и открыто заявлять о том, что они не будут распевать указы Президента на мотив российского гимна. Он уже должен был убедиться в том, что холуи надежны, что опереться можно только на то, что способно сопротивляться. (35).

Использование моделей метафорического переноса «зеленые» - не холуи, «зеленые» - кость в горле, а также представление активистов своего движения как ушлых, приручаемых и брезгливых создают впечатление об общей агрессивности партии, в рядах которой не наблюдается слаженной, тактически рациональной и практически результативной деятельности.

«Мы» – страна

Образ собственной страны – центральная составляющая концепта «свои». Географическая обособленность Великобритании способствовала формированию таких черт национального менталитета англичан как изоляционизм, щепетильность, неприкосновенность личного пространства, самодостаточность, чувство национального превосходства. Еще в 1497 году венецианский посол писал из Лондона: «Англичане большие почитатели самих себя и своих обычаев. Они убеждены, что в мире нет

страны, подобной Англии. Их высшая похвала для иностранца - сказать, что он похож на англичанина, и посетовать, что он не англичанин» [Овчинников, 1979].

В политическом дискурсе английского экологического движения Великобритании *“shrugged off the title of the dirty man of Europe”* [стряхнула с плеч звание грязного человека Европы] (28) и находится в авангарде решения проблем окружающей среды. Подчеркивается и то, что страна может играть *the key role* [ведущую роль] в продвижении технологии возобновляемых источников энергии, используя свои непревзойденные источники потенциальной энергии ветра и прилива (18). Однако, обосновывая ведущие позиции своей страны на мировой арене, английские “зеленые” самокритично пытаются закрепить в общественном сознании принципы чести и морали. С помощью метафор они воздействуют на другую установку британского менталитета – соблюдение правил “честной игры”: *If only the British public would exercise its moral muscles as much over death and destruction as it does over extramarital liaisons, the world would be a much safer place* [Если бы только британская общественность напрягала свои моральные мускулы в отношении смерти и разрушения также сильно, как в отношении внебрачных любовных связей, мир был бы гораздо безопаснее] (15).

Под ударом политической метафоры «зеленых» оказывается не только мораль нации, но и внешняя политика страны:

...and not the least of the recent crimes of the US is that it has gone too far to destroy the UN's power to perform this function [of preserving the world peace].... We have been accomplices in this latter crime and now must do our best to repair the harm we have done [..то, что США слишком далеко зашли, чтобы разрушить способность ООН выполнять эту функцию (сохранения мира на земле), является не последним по значимости из их недавних преступлений... Мы выступили их сообщниками в этом последнем преступлении и сейчас должны сделать все возможное, чтобы возместить (отремонтировать) нанесенный нами ущерб.] (26). Криминальная метафора в отношении участия Великобритании в военных конфликтах США широко распространена в политическом дискурсе страны. Обладая сильным прагматическим потенциалом, она является эффективным средством воспитания внутренних убеждений человека, в данном случае с целью обращения к совести нации и состраданию.

В противовес чувству обособленности английского национального характера, для русского менталитета всегда были

свойственны общинность, открытость, широта натуры («Широк человек, я бы сузил», - Ф.М.Достоевский), заключающая в себе экстремизм, возможность непоследовательности и сочетания полярностей. Существует мнение, что воля и мышление русского народа не дисциплинированы; характер русского человека обыкновенно не имеет строго выработанного содержания и формы [Лосский, 1991: 332].

Кроме того, как известно, русские крайне свободолюбивы. Причем понятие «свобода» в сознании русского человека не исключает возможности смирения и подчинения воле других. Способность «выстоять» при любых обстоятельствах, не склонить голову ни перед чем – проявление внутренней свободы и гордости русских. Следствием такой антиномичности национального характера является правовой нигилизм, низкая политическая культура и психологическая установка на то, что за состояние страны и благосостояние народа ответственны «они», но никак не «мы».

Яркие детериоративные метафорические образы доминируют и при описании российскими «зелеными» родной страны. *Мы уже свалка своих собственных радиоактивных отходов* (38). В стране *бурлит-чадит «большая» политика, отчаянно крутится между бандитами*, губернаторами и налоговиками «средний» российский бизнес, интеллигенция либо готовится к отъезду, либо ищет, к кому *прислониться*, прочие *заняты добыванием хлеба насущного...Эпидемия идиотизма охватила все общество, моральная и интеллектуальная деградация общества и его верхов почти «закритична»* (35). Вложение средств в воспроизводство запасов столь ничтожно, в пору говорить о нашем *минерально-сырьевом иждивенчестве и даже паразитизме* (42).

Морбиальная, криминальная метафоры и метафора свалки широко распространены в политическом дискурсе экологического движения России и позволяют активу партии максимально «сгустить краски» при создании образа родной страны. Подобные высказывания редко встречаются в британской и американской политической коммуникации.

Русскому народу приписывают укрепившееся державное сознание, которое можно назвать «условным патриотизмом» - персональной гордостью за успехи страны на мировой арене и резкое осуждение ее за любой шаг в неверном направлении. Поэтому существует опасность, что мощный эмоциональный заряд таких высказываний может вызвать реакцию отчуждения и

противостояния «зеленой» политике. Более эффективными для склада национального характера русских представляются способы латентного воздействия языковыми средствами, предоставляющие определенную альтернативу.

С этой точки зрения показательны метафоры, в основе которых лежит образ дороги: страна стоит перед выбором – идти прямой дорогой в будущее или оставаться в радиоактивном тупике, в который мы постоянно превращаем нашу страну (38). Также для создания эффекта сплочения «своих» и побуждения к совместным успехам могут использоваться спортивная и медицинская метафоры. Ср.: ...предложено создать всемирный базовый фонд питьевой воды – здесь Россия уже является лидером, а не сырьевым придатком. В этом наше глобальное донорство. ...Эту программу нужно реализовывать, ибо через 3-4 года Россия может остаться аутсайдером цивилизованного мира (41). Такие метафоры способны подчеркнуть хорошие шансы России на успех, который реален, но при определенных условиях.

«Мы» – весь мир, вселенная

Консолидация «мы» с населением всей планеты акцентирует гуманистические принципы, лежащие в основе политического движения борцов за сохранение окружающей среды. Лозунги и метафоры этого движения никогда не бывают шовинистическими, экологисты предпочитают интернационализм, они ощущают ответственность за всю вселенную и нередко говорят от имени человечества в целом.

Английские «зеленые» говорят о том, что вера в безграничные возможности техники, не поможет человечеству *to save the planet [спасти планету]* (22). «Мы» не можем понять, что мы *are headed for an apocalypse [на пути к апокалипсису]* (22). Защитники экологии призывают к устойчивому развитию, в результате которого мы все *will win [победим]* (23). Говоря о пагубном воздействии человека на природу, экологисты обращают внимание на то обстоятельство, что большинство *remedies [лекарств]*, изобретенных человеком на сегодняшний день для заживления ран планеты, можно сравнить с *Band-aids for gaping wounds [пластырями для зияющих ран]* (22).

Из приведенных примеров следует, что, не забывая о ключевом мотивационном факторе в процессе манипуляции мышлением адресата, а именно о фиксации метафорических образов на идее победы и спасения, «зеленые» не лишают читателя возможности посмотреть на удручающую экологическую ситуа-

цию в мире критическим взглядом эколога, но делают это крайне аккуратно. Концептуальный вектор представлений о конце света и медицинской метафоры навязывает чувства страха, заботы, желания помочь больному излечиться и восстановить силы.

«Зеленые» России реже прибегают к метафорическому расширению круга «своих» до масштабов всего мира. Все же прекрасным примером обращения к глобальному мышлению экологов России может служить «Экологический манифест» Н. Реймерса (43): *Тысячелетиями мы боролись с нею, покоряли ее, нещадно уничтожали. Мы пели гимны тем, кто лишал нас естества Матери-Натуры, родившей человечество, Матери, что до сих пор терпеливо кормит неразумного сына, дает жизнь новым поколениям людей.... В конце пути мы преклонили колено перед истуканом техники, не заметив, что уже не прежняя, а измененная нами природа довлеет над нами. Брошенный нами бумеранг возвращается. Мы сами занесли меч над собственной головой.... Умереть под горой технических побрякушек – удел лишь жадных глупцов.*

Примеры обнаруживают акцент на спортивную и медицинскую метафоры в дискурсе английской партии «зеленых», с одной стороны, и развитие метафор войны, родства и артефактов в дискурсе российского движения, с другой. Спортивная метафора особенно характерна для английского политического дискурса. Очевидно и лингвокультурологическое обоснование данной закономерности. Что может быть эффективнее обращения к спортивной тематике для населения страны, где воспитание детей осуществляется в рамках «спортивной этики» и правил «честной игры»? Страны, ставшей прародительницей большинства видов спорта? Страны, узнаваемой всем миром по своим футбольным болельщикам?

В политической коммуникации русских, как наглядно показал А.П. Чудинов, метафора родства передавалась из поколения в поколение со времен российской империи. Популярны в те дни образы царя – *батюшки*, России – *матери*, славян – *братьев* уступили место ведущим концептуальным метафорам времен Л. И. Брежнева – *семья* братских народов, *отеческая забота* партии и пр.; в советскую эпоху воссоздавались отношения в идеальной семье, в перестроечную – в семье, скрепленной узами привычки, расчета или безысходности [Чудинов, 2001: 78]. «Семейные» метафоры характерны и для современности. Сегодня экологи России говорят о природе – любящей и всепрощающей

матери и о неразумном человечестве - ее сыне.

Другим ярким признаком отечественных политических текстов по наблюдениям ряда исследователей [А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, А.Б. Ряпосова, Ю.Б. Феденева, А.П. Чудинов] является военная метафора, причем отмечается, что активизация подобных образов происходит в наиболее сложные для России периоды. Образы войны постоянно используются и в публикациях российских «зеленых». Метафоры родства и войны как средства концептуализации закрепились в русском национальном сознании, а потому обладают большим прагматическим потенциалом и активно используются в публикациях, посвященных защите окружающей среды.

“Мы” – европейцы / “Они” – американцы

Отождествление «своих» со всей Европой и отнесение США в лагерь оппозиции – к «чужим» - специфичные черты английского экологического дискурса. «Мы» - европейцы - *will be extending hand of friendship [протянем руку дружбы]* Иракцам в попытке отстранить Европу от поляризации между Исламом и Западом (24); *European GM food boycott [бойкот европейцев в отношении генетически модифицированных продуктов питания]* сможет показать основную *weakness [слабость]* глобализации (13). *The battle [битва]* против генетически измененных продуктов объединяет страны европейского сообщества, отдаляя их от *their old ally [их старого союзника]* за Атлантическим океаном (13). Вполне вероятно, предупреждают «зеленые», что это станет *the last straw that breaks the camel's back [последней соломинкой, которая ломает спину верблюда]* отношений между Европой и США (13).

Исходная понятийная область «США» участвует в формировании множества моделей метафорической экспансии, задействованных в сценарии «американцы» - «чужие». Примеры говорят сами за себя:

American foreign policy is shit... Our leaders continue to lie through their teeth, exaggerating the dangers while cranking up the rhetoric. But that doesn't mean we should buy it [Внешняя политика Америки – дерьмо... Наши лидеры продолжают врать сквозь зубы, преувеличивая опасности и впадая в риторику. Но это не значит, что мы должны ей верить (покупать это).] (27). *America must finally raise her eyes to the wider historical horizons... hold back and react more maturely than would a playground bully [Америка должна наконец поднять свой взгляд к более широкому в плане истории горизонту... успокоиться и реагировать]*

ровать более обдуманно, чем задира с детской площадки.] (31). *After months of sabre rattling, the US announced that it would take the EU to the WTO over the former's continuous moratorium on growing GM crops* [После месяцев бряцанья оружием США объявили, что подадут иск на ЕС в ВТО по причине постоянного моратория первого на генетически измененные культуры (29).

Пытаясь представить себя на месте исламских народов, «зеленые» пытаются читать их мысли: *"They're evil, these Americans. They've killed almost 4,000 Afgan and they bombed two other countries back to the stone age in the space of a decade... We've got to fight fire with fire. " It's rather reminiscent of G.Orwell's Animal Farm, where in the end the pigs and humans were indistinguishable. [Они – зло, эти американцы. Всего за 10 лет они убили почти 4 000 афганцев и разбомбили 2 другие страны до состояния каменного века... Мы должны отвечать обстрелом на обстрел] (16) На наш взгляд, размышления на тему дня, излагаемые от лица непосредственных участников событий, - эффективный прием воздействия на сознание реципиента, особенно если необходимо дать определенное обоснование для проведения границы между «своими» и «чужими», между «добром» и «злом».*

Для отечественной политической коммуникации метафорическое представление американцев как «чужих» не свойственно, критический взгляд защитников окружающей среды направлен внутрь страны.

«Они» – лидеры государства

Люди, стоящие у власти и не умеющие пользоваться ею надлежащим образом, – первые враги политического движения в защиту экологии и прав человека. Особенно, если они – первые лица страны. Если речь идет о подлинно демократическом государстве, то соотношение несложное - чем выше пост, тем тяжелее бремя метафорической оценки. В дискурсе «зеленых» Англии Буш и Блэр *говорят на языке Хусейна и Бен Ладена*. Они - *crusading zealots [фанаты общественных кампаний]*, искренне верящие в их *God-given right [Богом данное право]* выносить смертный приговор людям, которых они отождествляют с *evil [со злом]* (16). Тони Блэр выглядит *pitiful [жалко]*, занимаясь составлением *a shopping list of targets [списка покупок из мишеней]* для Саддама. Он же *pays the price [расплачивается]* за то, что не учитывал волю народа (34). Он уводит «своих» еще дальше от партнеров в Европе, соглашаясь на *the role of Bush's*

poodle [роль пуделя Буша]. Это превратилось в an act [спектакль] (33). Красивые слова новых лейбористов в отношении экологии оказываются а smoke-screen [дымовой завесой] для бездействия (25), а в основе их официального документа - the shifting sand of false dogma [зыбучий песок ложной догмы] (14).

Не сложно заметить, что премьер-министр Великобритании Тони Блэр исполняет ведущие роли в различных сценариях метафорического моделирования действительности. Он и животное, и актер, и избранник Бога, скрывающий праздность свой партии за дымовой завесой слов. В российском экологическом дискурсе картина иная – на сцену выходит политическая «масовка», безликая толпа. Кроме того, на суд публики выносят политику, в целом, и документы, решения, бюрократические пережитки, в частности.

Представители российского политического движения «зеленые» говорят о близорукости одних и глупости других политиков (21), которые ни в грош не ставят (35) общественное мнение, издадут кипы водянистых законов по принципу «тех же щей да пожже влей» (35) и формируют министерства-гермафродиты (42). Обнаруживаются подозрения, что органы государственной безопасности в серьезных обстоятельствах предпочитают молчать или работать «под ковром» (35). Депутаты Госдумы превращают Россию в международный ядерный могильник, думая, что «удобряют» страну «ценным» радиационным «навозом» (37). Взошедший на Олимп Владимир Путин представляет собой образ Нового человека в прогнившей политической системе (39), вокруг которого собираются различные политические «тусовки» (35).

Мы уже писали о том, что как особое качество современного политического сознания русских можно выделить институциональность [Красильникова, 2004: 121]. Данные примеры подтверждают представление о том, что для русского человека мишень для осуждения представляют в основном не отдельные личности, а институты власти, сама политическая система и ее особенности. Следствием такого мировосприятия стала политическая апатия россиян, недоверие власти, а вместе с тем способность увидеть за недостатками конкретных политических деятелей изъяны системы власти и сложившейся ситуации в обществе.

“Они” – финансово-промышленные магнаты и олигархи

Интересно заметить, что промышленные и финансовые магнаты не дают покоя ни американским, ни английским, ни рос-

сийским «зеленым». Однако если первые две партии восстают против корпоратистов в ракурсе антиглобалистических настроений, «зеленые» России борются с внутригосударственным «злом» - олигархами.

Экологическое движение Англии гармонично вписывается в многоликую толпу восстающих против глобализации и таких ее представителей как *oil merchants* [нефтяных купцов] (33), *corporate behemoths* [корпоративных бегемотов] (13), которые *rule* [правят] миром (33), пытаясь *subordinate* [подчинить] общество коммерческим интересам. (19).

В дискурсе российского движения «зеленых» практически не упоминается о насущном глобальном преступлении против человека, занимающем умы европейского большинства. Экологи-сты России сосредоточены на внутригосударственной действительности. В широко распространенной российской практике финансово-олигархического произвола политику заказывают закулисные спонсоры (36), преследующие нечистоплотные цели (40). Большая часть ресурсного бизнеса, то ли дирижирует властью, то ли шантажирует ее (35).

Деятельность олигархии в России – предмет отдельного политологического исследования. С лингвистических позиций следует отметить, что само слово «олигарх» фактически ложный друг переводчика. Большой Оксфордский Словарь дает ему следующее определение: представитель олигархии (правительства в лице небольшой группы людей) [Oxford English Dictionary, 1993]. Заимствованное в годы перестройки в русский язык слово «олигарх» приобрело значение «финансовый магнат в небольшой группе правителей» [Кабакчи, 2002]. В связи с этим показательно, что в англоязычном политическом нарративе понятие «олигарх» в российском контексте всегда выделяется кавычками.

Итоги проведенного сопоставления метафорических моделей лучше всего представить в виде следующей таблицы:

Таблица № 1. Основные метафорические модели, отражающие оппозицию «свои» - «чужие» в дискурсе политических движений «зеленых» Англии, России и США.

Сфера-мишень для метафоры	Метафоры, типичные для «зеленых» Англии	Метафоры, типичные для «зеленых» США	Метафоры, типичные для «зеленых» России
---------------------------	---	--------------------------------------	---

«СВОИ»	Партия «зеленых»	лидеры, бросают вызов, помогают соседям, взлетает как ракета, ведут честную игру	семья, ценный товар, сила, защита	Лакомый кусок, кость в горле, не холуи Президента, неприручаемые, брезгливые, чистоплотные
	Родная страна	претендент на главную роль, с расслабленными моральными мышцами, сообщница в преступлениях США	живой организм, жертвы политических игр	свалка, могильник, на перепутье, донор; эпидемия идиотизма, очаг иждивенчества и паразитизма
	Человечество	на пороге апокалипсиса, пытается спасти планету неэффективными лекарствами	арена для спортивного состязания, территория войны	Неразумные дети-покорители Матери-природы, глупцы, преклонило колени перед истуканом техники, занесло меч над собственной головой
«ЧУЖИЕ»	Политические лидеры страны / правительство	фанаты общественных кампаний, жалкие, актеры, ручные животные, близорукие	сумасшедшие, потухшие вулканы / корпоративная тюрьма	бандиты, близорукие, глупые, прогнившая система, «тусовка»
	Промышленные магнаты / олигархи (РФ)	купцы, корпоративные бегемоты, правители мира	Хищники	закулисные спонсоры, экологические варвары, дирижеры власти, воры и бандиты

	США	зло, бряцают оружием, преступник, задира с детской площадки, «незаменимая нация»	-	Хищник, закулисный режиссер, толстосум, который стремится разорить Россию, скупить ее землю и недра
	СМИ	-	убийцы, чудовища, дикие животные	-

Из таблицы следует, что со «своими» в экологическом дискурсе Англии, США и России отождествляется универсальная команда трех «мы» – сами партии «зеленых», их страна и весь мир. Менее всего ассоциирует себя с населением планеты российское экологическое движение. Среди объединений, отмеченных ярлыком «чужие» выявляется некоторая разнородность. Недовольство и несогласие «зеленых» с действиями политических деятелей и промышленных магнатов совпадает, но в отличие от своих англоязычных коллег российское ОПОД «Зеленые» не занимается вопросами глобализации, а рассматривает действия отечественных политиков и олигархов. Специфической для движения «зеленых» США является сфера-источник метафорической экспансии «СМИ», которая нетипична для экологического дискурса Англии и России, а для политического дискурса экологистов Англии характерна метафорическая дискредитация США.

Необходимо отметить, что спортивная и военная метафора являются универсальными средствами воздействия на национальное сознание во всех трех случаях. Метафора родства сближает русских и американцев и совершенно не востребована у англичан, что полностью отражает особенности национального менталитета. В то время как в США существует культ семьи, в России считается, что за близкими необходимо ухаживать, а внуков обязательно нужно нянчить до свадьбы, обеспечивая тем самым тесную связь поколений, в Англии такое исключено. Провести у бабушек «уикэнд» - в большинстве случаев, обременительно, поскольку у каждого есть свои интересы и личное время, претендовать на которое не принято.

Представления англичан и русских сходятся на театральной метафоре. Прагматический потенциал соответствующих метафорических моделей определяется концептуальным вектором неискренности, наигранности, лицемерия, поэтому театральные

образы являются эффективным средством политической дискриминации. Обращение к метафоре театра способно передать определенные черты национальной культуры. Например, для американского политического дискурса более свойственна кинематографическая модель метафорической экспансии, а для российской политической речи более характерна метафора цирка.

Наконец, американцы и англичане солидарны в обращении к экономической, физиологической и зооморфной метафоре. Как известно, прагматизм и рациональность являются фундаментальными свойствами мировоззрения как американцев, так и англичан. Метафоры организма и животного мира, напротив, относятся к разряду универсальных для политического дискурса. Однако, в представлении семантической оппозиции «свой» - «чужие» в российской политической коммуникации «зеленых» встречаются гораздо реже. Лидирующими здесь остаются криминальная метафора и метафора свалки, которые обнажают коррумпированность структуры власти в России, несправедливое и недемократичное отношение к человеку, необходимость кардинальных социальных, политических и экономических изменений в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дашковский П.К. К вопросу о соотношении категорий "менталитет" и "ментальность": историко-философский аспект // <http://irbis.asu/mmc/melnik/6.ru.shtml>
2. Кабакчи В. В. The Dictionary of Russia. Англо-английский словарь русской культурной терминологии. – Спб., 2002.
3. Красильникова Н.А. Метафорическое моделирование действительности в дискурсе экологического движений России и Англии // Языки и транснациональные проблемы: Материалы I междунар. Науч. Конф. 22 – 24 апреля 2004 года. Т.1 с.121
4. Красильникова Н.А. Метафорическое представление «своих» и «чужих» в дискурсе американского движения «зеленых». Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. Гос. Пед. Ун-т; Отв. Ред. Чудинов А. П. – Екатеринбург, 2004. Т.12, с.43
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002, с.12
6. Кубрякова Е.С. Новые единицы номинации в перекраивании картины мира как транснациональные проблемы // Языки и транснациональные проблемы: Материалы I междунар. Науч. Конф. 22 – 24 апреля 2004 года. Т.1 с.9.
7. Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 1991. С.332.

8. Овчинников В. Корни дуба // Новое время. 1979. № 4 – 6)
9. Россия и Британия в поисках достойного правления. Уч.пособие, Изд-во ПГУ, Пермь 2000. Под общ. Ред. И. Кирьянова, Н.Оуэна, Дж. Сникера
10. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры». 1996.
11. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001, с.78.
12. Oxford English Dictionary. Additions Series. Vols 2. Eds by J. Simpson, E.Weiner, 1993.
- Источники практического материала
13. Bush's evangelizing about food chills European hearts.// Guardian 2/06/03 www.guardian.co.uk/globalisation/story/0,7369,968396,00.html
14. Devaney J., Fitz-Gibbon S. A brief Green Critique of the globalisation white paper – 2000. // mirror.greenparty.org.uk/reports/2000/globalisation/globalisationwpcritique_p.htm
15. Fitz-Gibbon S. Dangerous liaisons.// www.greenparty.org.uk/index.php?nav=articles&n=9
16. Fitz-Gibbon S. War fever isn't high, let's whip up hysteria.// 01.09.02 www.greenparty.org.uk/index.php?nav=articles&n=43
17. Gato Molly Scott. Oh, what a lovely war!// 03.04.03 www.greenparty.org.uk/index.php?nav=articles&n=40
18. Green Party policy. Climate change.// policy.greenparty.org.uk/mfss/climchg.html
19. Green Peer blast Bush for seeking to destroy UN peace role.// 14.05.03 mirror.greenparty.org.uk/index.php?nav=groupednews&b=12&r=userdate=2003/05&l=12
20. Greens kick off election campaign.// http://news.bbc.uk/1/hi/uk_politics/2947137.stmp
21. Hawkins W. "Red Ken" and the Greens in London.// <http://www.greens.org/s-r/25/25-12.html>
22. K.Sale. Illusion of progress. // "Ecology" 07-08, 2003, p.32.
23. Lambert J. A social Europe.// www.greenparty.org.uk/index.php?nav=speeches&n=16 4/04/01
24. Leading UK Green heads for Iraq.// 18.01.03 www.greenparty.org.uk/index.php?nav=news&n=324
25. Lies, damned Lies - and Blair Eco-speeches.// 02/07/02 mirror.greenparty.org.uk/index.php?nav=groupednews&r=userdate%3D2002/09

26. Lord Beaumont of Whitley. Reconstructing International order. www.greenparty.org.uk/index.php?nav=speeches&n=32
27. McCaig P. Editorial.// <http://greenevents.fsnet.co.uk/editorial.html>
28. Prescott defends green credentials.// <http://www.e-politix.com/bos/epxnews/000000209F82.htm>
29. Rowell A. Debate, what debate? // Ecologist 07- 08, 2003.
30. Tempest M. Environmental impact.// 16/09/02 <http://politics.guardian.co.uk/green/story/0,9061,793225,00.html>
31. Woodin M. Keynote Speech to GP Autumn Conference. // 15/09/01 www.greenparty.org.uk/files/conference/2003/3.%20media%20highlights%201.htm
32. Woodin M., Lukas C. Protecting Britain against globalization.// 06/2001 www.greenparty.org.uk/files/reports/2004/PROTECTING%20BRITAIN%20AGAINST%20GLOBALISATION.html
33. Wright M. Ensuring the future.// mirror.greenparty.org.uk/index.php?nav=groupednews&r=group%3D6
34. Wright M. The economics of war - the politics of peace.// 25.03.03 www.greenparty.org.uk/index.php?nav=speeches&n=29
35. Борозин М.Л. Позиции и состояние ОПОД «Российские движение “зеленых” в 2000г.// Зеленый мир 2001. №1-2, с. 22-23.
36. Заявление Российской экологической партии «Зеленых» // http://www.greenparty.ru/news_a.php 18.06.03
37. Зеленый мир. 2001. №1-2. С.10.
38. Иванов В. Б. Популизм в ядерной политике //Зеленый мир. 2001. №1-2. С.14.
39. Митрофанов С. Перед совершенно новым феноменом оказался XX век // Зеленый мир. 2001. №1-2. С.5.
40. Олигархи не хотят, чтобы «зеленые» были в Думе! // www.greenparty.ru/main_ru.php 14.11.03
41. Планета дышит легкими России.// www.greenparty.ru/news.php?num_action=105&total_action=110
42. Президент Путин против кандидата экономических наук Путина // Зеленый мир. 2001. №1-2. С.14.
43. Реймерс Н.Ф. Экологический манифест.// География в школе - 3, 2002, с. 31.

© Красильникова Н.А., 2005

Нахимова Е.А.
Екатеринбург

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
С МЕНТАЛЬНЫМ ПОЛЕМ-ИСТОЧНИКОМ «ТЕАТР»**

В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В современной политической коммуникации текст часто оказывается насыщенным элементами интертекстуальности: в нем обнаруживается множество цитат и квазичитат, реминисценций и аллюзий. Адекватное восприятие такого текста возможно только в дискурсе, с учетом множества фоновых знаний из различных областей культуры. Для исследования этого явления необходимо обратиться к сферам-источникам прецедентных феноменов: важно определить, какие именно сферы (религия, фольклор, литература, театр, политика и др.) служат в том или ином социуме основным источником для репертуара прецедентных имен, событий, высказываний и текстов. Рассмотрение сфер-источников прецедентности может предоставить также интересный материал как для оценки эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора, так и для оценки авторского представления об аналогичных качествах адресата [Гудков, Захаренко, Красных, Багаева, 1997; Кушнерук, 2004; Нахимова, 2004; Слышкин, 2000, Супрун, 1995 и др.].

При исследовании художественных текстов традиционно различали две источниковые области – литературную и социальную. Так, О.С. Ахманова и И.В. Гюббенет (1977), используя несколько иную терминологию, дифференцируют два вида вертикального контекста: филологический и социально-исторический. Более широкий подход представлен в монографии создателя теории прецедентных текстов Ю.Н. Караулова [Караулов, 1987: 216-287]. Исследователь предлагает отнести к числу прецедентных явлений не только словесные тексты, но и названия музыкальных произведений, произведений архитектуры и живописи, исторические события и имена политических лидеров, что в свою очередь увеличивает и количество возможных сфер-источников прецедентности. Несколько позднее А.Е. Супрун выделил в качестве источников текстовых реминисценций еще более широкий круг исходных сфер, среди которых Библия, античная мифология, отечественный фольклор, русская и зарубежная литература, популярные песни, политические тексты [Супрун, 1995; 25-27].

При обращении к иным коммуникативным дискурсам возникает необходимость использовать еще более детализированную классификацию сфер-источников. Например, в исследовании Е.А. Земской (1996) при обращении к цитатам в газетных заголовках выделены следующие разновидности прецедентных тек-

стов: стихотворные строки, прозаические цитаты, строки из известных песен, названия художественных произведений, названия отечественных и зарубежных кинофильмов, пословицы, поговорки и крылатые выражения [Земская, 1996: 159-167]. В монографии Г.Г. Слышкина (2000), изучавшего смеховой дискурс, предложена классификация, которая основана на жанровых признаках и учитывает некоторые иные свойства донорских сфер. Автор выделяет следующие десять источников прецедентности: политические плакаты, лозунги и афоризмы; произведения классиков марксизма-ленинизма; исторические афоризмы; классические и близкие к классическим произведения русской и зарубежной литературы, включая Библию; сказки и детские стихи; рекламные тексты; анекдоты; пословицы, загадки, считалки; советские песни; зарубежные песни.

Обзор подобных классификаций можно продолжить, нетрудно продолжить и перечень претензий к этим классификациям, но не вызывает сомнений целесообразность подобных исследований, сама перспективность соответствующего подхода к изучению прецедентных феноменов.

В нашем исследовании прецедентных имен, используемых в политическом дискурсе, будет использоваться следующая классификация.

1. Социальная область, в составе которой можно выделить такие сферы, как политика, экономика, образование, религия, развлечения, медицина, война, криминал, спорт.

2. Область искусств, в которую входят такие сферы, как литература, театр и кино, изобразительные искусства, музыка, архитектура, мифология и фольклор.

3. Область науки, которая включает, в частности, следующие сферы: физика, математика, биология, химия, история, география, филология.

Представленный список при необходимости может быть продолжен и уточнен, поскольку это не исчерпывающее описание, а своего рода демонстрация принципов классификации. При необходимости классификацию можно сделать многомерной, то есть учесть и иные критерии (например, отечественный или зарубежный характер прототекста, его темпоральную характеристику, авторский или фольклорный характер и др.

Специальные наблюдения показывают, что прецедентные феномены, восходящие к одной сфере-источнику образуют своеобразное **поле прецедентных феноменов**, в составе которого выделяется целая система прецедентных имен, событий,

высказываний и текстов, образующих развернутую подсистему фреймов. Подобное поле во многом оказывается аналогичным ментальному полю, служащему источником для метафорических моделей, однако между двумя указанными феноменами можно обнаружить и существенные различия.

В качестве примера рассмотрим поле прецедентных феноменов с ментальной сферой-источником «Театр». В политической коммуникации это поле-источник включает по меньшей мере следующие составляющие:

1. Прецедентные имена:
 - Создатели пьес и сценариев (драматурги, сценаристы и др.);
 - Создатели спектаклей (режиссеры, балетмейстеры и др.);
 - Персонажи пьес и спектаклей;
 - Актеры.
2. Прецедентные тексты:
 - Названия пьес и их фрагментов;
 - Названия прозаических произведений, по которым ставятся спектакли;
 - Названия спектаклей (например, спектакль Г. Товстоногова по пьесе А.М. Горького «На дне» – это нечто иное, чем другие спектакли по этой пьесе);
3. Прецедентные высказывания:
 - Цитаты из пьес;
 - Афоризмы и цитаты, связанные с соответствующей ментальной сферой («театр начинается с вешалки», «короля играет свита» и др.).
4. Прецедентные ситуации:
 - Ситуации из пьес (например, Софья Фамусова предпочла Молчалина);
 - Ситуации из соответствующей ментальной сферы, например, «почкование театров (в частности, разделение на две части «Театра на Таганке» и МХАТа);
 - Ситуации, представляющие собой своего рода синтез театральной и политической жизни (например, балет «Лебединое озеро» прочно связывается в современном сознании с августовским путчем 1991 года).

Можно предположить, что использование в политических текстах театральных прецедентных феноменов далеко не случайно. И дело здесь не только в том, что на рубеже веков многие люди театра «ушли в политику» (президент Чехии драматург Вацлав Гавел, известный артист кино, ставший президентом

США, Джордж Буш-старший, губернатор Калифорнии, которым стал знаменитый актер Арнольд Шварценеггер, губернатор Алтайского края Михаил Евдокимов), а многие политики активно осваивают актерские приемы для обольщения избирателей. В эпоху все усиливающейся власти СМИ сценический имидж политика все чаще оказывается более важным, чем его политическая программа или опыт государственной деятельности. Отношения между политическим лидером и электоратом все более становятся похожими на взаимодействие актера и театральной публики.

Для исследования полей прецедентных феноменов, используемых в политической коммуникации, может быть использована (с соответствующими уточнениями) предложенная А.П. Чудиновым методика изучения и описания метафорических моделей [Чудинов, 2003: 68-73]. При таком подходе для описания поля прецедентных феноменов должны быть охарактеризованы его следующие признаки:

1. Исходная понятийная область, то есть сфера-источник для соответствующего ментального поля (например, «театр», «литература», «история», «музыка и др.). Во многих случаях в составе того или иного ментального поля-источника можно выделить своего рода подполя, группы и иные подобные единицы.

2. Новая понятийная область, то есть сфера-магнит для соответствующего ментального поля (например, «театр», «литература», «история», «музыка и др.). Во многих случаях в составе того или иного ментального поля-магнита можно выделить своего рода подполя, группы и иные подобные единицы. В настоящей диссертации рассматриваются только ментальные поля прецедентных феноменов, относящихся к сфере-магниту «политика».

3. Типы (по классификации Д.Б. Гудкова, В.В. Красных, И.В. Захаренко и Д.Б. Багаева) прецедентных феноменов, относящихся к данному ментальному полю (прецедентные имена, ситуации, высказывания и тексты).

4. Относящиеся к соответствующей модели фреймы, каждый из которых представляет определенную ментальную часть соответствующего поля.

При необходимости это описание может быть дополнено характеристикой продуктивности соответствующего поля (его способности к развертыванию в тексте и дискурсе) и сведениями о частотности составляющих данное поле единиц. Полезной может быть также дискурсивная характеристика поля преце-

дентных феноменов, то есть описание типичных для данного поля концептуальных векторов, прагматических интенций и эмоциональных характеристик, дополненное сведениями о взаимосвязи данного поля с другими полями и с другими составляющими текста и дискурса.

Во многих случаях можно обнаружить также элементы взаимодействия между полем прецедентных феноменов и соответствующим метафорическим полем.

Целенаправленный анализ функционирующих в политической сфере ментальных полей прецедентных источников может способствовать обнаружению специфических свойств современной политической коммуникации и выявлению тенденций в развитии политического дискурса.

Рассмотрим закономерности разворачивания ментального поля прецедентных феноменов со сферой-источником «Театр» в статье Ю. Богомолова «Политночлежка в пределах Садового кольца», опубликованной в газете «Известия» 6 марта 2004 г.

Нынче перед нами поставлен вопрос ребром: кто мы – быдло или напротив?

Хакамада говорит: если вы «напротив», придите и отдайте голос мне.

«Комитет-2008» и Владимир Рыжков говорят: если вы истинные демократы, не ходите к урнам, оставайтесь дома.

...Попрыгунья-стрекоза лето целое пропела и проплясала, а теперь, когда зима катит в глаза, принялась обличать и требовать долива после отстоя пены. Теперь она – лицо русской демократии и, как бывший член Государственной думы Киса Воробьянинов, просит подаяния.

Нетрудно заметить, что всякий раз у нас президентская гонка напоминает если не басенный, так литературно-сценический сюжет.

В 1996-м выборы проходили почти по сценарию «Карьеры Артура Уи». Финал был не тот, что в пьесе. Старый президент Генсборо все-таки выбрался из глубокой ямы. Все-таки Уи тогда не прошел в президенты.

В связи с выборами 2000 года мне в свое время пришлось вспомнить «Горе от ума». Появление Путина на политической авансцене вызвало тогда недоумение у передовой общественности. Сразу встал вопрос: кто такой? Ответ на него имел психологический подтекст: он такой, как все, – не самый высокий, не самый красноречивый. Не ярко выраженный блондин и уж точно не брюнет. И никакой у него харизмы. И поли-

тическая биография у него совсем коротенькая. И чего в нем нашла Софья Фамусова?

Каждый претендент не ее руку тогда чувствовал себя обойденным Чацким – остроумным, свободолюбивым, непринужденным, с большим политическим опытом. Особенно Явлинский. А она, Софья (в просторечии – электорат), тогда предпочла Молчалина, который на поверку не так уж и прост.

В знаменитой товстоноговской постановке, памятной для нашего поколения, акценты были несколько смещены. Самой яркой актерской удачей был Юрский в роли Чацкого – непринужденный, обаятельный, эксцентричный. Но истинным откровением того режиссерского прочтения все-таки стал Молчалин в исполнении Кирилла Лаврова. Его Молчалин был, по контрасту, скованный, принужденный, затаившийся – разnochинец, шагнувший из тени в свет. Но при всем том его герой не смотрелся ничтожеством. Были в нем какая-то странность, загадочность и сила. Снаружи действительно Молчалин, а внутри – чуть ли не Базаров.

Молчалин и Чацкий – неразлучная пара в русской литературе. И, возможно, в русской жизни. У Салтыкова они подружились. А у Островского – одно лицо. И имя ему – Егор Дмитриевич Глумов. Повадки и приемчики у него – как у Молчалина, а резвость ума и либерализм – от Чацкого.

То была середина XIX века. Тогда чиновничество набирало силу и пускало корни. Не было жалче зверя – мелкого чиновника (читайте Гоголя). Не было зверя страшнее крупного бюрократа (смотрите Сухово-Кобылина). Чацкие обезличились к тому времени, Молчалины обрели сановитость.

А уж в начале XX века, когда ветер демократических свобод и буржуазных начинаний впервые задул на просторах России, собирательным ее образом стал не чеховский «Вишневый сад» – им являлась к всеобщему удивлению городская ночлежка из горьковской пьесы «На дне».

Как ни странно она аукнулась в политической жизни России уже XXI века.

Такое впечатление, что компания бомжей из прошлого решила поучаствовать в избирательной кампании 2004-го. Когда идут теледебаты, то сходство становится разительным.

Собрались политические аутсайдеры с разным житейским опытом, с непохожими судьбами, с несходными менталитетами и мировоззрениями и плачутся на жизнь и клянут тех,

кто предал, захватил, обманул, украл, узурпировал. И поминают лучшие времена, всякий свои.

То выглянет из кого-нибудь брезгливый Барон, гнушающийся босяцким (в политическом смысле) обществом (например, из той же Хакамады), а то буйный Васька Пепел – из Малышкина или Лука, на которого отчасти смахивает бомжающий странник Иван Рыбкин, отчасти – бесконфликтный Сергей Миронов. Как, впрочем, и крестьянин с погонами офицера спецслужбы Николай Харитонов, и социалист-патриот с докторской степенью Сергей Глазьев. Вот такая образовалась политическая ночлежка в пределах Садового кольца.

Вот их демократические лица мы, избиратели, должны спасти, придя на выборы.

Лицо еще одного отца русской демократии – Владимира Рыжкова – мы можем спасти, если не придем на выборы.

При знакомстве с представленной статьей легко заметить, что прецедентные феномены являются подлинным структурным, смысловым и стилистическим центром этой публикации. Они в значительной степени обеспечивают целостность и связность текста, поскольку развертывание поля начинается уже в заголовке статьи и развивается во всех ее структурно-композиционных частях.

Анализируя направления развертывания ментального поля прецедентных феноменов со сферой-источником «Театр» в рассматриваемом тексте, можно выделить следующие составляющие данного поля, прямо или косвенно представленные в статье.

1. Прецедентные имена:

- Создатели пьес и спектаклей (драматурги А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, А.М. Горький, А.Н.Островский, Бертольд Брехт, Сухо-во-Кобылин, А.П. Чехов; режиссер Г.А. Товстоногов);

- Персонажи пьес и спектаклей (Артур Уи, президент Генсборо, Чацкий, Молчалин, Софья Фамусова, Барон, Васька Пепел, Лука, Расплюев);

- Актеры (Юрский, Кирилл Лавров).

2. Прецедентные тексты:

- Названия пьес («Карьера Артура Уи», «Горе от ума», «На дне», «Вишневый сад», косвенное упоминание о пьесах «Ревизор» и «На всякого мудреца довольно простоты», а также о трилогии «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина»)

- Названия спектаклей (спектакль Г.Товстоногова по пьесе А.М. Горького «На дне»).

3. Прецедентные высказывания:

- Цитаты из пьес (неудачники с разным житейским опытом, с непохожими судьбами, с несхожими менталитетами «плачутся на жизнь и клянут тех, кто предал, захватил, обманул, украл, узурпировал. И поминают лучшие времена»);

- Афоризмы и цитаты, связанные с соответствующей ментальной сферой (в рассматриваемой публикации не обнаружены).

4. Прецедентные ситуации:

- Ситуации из пьес (Софья предпочла Молчалина; Барон гнушается босаяким обществом; победа на выборах президента Генсборо и поражение Артура Уи; странствования Луки, который назван бомжем);

- Ситуация из спектакля Г. Товстоногова, который предложил представить Молчалина в котором была «какая-то странность, загадочность и сила. Снаружи действительно Молчалин, а внутри – чуть ли не Базаров».

- Ситуации из соответствующей ментальной сферы (большой успех постановки Г.А.Товстоногова).

Отметим также, что в данном тексте активно представлены театральные (по сфере-источнику) метафоры (*сценарий, пьеса, литературно-сценический сюжет, подтекст, постановка, авансцена* и др.), то есть обнаруживается взаимодействие поля прецедентных феноменов с метафорическим полем «Театр», о котором писали О.Н. Григорьева (2001), Н.А. Кузьмина (1999), А.П. Чудинов (2001), Н.Г. Шехтман (2004) и другие исследователи политической метафоры.

Как известно, в социальной жизни оказываются тесно связанными ментальные сферы «Театр» и «Литература». Поэтому вполне закономерно, что подобные связи находят отражение и в рассматриваемом тексте, где, помимо театральных, актуализированы еще и прецедентные феномены из сферы-источника «Литература». В рассматриваемой статье упоминаются Егор Дмитриевич Глумов – герой цикла очерков М.Е. Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности», Евгений Базаров – герой романа И.С. Тургенева, Киса Воробьянинов – персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев», а также «попрыгунья-стрекоза» из басни И.А. Крылова. Показательно, что в статье использованы также несколько трансформированные прецедентные высказывания из этой басни («Попрыгунья-стрекоза лето целое пропела и проплясала, а теперь, когда зима катит в глаза...») и из романа «12 стульев» («лицо еще одного

отца русской демократии» и «бывший член Государственной думы Киса Воробьянинов»).

Продолжая описание ментальных полей прецедентных феноменов в рассматриваемой статье, в соответствии с представленной выше методикой анализа выделим взаимосвязи между полями-источниками «Театр» и «Литература», с одной стороны, и полем-магнитом «Политическая реальность», с другой стороны (в данном случае актуализировано подполе «Федеральные выборы в России»).

1. Фрейм «Политические партии и лидеры» – Фрейм «Персонажи литературных произведений и спектаклей».

1.1. Правые политические силы» (СПС, «Яблоко», Комитет-2008», Владимир Рыжков, Ирина Хакамада и др.) – попрыгунья-стрекоза, просящий подаяния отец русской демократии Киса Воробьянинов, «бомжи» из прошлого;

1.2. Ельцин – президент Генсборо;

1.3. Путин – Молчалин в исполнении Кирилла Лаврова;

1.4. Избиратели – непостижимая Софья Фамусова;

1.5. Явлинский – обойденный Чацкий;

1.6. Хакамада – брезгливый Барон;

1.7. Малышкин – буйный вор Вася Пепел;

1.8. Иван Рыбкин, Сергей Миронов, Сергей Глазьев и Николай Харитонов – названный бомжем странник Лука.

2. Фрейм «Избирательные кампании» – Фрейм «Пьесы и спектакли».

2.1. Выборы 1996 года – пьеса Б. Брехта «Карьера Артура Уи»;

2.2. Выборы 2000 года – пьеса А.С. Грибоедова «Горе от ума»;

2.3. Выборы 2004 года – пьеса А.М. Горького «На дне».

3. Фрейм «Проведение избирательной кампании»

2.4. Плохая подготовка к выборам – песни и пляски беспечной попрыгуньи-стрекозы;

2.5. Послевыборное поведение политических неудачников – жалобы и проклятья «политических бомжей» Барона, Васки Пепла и Луки и нищенские просьбы Кисы Воробьянинова.

Разумеется, рассмотренное соотношение прецедентных феноменов из театральной сферы с реальной политической ситуацией представляет собой лишь один из возможных вариантов представления ситуации. Показательно, что в интервью с режиссером Андреем Житинкиным («Независимая газета», март 2000 г.) предлагается совсем иное распределение ролей. Ср.:

В «Горе от ума» роли распределяются совершенно замечательно. Чацкий – это же Путин. В этом случае, понятное дело, Фамусова играет Лебедь. У Путина / Чацкого сложные отношения с Софьей / Хакамадой. Правда, есть персонажи, у которых отношения складываются лучше. Это в первую очередь Кириенко/Молчалин. Фантастически ярко роль старухи Хлестовой мог бы сыграть Жириновский – с его яркими губами, потрясающей мимикой. В чепчике и с лорнетом он был бы просто неподражаем. Получилась бы яркая, язвительная, всех высмеивающая Хлестова. На роль Скалозуба огромное количество претендентов – например, Руцкой, тот же Лебедь... И, как ни странно, на Скалозуба можно было бы попробовать Невзорова. В труппе нашего гипотетического театра есть потрясающие «люди двора» – те, кого называют сплетниками. Есть свой резонер. Роль Репетилова я дал бы Доренко. Он фантастически транслирует любую мысль и способен говорить на любую тему.

Отметим также, что в статье Ю.Богомолова, которая была опубликована газетой «Известия» в марте 2000 года, предлагалось еще одно распределение ролей: Скалозуба, по мысли автора, мог бы сыграть Геннадий Зюганов, на роль Фамусова хорошо подошел бы Борис Ельцин. В этом случае играть Чацкого и Молчалина, добивающихся руки Софьи-электората, пришлось бы соответственно Григорию Явлинскому и избранному президенту.

О судьбе еще одного активного участника избирательной кампании 2000 года – Бориса Березовского – размышляет журналист А. Угланов: *Да, у лондонского сидельца все еще немало помощников в России. Они – остатки некогда большой армии, служившей БАБу за деньги. Так что в его сегодняшней активности явно прослеживается комплекс короля Лира – он продолжает думать о тех, кого поставил на ноги, вывел во власть, как о своих детях. Но нужен ли он этим «детям» сегодня?! [...] Так что БАБ все больше становится похож на Фирса из «Вишневого сада» А.П. Чехова. Пришли новые олигархи – и старый больше не нужен. Демонизированная фигура окончательно отлучена от российской политики (А. Угланов. Березовский атакует российский трон. АиФ, 2003, № 24).*

Рассмотренные примеры (а также многие другие) показывают, что ментальные поля прецедентных феноменов со сферами-источниками «Театр» и «Литература» обладают широкими возможностями для развертывания в современных российских

политических текстах. При дискурсивной характеристике названных полей прецедентных феноменов можно отметить, что они проникнуто концептуальными векторами, представляющими политическое событие как что-то вторичное, неподлинное, как своего рода игру, имитацию настоящей жизни. Использование названных полей для характеристики политической ситуации часто носит иронический характер и позволяет выразить негативное отношение к некоторым участникам политической борьбы и политической ситуации в стране в целом, а также многие иные концептуальные смыслы.

Высокая продуктивность и частотность использования в политической коммуникации прецедентных феноменов, относящихся к рассматриваемым полям, в значительной степени объясняется общей «театроцентричностью» и «литературоцентричностью» русской культуры: в нашей стране театр и литература издавна служат своего рода «учебниками жизни» – источниками моральных ценностей, стереотипных представлений и репертуара прецедентных имен, ситуаций, текстов и высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С., Губбенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания, 77 № 3.
2. Григорьева О.Н. Политический театр современной России (взгляд филолога) // Интернет-ж. «Полемика» 2001. № 9.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 1999.
4. Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ, Сер.9. Филология 1997, № 4.
5. Земская Е.А. Цитация и способы ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
7. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
8. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции языка. Екатеринбург - Омск, 1999.
9. Кушнерук С.Л. Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе // Лингвистика. Бюллетень уральского лингвистического общества. Том 13. Екатеринбург, 2004.
10. Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень

Уральского лингвистического общества. Т.13. Е-бург, 2004.

11. Разумова Л.В. Стилистические аспекты вторичной номинации имен собственных в структуре художественного текста. Автореф. дис... канд. филол. наук. Челябинск, 2002.

12. Ростова Е.Г. Использование прецедентных текстов в преподавании РКИ: цели и перспективы // Русский язык за рубежом, 1993, № 1.

13. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

14. Смулаковская Р.Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т.12. Е-бург, 2004.

15. Соловьева М.А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста (на материале романов А. Мердок и их русских переводов). Автореф. дис... к.ф.н. Е-бург, 2004.

16. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. - № 6.

17. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.

18. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург, 2001.

19. Шехтман Н.Г. Зрелищные искусства и жанры представлений как источник метафорической экспансии в политическом дискурсе России и США // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 14. Екатеринбург, 2004.

© Нахимова Е.А., 2005

Пименова Е.Е.

Кемерово

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ (способы объективации концепта *небо*)

Политическая сфера распространяется на жизнь общества, события, происходящие в стране и мире, на деятельность правителей и правительств. Соответствующие метафоры встречаются в объективации концепта *небо*.

Небо в русской языковой картине мира есть некое высшее царство (*царствие небесное*; *Когда б писать ты начал сдуру, Тогда б наверно ты пролез Сквозь нашу тесную цензуру, Как внидишь в царствие небес.* Пушкин), куда отправляются души умерших (*И покойник (царство ему небесное) обещал со мною по-свойски перевестаться, а сынок, пожалуй, сдержит слово*

батюшкино. Пушкин. Дубровский). Богатство земное есть препятствие по пути в это царство (...*Хотя слова брата он считал пустяками, но почему-то и ему в последнее время тоже стало приходить на память, что **богатому трудно войти в царствие небесное**...* Чехов. Убийство). В этом царстве правит бог (ср.: *Савельич был поражен как громом: «**Господи царь небесный!**»* Пушкин. Капитанская дочка). Царство небесное описывается феодальными метафорами царя, свиты, царского двора (*С тобою пить мы будем снова, Открытым сердцем говоря Насчет глупца, вельможи злого, Насчет холопа записного, Насчет **небесного царя**, А иногда насчет земного.* Пушкин. N.N.), что обусловлено историческими реалиями русской политической жизни. Метафоры одежды неба несут в себе символику царских одеяний, окрашенных в пурпур (*И села мирные, и грады в мгле пылают, И **небо заревом оделось** вокруг, Леса дремучие бегущих укрывают, И праздный в поле ржавит плуг.* Пушкин. Воспоминания в Царском Селе). В древнейших времен красный, пурпурный цвет одежды – цвет высшей светской и духовной власти и достоинства. Одеяния неба-правителя могут быть белыми, прозрачными и украшенными драгоценностями (*небо в алмазах; **Облака, облегавшие небо**, начинали уже поддерживаться белизной, и воздух становился прозрачным, – стало быть, был пятый час, не больше.* Чехов. Нахлебники). Светлые, блестящие одежды носили высшие сословия, что подкреплено мифологической семантикой (власть дается от неба-бога). Отсюда же и драгоценности на одежде – признаки небесных светил (*светлое/ сверкающее небо*); метафоры самоцветов, драгоценностей встречаются в описаниях неба (*аквамариновое небо; бирюзовое небо; золотое небо; нефритовое небо; перламутровое небо* поэт.; *серебряное небо; изумрудное небо; яхонтовое небо*) [см. подробнее: Пименова, 2004].

Синонимом Бога является *всевышний* (ср. также: *Народ завыл, объятый страхом, Главу покрыв золой и прахом, И внял ему **всевышний царь**.* Пушкин). Власть в языковой картине мира традиционно описывается метафорами вертикали (*вертикаль власти; высшая власть*). Основная функция царства-государства описывается в метафорах наведения порядка (*высший порядок; порядок свыше*). Нарушение порядка определяется по небесным знакам (*-Было у вас затмение аль нет? – крикнул из-за кустов пастух. – Так. Везде народ жалуется, что было. Значит, братушка, и **в небе непорядок-то!** Недаром оно...* Чехов. Свирель).

На небе находится *рай небесный* (А пришедший из южного края *Черноглазый, горбатый старик, Словно к двери **небесного рая**, К потемневшей ступеньке приник.* Ахматова. Плотно сомкнуты губы сухие...), куда попадают после смерти, согласно религиозным представлениям, праведники. На небе обитают нерожденные души и умершие близкие (ср.: *Дух окрылён, никакая не мучит утрата, **В дальней звезде отгадал бы отбывшего брата!*** Фет. В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...). «В большинстве традиций на небе располагалась область, через уровни которой души возносились к абсолютному свету и покою» [Тресиддер, 1999: 235]. В метафорах цвета неба встречается ритуальная лексика, связанная с медом и молоком – обрядовой пищей на поминках (*медовое небо; молочное небо*).

Небо заселено жителями (*небесные жители; ангелы небесные; Кто ты? Откуда? Как решить, **Небесный** ты или земной? Воздушный **житель**, может быть, – Но с страстной женскою душой.* Тютчев. День вечерает, ночь близка...). Среди таких жителей боги, музы или, в христианской религии, члены небесной иерархии – ангелы, архангелы, херувимы, серафимы и т.д. (*Дары **небесных муз** гордыне посвящать.* Жуковский. Сельское кладбище; *И путь по нем широкий шел: И конь скакал, и влекся вол, И своего верблюда вёл Степной купец, Где ныне мчится лишь **Эол, Небес жилец.*** Пушкин. Обвал; ср. также: *До слез я спорить рад, Не бьюсь лишь об заклад, Как знать, и мне, быть может, Печать свою наложит **Небесный Аполлон;** Сияя горним светом, Бестрепетным полетом Взлечу на Геликон.* Пушкин. Городок; *Под квартирными и дачными хозяйками привык я разуместь особ пожилых, ревматических, пахнущих кофейной гущей, но тут... – «спасите нас, о **неба херувимы!**» – как сказал Гамлет, сидела чудесная, великолепная, изумительная, очаровательная особа.* Чехов. Из воспоминаний идеалиста). Объединяет этих жителей видовая характеристика – сила (*силы небесные; Советники Зевеса, **Живете** ль вы в небесной глубине, Иль, божества всевышние, всему Причина вы, по мнению мудрецов, И следуют торжественно за вами Великой **Зевс** с супругой белоглавой И мудрая богиня, дева силы, **Афинская Паллада**, – вам хвала. Примите гимн, таинственные силы!* Пушкин; *Как хочется благодарить Бога и силы небесные за эти минуты слияния с вечным и прекрасным даром любить и плакать!* Астафьев. Весёлый солдат). «Оплодотворяющее действие солнца и дождя, вечное сияние звезд, луна, влияющая на приливы и отливы, разрушитель-

ная стихия шторма – все это стало причиной того, что небо почиталось как источник космической силы» [Тресиддер, 1999: 235]. Основными особенностями жителей неба считаются красота и совершенство (*небесная красота; небесные черты*; ср.: Скажите мне: какой певец, Горя восторгом умиленным, Чья кисть, чей пламенный резец *Предаст* потомкам изумленным *Ее небесные черты?* Пушкин). Творцом подобных созданий может быть только Бог (*Нет, полно мне любить; но почему ж порой Не погружуся я в минутное мечтанье, Когда нечаянно пройдет передо мной Младое, чистое, небесное создание, Пройдет и скроется?..* Пушкин. К***). Основная функция Бога – сотворение мира и жизни (*творец небесный; Творец небесный! Ты бредишь, Фауст, наяву! Услужливым воспоминаньем Себя обманываешь ты.* Пушкин. Сцена из Фауста). Небо считается творящей силой, оно источник благ и жизни. Воздух, туман, облака наполняют небо, оказываясь воплощением «мировой души»; души людей сопрягаются по своим свойствам с мировой душой [см. подр.: Пименова, 2004].

Царство небесное просторно (*Левинсон обвёл молчаливым, влажным ещё взглядом это просторное небо и землю, сулившую хлеб и отдых... Фадеев. Разгром*). Этот простор дает возможность жить вольно в этом царстве (*Простор там. Как в небе – никакой толкотни!* Горький. Автобиографические рассказы). Небо все же имеет свои пределы. Границы неба охраняет луна (*Настанет ночь; луна обходит Дозором дальный свод небес, И соловей во мгле древес Напевы звучные заводит.* Пушкин. Евгений Онегин). В пространстве неба земля и солнце имеют свои пути (*Кереметь на медведях в небе ездит, солнце возит.* Горький. Знахарка; [*Лука:*] *говорят, – слышал я, – что и земля-то наша в небе странница.* Горький. На дне).

Как в любой стране правитель собирает дань, небо требует жертв и приношений (*Торгуя совестью пред бледной ницетою, Не сыпь своих даров расчетливой рукою: Щедрота полная угодна небесам.* Пушкин. Подражание Корану). Небо-правитель распоряжается жизнью и судьбами подданных (*За то ль, что бог и умертвит И воскресит его – по воле? Что с неба дни его хранит И в радостях и в горькой доле?* Пушкин. Подражание Корану). Небо, как некий феодал, охраняет своих подданных, их жизни и благополучие (*Прошли лета соединенья; Разорван он, наш верный круг. Прости! Хранимый небом, Не разлучайся, милый друг, С свободой и Фебом!* Пушкин. Разлука; *Прости!... хранимый тайным небом, Не разлучайся, милый*

друг, С фортуной, дружеством и Фебом, – Узнай любовь – неведомую мне Любовь надежд, восторгов, упоенья... Пушкин. Кюхельбекеру). В случае крайней нужды обращаются к небу за помощью (*Кто-то где-то там наверху, в небесах, услышал слова подполковника Ашуатова, наши ли солдатские молитвы до Бога дошли* – на Чусовской железнодорожный узел обрушились гибельные метели со снегом. Астафьев. Весёлый солдат). Небо ниспосылает своим подданным дары в виде таланта (*Пускай беседуют отверженные Феба; Им прозы, ни стихов не послан дар от неба*. Пушкин. К Жуковскому), способности рассуждать и понимать (*Христос воскрес, питомец Феба! Дай бог, чтоб милостию неба Рассудок на Руси воскрес*; Он что-то, кажется, исчез. Пушкин. Из письма к В.Л. Пушкину). Получившие дар от неба еще при жизни получают возможность обитать на небесах, черпая из небесного источника вдохновение (*Ах! счастлив, счастлив тот, Кто лиру в дар от Феба Во цвете дней возьмет! Как смелый житель неба, Он к солнцу воспарит, Превыше смертных станет, И слава громко грянет: «Бессмертен ввек пиит!»* Пушкин. Городок). Для своих даров небо выбирает людей по своему усмотрению, промысел Божий часто человеку непонятен (*Беда стране, где раб и льстец Одни приближены к престолу, А небом избранный певец Молчит, потупя очи долу*. Пушкин. Другьям). Дары неба следует употреблять во благо людей (*Нет, если ты небес избранник, Свой дар, божественный посланник, Во благо нам употребляй*: Сердца братьев исправляй. Пушкин. Поэт и толпа).

Небо наделено властью (*Бывало в сладком ослепленье Я верил избранным душам, Я мнил – их тайное рожденье Угодно властным небесам, На них указывало мнеенье – Едва приблизился я к ним...* Пушкин). Небо обладает волей, которая понимается как некий закон, руководство к исполнению (*Другья мои, что ж толку в этом? Быть может, волею небес, Я перестану быть поэтом, В меня вселится новый бес, И, Фебовы презрев угрозы, Унижусь до смиренной прозы*. Пушкин. Евгений Онегин). Волю неба на земле провозглашают посредники между небом и людьми – священнослужители (*Волхвы не боятся могучих владык, А княжеский дар им не нужен: Правдив и свободен их вещий язык И с волей небесною дружен. Грядущие годы таятся во мгле; Но вижу твой жребий на светлом челе*. Пушкин. Песнь о вещем Олеге). Волю неба проводят соответствующие исполнители ([*Любовь Андреевна:*] *О сад мой! После темной ненаст-*

ной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, **ангелы небесные не покинули тебя...** Чехов. Вишнёвый сад). Закон неба распространяется и на царство неба, и на царства земли (И к пальме пустынной он бег устремил, И жадно холодной струей освежил Горевшие тяжко язык и зеницы, И лег, и заснул он близ верной ослицы – И многие годы над ним протекли **По воле владыки небес и земли.** Пушкин. Подражание Корану).

Небо судит по неписаному закону (Но отшельник, чьи останки Он усердно схоронил, За него **перед всевышним Заступился в небесах.** Пушкин). Результатом суда неба может быть объявлена милость (Он повсюду искал ее встречи, и встреча с нею казалась ему каждый раз неожиданной **милостию неба.** Пушкин. Арап Петра Великого), награда (Сразились. – Русский – победитель! И вспять бежит надменный Галл; Но сильного в боях **небесный Вседержитель Лучем последним увенчал.** Пушкин. Воспоминания в Царском Селе) или провозглашено наказание, которое выражается в метафорах грозы (Но дважды ангел вострубит; На землю **гром небесный грянет:** И брат от брата побежит, И сын от матери отпрянет. Пушкин. Подражание Корану; Когда-нибудь на грешный кров Твоих запачканных домов **Небесный гром** конечно грянет, И – не найду твоих следов! Пушкин. <Из письма к Вигелю>; Я и плакалась и каялась, Хоть бы **с неба грянул гром!** Сердце томное измаялось В нежилом доме твоём. Ахматова. Я и плакала и каялась...). Милость неба оценивается как заслуженная или незаслуженная награда (Я не смею пасть к вашим ногам, **благодарить небо за непонятную незаслуженную награду.** Пушкин. Дубровский). За ниспосланные милости небо следует благодарить (Вы должны **благодарить небо** за то, что оно послало вам такого мужа! Чехов. Благодарный). К милостям неба относятся дарованная возможность жить, чувствовать и любить (Как хочется **благодарить Бога и силы небесные** за эти минуты слияния с вечным и прекрасным даром любить и плакать! Астафьев. Весёлый солдат).

Небо может быть описано витальными метафорами (Навис покров угрюмой ночи На своде **дремлющих небес;** В безмолвной тишине почил дол и рощи, В седом тумане дальний лес... Пушкин. Воспоминания в Царском Селе), метафорами мимики (**Небо,** воздух и деревья по-прежнему **хмурились** и обещали дождь; было жарко и душно; громадные стаи ворон, предчувствуя непогоду, с криком носились над садом. Чехов. Имени-

ны), соматическими метафорами (*Медленно и покойно рисует воображение, как ранним утром, когда с неба еще не сошел румянец зари, по безлюдному, крутому берегу маленьким пятном пробирается человек...* Чехов. Мечты) и антропоморфными метафорами характера (*Опускаются сумерки в мир не спеша. Исчезает зеленых деревьев торжественность, Исчезает приветливость ясных небес.* Астафьев. Весёлый солдат).

Признаки небесного огня связаны с богом неба – богом-кузнецом, кующим и тем самым творящим мир и небо, как часть этого мира (ср.: *свинцовое небо*), а также богом-громовержцем (ср.: *гром и молния с небес*). Небо наделено властью. Небо повелевает жизнями и судьбами людей, избирая из их числа некоторых, кто получает талант. Воля неба выражается в дарах или карах, при этом закон, по которому «присуждается» та или иная награда или наказание, не всегда понятен и доступен человеку. Власть неба выражается в русской языковой картине мира феодальными метафорами [термин Чудинова, 2004].

За небо отвечает верховный (высший, вешний, верховный) бог, при этом небо заселено жителями. Среди жителей не только небожители (боги, музы и под.), но и люди, получившие дары небес. Размер небес характеризуется неохватностью, необъятностью. В небе проложены пути небесных объектов – звезд, солнца и земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагинская Н.В. Небо // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1988. Т.1. – С.206-208.
2. Горбачевич А.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. – СПб.: «Норинт», 2000. – С.113-114.
3. Пименова М.В. *Душа и дух: особенности концептуализации.* – Кемерово: Графика, 2004. – 383 с.
4. Пименова Е.Е. Религиозные признаки концепта небо // Ethnohermeneutik und Antropologie/ Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004. – S. 210-213 (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Band 10).
5. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М., 1983.
6. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – М., 1958. Т.I-III.
7. Тресиддер Дж. Словарь символов. – М., 1999. – С. 235.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. – М., 1993.
9. Чудинов А.П. Национальная ментальность и соответст-

вующие ей метафорические модели // *Ethnohermeneutik und Anthropologie/ Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova.* – Landau, 2004. – S. 19-30

© Пименова Е.Е., 2005

Солопова О.А.
Челябинск

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Для современного политического дискурса характерна своеобразная политико-идеологическая риторика, одним из центральных средств которой является метафора. Метафора в политической коммуникации может проявлять себя по-разному – от статуса локально значимого текстового элемента до контейнера целого текста. Метафора – фрагмент текста (ключевая, базисная, доминантная метафора) – представляет собой развернутое и достаточно детализированное описание некоего объекта метафорического осмысления; такие «метафоры организуют текст, служат средством связи его частей, обеспечивающим целостность восприятия» [Чудинов, 2003: 112]. Ключевая метафора способствует образованию непредсказуемых межфреймовых связей, обладающих большой эвристической силой [Минский, 1980: 292], позволяет использовать разные способы манифестации оценочного суждения, разные приемы выдвижения прагматически значимой информации [Руженцева, 2004: 135].

В настоящей статье рассматриваются закономерности развертывания в политическом тексте очень существенной для политического дискурса оппозиции ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ. Метафорическое моделирование прошлого, настоящего и будущего позволяет автору представить модель общественно-политической ситуации в темпоральном аспекте, построить динамический образ социума и дать ему оценку. Описание прошлого и прогноз на будущее часто оказываются не самоцелью, а средством презентации (положительной или отрицательной) политического лидера, его деятельности и позиции [Миронова, 2003].

В соответствии с концепцией Э.Р. Лассан, современный политический дискурс опирается на ряд ценностных оппозиций [Лассан, 1995: 42]. В конкретных текстах эти оппозиции часто развертываются через доминантные концептуальные метафоры, которые получают соответствующее дискурсивное обеспечение – отбор языковых средств, композиционное построение,

набор собственно риторических приемов воздействия и др. [Лассан, 1995: 43]. Способность к развертыванию в тексте – важнейшее свойство концептуальной метафоры. Политические тексты часто организованы таким образом, что в них явно ощущается доминирование какой-то одной метафорической модели. А.П. Чудинов выделяет основные признаки, по которым метафорическую модель можно охарактеризовать как доминантную: 1) высокая частотность использования; 2) развернутость, т.е. представленность в тексте различных фреймов и слотов; 3) расщепленность, т.е. использование соответствующих метафор в различных частях текста; 4) использование метафор в наиболее сильных позициях текста; 5) использование не только стандартных, традиционных, но и ярких, индивидуально-авторских образов, привлекающих внимание читателей [Чудинов, 2003: 124-125].

Рассмотрим закономерности взаимодействия названных признаков в публикации В. Антонова «Гений дзюдо» (Версия, № 39, окт., 2003), где речь идет о ныне действующем президенте В. В. Путине и его политических пристрастиях. Показательно, что автор обращает особое внимание на динамику развития событий, сопоставляя недавнее прошлое страны (время президентства Б.Н. Ельцина и начало активной политической деятельности действующего президента) с перспективами развития России под руководством В.В. Путина.

1) Доминантная для рассматриваемой статьи система метафор восходит к ментальному полю-источнику «Спорт», что, несомненно, связано с увлечением президента борьбой дзюдо. В тексте не встречается других метафорических словоупотреблений, автору оказывается достаточно системы спортивных метафор, чтобы донести до адресата основную идею публикации и свое отношение к описываемым в тексте событиям и их участникам.

2) Образы прошлого и будущего моделируются в русле спортивной тематики: в тексте представлены разнообразные фреймы данной модели. Фрейм «Игроки и тренеры» представлен такими метафорами как сэнсэй, тренер, дзюдоист, борец, соперник, оппонент. Ср.: *Любой дзюдоист знает, что чем ловчее ты удержишь ситуацию, тем лучше. Путин умудрился не поссориться ни с одной из сторон, осуществив полный «захват» всех оппонентов. И продержался. В чистом остатке: друг Буш, перспектива нефтяных разработок к северу от Басры, Шрёдер призывает инвестировать в Россию, а Ширак*

на очередной встрече первым хочет видеть только Путина. Красиво?

Статья насыщена спортивными метафорами, относящимися к фрейму «Приемы игры»: подножка, удержание, бросок с захватом двух ног, атака, кувырок во второй части броска, болевой прием на локтевой сустав, удушение. Ср.: *В идеале соперник должен сдаться — сам. Достигается это или удушением, или проведением болевого приёма — как правило, на локтевой суставе. Иногда дело доходит даже до хруста костей, то есть второй борец, попав «на болевой», терпит сколько сможет, но уж после деваться ему некуда, кроме как долбить ладошкой по татами. Это значит — всё, сдаюсь. Ходорковский и его ЮКОС пока терпят, но похоже, что его ладошка уже над ковром.*

Поскольку метафорическое употребление спортивной терминологии связано и с необходимостью точно определить правила этой игры, фрейм «Правила дзюдо и наказания для нарушителей» представлен самыми разнообразными метафорами. Ср.: *Оказаться в схватке рядом с соперником в нужной позиции и в нужный момент; В лоб в дзюдо не бьют; С изучения подножки начинают все новички-дзюдоисты; Чем ловчее ты удержишь ситуацию, тем лучше; Сверхзадача любого поединка на татами не только в том, чтобы добиться «чистой» победы броском или удержанием. В идеале соперник должен сдаться — сам. В следующем контексте представлен своего рода кодекс чести борца: Итак, в классическом дзюдо запрещено: кусаться, тянуть за волосы, выламывать пальцы рук, щипаться, толкать ногами и наступать противнику на пальцы. Всё перечисленное — своеобразный кодекс чести, нарушить который на ковре означает не только автоматически заработать «шидо» (предупреждение), но и нарваться на гнев тренера и презрение других дзюдоистов.*

В статье представлен развернутый сценарий, типичный для рассматриваемой метафорической модели «ПОЛИТИКА – ЭТО ДЗЮДО». Соответственно следующий фрейм отражает итоги соревнования: победа, чистая победа («иппон»), половина победы («ваза-ари»). Ср.: *Тёзка президента, магнат Владимир Гусинский, например, похоже, и сам не понял, как оказался не у дел. Ведь лично его сначала вроде как и не трогали: замели лишь главного финансиста, затем поменяли хозяев телеканала, в общем, этот информационный бизнес мягко перешёл из одних рук в другие, всех делов-то! С одной стороны, и со-*

перник жив-здоров, с другой же — и победа одержана: не сказать, правда, чтобы чисто (на «иппон»), но на «ваза-ари» (типа половины победы) уж точно..

3) Рассматриваемые метафоры представлены во всех разделах анализируемой статьи. Типичным в этом отношении является фрагмент под названием «Бросок с захватом двух ног», где Борис Березовский метафорически представлен как партнер, против которого использован соответствующий прием. Ср.: *Великая вещь, поскольку в случае успеха судьи, как правило, ниже оценки «ваза-ари» и не дают. Обычно же сразу «иппон» (чистая победа), причем для удачливого борца убиваются сразу все зайцы — с соперником покончено быстро, красиво и технично. И правда, для проморгавшего атаку дзюдоиста татами настолько «вдруг» уходит из-под ног, что кувырок во второй части броска практически не заметен. Раз — и отдыхай. Именно так, в одночасье, Борис Березовский лишился в России всего и сразу — «Аэрофлота», ОРТ, ЛогоВАЗа...*

4) Спортивная метафора появляется уже в заголовке, а затем получает свое развитие во всех сильных позициях статьи:

- Образы, восходящие к спортивной сфере, удачно применяются в подзаголовках, большинство из которых обозначает типичные приемы дзюдоистов. Ср.: *Ни-з-зя!; Подножка; Удержание; Бросок с захватом двух ног; Болевой прием (удушение).*

- Спортивные метафоры использованы во вводном разделе текста и в начале каждого раздела статьи. Например, фрагмент «Подножка» начинается следующим образом. Ср.: *С изувращения подножки начинают все новички-дзюдоисты, и Путин вряд ли был исключением. Тёзка президента, магнат Владимир Гусинский, например, похоже, и сам не понял, как оказался не у дел.*

- Метафоры, связанные с фреймом-источником «Дзюдо», использованы в концовке текста (Ср.: *Обычно в таких случаях победа предрешена*) и заключительных фразах всех составных частей данной корреспонденции. Например, раздел статьи с подзаголовком «Ни-з-зя!», где говорится о кодексе чести любого дзюдоиста, подытоживает фраза: *В лоб в дзюдо не бьют*; конечное предложение фрагмента «Бросок с захватом двух ног» звучит так: *Это и понятно, борец должен тренироваться не только на «макиварах» (чучелах), живые оппоненты демократии ещё пригодятся*; преимущества такого приема как «Подножка» сформулированы следующим образом. Ср.: *С одной стороны, и соперник жив-здоров, с другой же — и победа одер-*

жана: не сказать, правда, чтобы чисто (на «иппон»), но на «ваза-ари» (типа половины победы) уж точно.

5) Моделируя образы прошлого, настоящего и будущего, журналист использует как традиционные метафорические номинации (схватка, соперник, поединок, атака и др.), так и яркие свежие образы (перейти в партер к удержанию, проведение болевого приема, добиться «чистой» победы броском или удержанием, оценка «ваза-ари», кувырок во второй части броска, тренироваться на «макиварах» и др.), что привлекает внимание адресата при первом знакомстве с публикацией, интригует, провоцирует его любопытство и интерес.

Использование метафоры в сильной позиции текста – не единственный способ привлечения внимания читателя к образному потенциалу статьи. Для акцентирования доминантной метафоры автор активно использует следующие риторические фигуры:

- антитезу, противопоставляя поведение и поступки прежнего президента и ныне действующего. Ср.: *И если волейболист Ельцин в молодости побеждал, «втыкая» соперникам «колы», что же много лет спустя удивляться эпатажной дирижёрской палочке в его руке — ошеломляющие «свечи» очень даже в духе волейбола. Дзюдоист же Путин с детства привык действовать по-другому — что на татами, что в чине первого лица государства.*

- парцелляцию. Ср.: *Любой дзюдоист знает, что чем ловчее ты удержишь ситуацию, тем лучше. Путин умудрился не поссориться ни с одной из сторон, осуществив полный «захват» всех оппонентов. И продержался.*

- эпанафору в сочетании с парцелляцией и комментарием. Ср.: *Ведь дзюдо в первую очередь философия, одна из форм понимания окружающего мира и способов своего поведения в нём. Способов мягких (до поры), компромиссных (до времени), мотивированных, впрочем, единственной целью — победой.*

- риторический вопрос и восклицание. Ср.: *Помнится, ещё в январе-феврале немец Шрёдер с французом Шираком выступили категорически против американцев, жаждущих войти в Ирак и демократично там всё обустроить. С другой стороны, и младший Буш по ночам то и дело названивал Владимиру Владимировичу в поисках поддержки своего варианта ооновской резолюции. Наивные люди! В чистом остатке: друг Буш, перспектива нефтяных разработок к северу от Басры,*

Шрёдер призывает инвестировать в Россию, а Ширак на очередной встрече первым хочет видеть только Путина. Красиво?

Все выше перечисленные стилистические фигуры выполняют определенную прагматическую функцию, а именно создают эмоциональный фон высказывания, усиливают напряженность и выразительность речи, акцентируя текстообразующий потенциал метафор.

Важный способ текстовой поддержки спортивной метафоры – использование прецедентных феноменов. При моделировании прошлого спортивная метафора акцентируется при помощи прецедентных событий и прецедентных имен: внимание читателя возвращается к делу В. Гусинского, которому В. Путин *поставил подножку*; к отношениям с западными политическими лидерами Ж. Шираком, Г. Шредером, Дж. Бушем, к которым В. Путин, *осуществив «захват» всех оппонентов, мастерски применил прием на удержание*. Еще более активны прецедентные феномены при характеристике борьбы президента с олигархами: так, в схватке с Б. Березовским, Б. Патаркацишвили, Ю. Дубовым был использован *бросок с захватом двух ног*, в результате чего *с соперником покончено быстро, красиво и технично*. Соответственно в деле ЮКОСа судьи уже *зафиксировали болевой прием (Платон Лебедев, обыски в офисах, детских домах и Жуковке)*.

Автор представляет политическое будущее в соответствии с кодексом дзюдоистов, который борец, человек и президент В. Путин никогда не нарушит. Журналист умело активизирует в сознании читателей прецедентные ситуации. Ср.: *С этой точки зрения можно быть уверенным: человек и президент г-н Путин никогда не проспит Ирландию, не объявит устами своей пресс-службы войну Украине, не напьётся на людях до аута и не возьмётся руководить духовым оркестром. Однозначно также, что подобные выходки ВВ не позволят ни себе, ни окружающим — можно считать, что с перестрелками у «Медиа-моста» и коробками из-под ксерокса закончено. В лоб в дзюдо не бьют.*

В рассматриваемых фрагментах автор удачно проводит параллели с прошлым, вызывая в сознании носителей языка хорошо известные события, происходившие во времена правления *волейболиста* Б. Ельцина. В первом случае память читателей возвращается к инциденту в Ирландии, когда Б. Ельцин не вышел из самолета, так как ему «передозировали снотворное»,

и переговоры с ирландским премьером вместо него вел О. Сосковец. Затем речь идет о сентябрьских событиях 91-го года, когда заявление пресс-секретаря П. Воцанова заставило власти Киева и Алма-Аты организовать шумные митинги протеста против «агрессора» России. Далее автор упоминает скандальный визит Б. Ельцина в Германию в 1994 году, в ходе которого президент России дирижировал оркестром полиции Берлина. Своего рода знаком прецедентного события представлена коробка из-под ксерокса, ставшая символом лицемерия российской избирательной системы и финансовой нечистоплотности ее создателей.

Сопоставляя прошлое России и ее настоящее, журналист последовательно вызывает в сознании читателя негативные ассоциации, иронично описывая достижения как бывшего, так и нынешнего президента. Автор создает картину будущего, контрастирующего с положением дел в настоящем и прошлом, однако, и этот образ далек от идеала. Журналист умело вплетает в целостную ткань на первый взгляд комплиментарного текста негативно-оценочные намеки, создающие прямо противоположный эффект. Ср.: *Именно так, одновременно, разбежались кто куда Бадри Патаркацишвили, Юлий Дубов и собственно сам Борис Абрамович. Впрочем, как и в дзюдо, на выходе все живы и без травм. По аналогии со многими аналогичными ситуациями президент плавно перешёл в партер к удержанию — одного в Грузии, двух других в Англии. Это и понятно, борец должен тренироваться не только на «макиварах», живые оппоненты демократии ещё пригодятся.*

Иронический эффект воздействия текста усиливается за счет введения нарочито сниженной лексики (*башки на плечах нет, замели, поменяли хозяев, названивал, немец Шредер с французом Шираком, в чистом остатке, раз — и отдыхай, втыкать колы*). Наряду со спортивными терминами (*татами, бицепсы, техника исполнения, тщательная предварительная подготовка, прием, техническое действие в партере, судьи* и др.) довольно частотны элементы просторечия, разговорные слова и выражения (*то бишь, типа, всех делов-то, ловчее, помнится, эдак, то и дело, уж*). Таким образом, акцентирование развернутой спортивной метафоры с использованием средств интертекстуальности, смешения стилей, риторических фигур, использованием метафор в сильных позициях текста ориентировано на эмоционально-экспрессивное отражение событий прошлого, явлений реальной действительности и предполагае-

мого будущего страны.

Продолжая исследование закономерностей метафорического моделирования прошлого и будущего России, обратимся к ресурсам метафор из ментального поля-источника «Игра в шахматы», которое, с одной стороны, можно отнести к сфере-источнику «Спорт», а с другой – к сфере-источнику «Игра». Подобные метафоры активно используются для представления будущего в статье В. Костикова «Ферзи и пешки кремлевских шахмат», опубликованной в газете «Аргументы и Факты» (10.09.03). В рамках указанной статьи последовательно разворачивается концептуальная метафорическая модель «ПОЛИТИКА – ЭТО ШАХМАТНАЯ ИГРА», которая может быть охарактеризована как доминантная по следующим признакам:

1) Игровая метафора – самая частотная в этой статье модель, в публикации насчитывается 82 метафорических номинации, относящихся к данной модели. Ср.: Предвыборная шахматная партия началась. Кто в ней будет (прибегая к шахматной терминологии) ферзями, слонами и пешками? Как будет проходить дебют? Что произойдет в эндшпиле? Предлагаем читателям разбор предвыборной шахматной партии. Условно: белыми играют либералы и реформаторы, черными — коммунисты и национал-патриоты.

2) В тексте представлены самые разнообразные фреймы метафорической модели «ПОЛИТИКА – ЭТО ИГРА В ШАХМАТЫ». Фрейм «Игроки и тренеры» представлен различными метафорами: игроки (опытные игроки, кремлевские гроссмейстеры, старый шахматист) и тренеры. Ср.: На белом фланге, разумеется, «Яблоко» и Союз правых сил. Г. Явлинский и Б. Немцов — опытные игроки. В предыдущих партиях их причисляли к тяжелой фигурам. Но в последние три года они только теряли пешки. Их спасает то, что олигархи все еще покупают им информационные доспехи и нанимают опытных PR-тренеров.

Следующий фрейм представляет участников предвыборной кампании. В политической борьбе принимают участие белые и черные фигуры, среди которых тяжелые и легкие, независимые и загадочные, пешки (в том числе проходные), конь, ладья, слон, ферзь (королева), король. Ср.: На левом фланге в сильной позиции стоит черный король — Г. Зюганов. По мнению шахматных аналитиков, его шансы по сравнению с прошлыми выборами даже усиливаются. Но тяжесть политического веса (по оценкам ВЦИОМ, до 28–30% голосов) может ему повредить. Белые могут счесть его слишком опасным и начнут

сбивать позиционное преимущество жесткими атаками в центре и с флангов. Уже отняли телевизор. Могут подпортить имидж.

Разнообразен фрейм «Действия фигур»: так, ферзь Б. Грызлов может свободно двигаться по политическому и силовому полю, он быстро научился ходить по диагонали и прыгать через голову; испытанный боевой конь В. Жириновский искусно использует ход буквой «г», ладьи С. Шойгу и Ю. Лужкова можно запереть своими же пешками и др.

В тексте статьи метафорически представлены и фазы игры (дебют, миттельшпиль, эндшпиль). Ср.: *Ближе к эндшпилю будет интересно наблюдать, какую комбинацию разыграет А. Чубайс, рискнувший встать на фланге СПС. На позолоченные доспехи денег у него, конечно, хватит. Но не рухнет ли под его тяжелой фигурой СПС-овская кобылка? Ведь это все равно что на коня посадить слона.*

3) показательно, что шахматные метафоры используются в различных частях текста: во вводной части, в каждом из трех фрагментов статьи, в начале и конце публикации, обеспечивая тем самым целостность и связность текста.

4) легко заметить, что шахматные метафоры используются во всех сильных позициях публикации:

- Метафорический образ игры в шахматы, заявленный в заголовке статьи (*Ферзи и пешки кремлевских шахмат*), требует дальнейшего развития, и автор последовательно развертывает метафорическую модель в подзаголовках статьи. Ср.: *Позиции белых, Черные и другие, Особенности русского эндшпиля.*

- Автор прибегает к использованию игровой метафоры в абсолютном начале статьи. Ср.: *В конце прошлой недели, подписав указ о начале предвыборной кампании, президент сделал первый ход: е2 — е4.* Подводя итог предвыборной партии, заканчивает публикацию также шахматной метафорой. Ср.: *Это один из вариантов развития событий. Но они могут пойти и по другому пути.*

- Журналист активно употребляет метафоры доминантной модели в начале и конце каждого фрагмента статьи. Например, фрагмент «Черные и другие» начинается и завершается следующим образом. Ср.: *На левом фланге в сильной позиции стоит черный король — Г. Зюганов. По мнению шахматных аналитиков, его шансы по сравнению с прошлыми выборами даже усиливаются... А что же черные пешки? К проходным можно отнести Н. Харитонову и Н. Кондратенко. Всегда го-*

тов к бою и Н. Губенко. Не менее ценен и остальной пешечный отряд: Анпилов, Шандыбин, Тюлькин, Астраханкина, Драпеко.

- Метафорически используются понятия из ментального поля-источника «Шахматы» в начале всех абзацев и в конце практически каждого абзаца публикации (в 14 из 21). Ср.: *Лидер ЛДПР В. Жириновский делает вид, что он независимая шахматная фигура. Однако анализ предыдущих партий показывает, что в решающие моменты игры (умело поторговавшись) он играет за белых. Он неплохо подготовился к партии и может получить на 3–4% голосов больше, чем в ходе прошлых выборов. Ферзем ему, конечно, никогда не стать. Но это испытанный боевой конь, искусно использующий ход буквой «г». В новом составе Госдумы он будет успешно гарцевать в виду свиты белого короля.*

Помимо этого, метафоры данной модели используются в 15 графически выделенных фрагментах в основном тексте статьи. Ср.: *Сильная фигура у белых – Б. Грызлов... А В. Путину — белому королю — обеспечили сильную игру с достаточно предсказуемым эндшпилем... За белых играет и спикер Совета Федерации С. Миронов. По статусному весу он мог бы претендовать на слона (третье лицо в государстве, имеющее выход на белого короля).*

Использование игровых метафор в сильных позициях, а также их шрифтовые выделения, которые нацелены на усиление негативных коннотаций и ассоциаций, возникающих у читателя при знакомстве с публикацией, усиливают значимость шахматной метафористики для текста в целом и являются удачным способом привлечения внимания адресата.

5) В своей публикации журналист использует не только стандартные, но и яркие, индивидуально-авторские образы. Ср.: *марксистско-ленинская шахматная теория, мантия черного ферзя, одномандатные пешки, которых можно продать по цене коней, пешечная шестерка, телевизионный слон* и др.

В рассматриваемой статье можно обнаружить элементы других метафорических моделей: зооморфной, феодальной, военной, однако они не могут претендовать на роль доминантной метафоры, имеющей особый вес в данном тексте. Употребление названных метафорических моделей обусловлено тем, что все они так или иначе отвечают специфике игры в шахматы: зооморфная и феодальная метафоры получают свое развитие в связи с названием шахматных фигур, военная метафора относится к числу смежных моделей. Поэтому эпизо-

дическое использование названных моделей, на наш взгляд, не ослабляет, а усиливает роль игровой метафоры.

Акцентированию доминантной метафоры также способствует использование разнообразных стилистических фигур. Автор активно применяет антитезу, противопоставляя белого короля В. Путина – черному Г. Зюганову, белого ферзя Б. Грызлова – претендующим на право называться ферзем черных С. Глазьева и Б. Березовского, белые лады С. Шойгу и Ю. Лужкова – черным В. Купцову и А. Лукьянову. Показательно, что первые два фрагмента статьи «Позиция белых» и «Черные и другие» одинаково структурированы: журналист представляет расклад политических сил, начиная с описания позиционных преимуществ сильных фигур (короля, ферзя, лады, коня, слона) и заканчивая описанием пешечных отрядов.

В рассматриваемом тексте находят широкое применение и другие стилистические фигуры, в том числе:

- риторические вопросы. Ср.: *Предвыборная шахматная партия началась. Кто в ней будет (прибегая к шахматной терминологии) ферзями, слонами и пешками? Как будет проходить дебют? Что произойдет в эндшпиле?*

- риторические восклицания. Ср.: *За белых играет и спикер Совета Федерации С. Миронов. По статусному весу он мог бы претендовать на слона (третье лицо в государстве, имеющее выход на белого короля). Но! К началу шахматной партии эта фигура оказалась сильно ослабленной.*

- риторический диалог. Ср.: *Несмотря на старую розовую окраску, фактически за белых играет и спикер Госдумы Г. Селезнев... Конечно, сам Селезнев в Госдуму пройдет. А вот займет ли кресло спикера? Пока он еще выглядит слоном.*

- парцелляция. Ср.: *Белые могут счесть его (черного короля Г. Зюганова) слишком опасным и начнут сбивать позиционное преимущество жесткими атаками в центре и с флангов. Уже отняли телевизор. Могут подпортить имидж.*

- инверсия. Ср.: *Очень хотел бы примерить мантию черного ферзя и старый шахматист Б. Березовский.*

Имитируя устную разговорную речь, автор статьи создает доверительную атмосферу, вовлекает читателя в процесс общения, побуждает его самого найти ответы на поставленные вопросы и одновременно убеждает в единственно правильной точке зрения, своей собственной.

Автор постоянно прибегает также к использованию элементов языковой игры. Под языковой игрой могут пониматься все

явления такого рода, «когда говорящий “играет” с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов» [Земская, Китайгородская, Розанова, 1983: 174]. Автор «играет» образами, превращая шахматного короля во властелина настоящего королевства с собственной свитой (игровая метафора становится феодальной), а шахматных коней в рысаков (игровая метафора становится зооморфной). Ср.: *На белом фланге, разумеется, «Яблоко» и Союз правых сил. Г. Явлинский и Б. Немцов — опытные игроки. В предыдущих партиях их причисляли к тяжелым фигурам. Но в последние три года они только теряли пешки. Их спасает то, что олигархи все еще покупают им информационные доспехи и нанимают опытных PR-тренеров. Если считать по рейтингу (5–7%), они почти уже пешие. Но король белых наверняка захочет, чтобы в его свите были известные на Западе рыцари с красивыми перьями на шлемах. Им, скорее всего, подарят коней из кремлевской конюшни. Немцову — каурую кобылу, Явлинскому — рысака в яблоках. На них они и смогут въехать в Госдуму. Но на чужих конях скакать неудобно. Партия «Яблоко» метафорически моделируется как рысак в яблоках, а СПС — как каурая кобыла, лидеры партий предстают в качестве всадников, рыцарей с красивыми перьями на шляпах.*

Ведущим принципом реализации языковой игры в постмодернистской публицистике становится высокая степень интертекстуальности произведения. В рассматриваемом тексте В. Костиков последовательно обращается к ресурсам интертекстуальности. Присущее постмодернистскому тексту «обнажение интертекста» проиллюстрировано в данной статье на уровне прецедентных текстов, прецедентных событий, прецедентных имен и прецедентных высказываний:

1) Моделируя политическое будущее, автор обращается к хорошо известной каждому носителю русского языка сказке П. Ершова «Конек-горбунок». Говоря о нежелании политиков оставаться пешками на политическом поле, он сравнивает их стремление казаться чем-то большим с мечтой конька «ростом только в три вершка, на спине с двумя горбами да с аршинными ушами» превратиться в настоящего шахматного коня. Ср.: *По обе стороны доски много фигур, которые будут топтать копытами, трубить хоботом, махать хвостом. То есть делать вид, что они не пешки, а слоны, кони или, на худой конец, коньки-*

горбунки. Обновляя и приумножая смысл сказанного, прецедентный текст передает читателю авторскую иронию.

2) В рассматриваемом тексте представлены разнообразные прецедентные события: освещение государственными телеканалами предвыборной кампании коммунистов, психологический террор против КПРФ, предоставление меньшего времени в телеэфире. Ср.: *Белые могут счесть его слишком опасным и начнут сбивать позиционное преимущество жесткими атаками в центре и с флангов. Уже отняли телевизор. Могут подпортить имидж (о Г. Зюганове)*. Автор возвращает внимание читателя к ситуации в Чечне, принимаемым правительством мерам, которые касаются поддержания правопорядка, усиления оперативной и профилактической работы при подготовке к предстоящим выборам в республике. Ср.: *Кроме того, на него возложена ответственность заходы на чеченском фланге. А там развивается не слишком выигрышный миттельшпиль (о Б. Грызлове)*. Журналист выстраивает ассоциативные цепочки: шахматный белый король становится российским императором, во владениях которого устраивают настоящую царскую охоту на породистых скакунах с борзыми собаками и охотничьими рожками, зайцами в ней выступают одномандатники. Ср.: *Особую ценность в будущей Госдуме будут иметь одномандатники... Именно их голоса будут давать перевес той или иной стороне. За ними развернется настоящая царская охота*. Помимо негативно-оценочных коннотаций апелляции к прецедентным событиям имеют эмоциональное и экспрессивное значение, отражающее ироничное отношение автора к миру политики, его прошлому, настоящему и будущему.

3) В статье многочисленны имена политических лидеров (В. Путин, Б. Грызлов, С. Миронов, Г. Селезнев и др.), партий («Единая Россия», «Яблоко», ЛДПР, КПРФ, «Союз правых сил» и др.), упоминается операция «Оборотни». Ср.: *Сильная фигура у белых — Б. Грызлов. Это ферзь. С огромным административно-милицейским ресурсом и возможностью свободно двигаться по политическому и силовому полю. Но в случае неудачи комбинации под названием «Оборотни» ферзем могут пожертвовать*. Прецедентное имя – «Оборотни» – актуализирует свой негативно-ассоциативный потенциал, связанный с прецедентным событием: к заявлению Б. Грызлова о поимке в Москве «милиционеров-оборотней» СМИ отнеслись с нескрываемым подозрением, расценив действия Грызлова как категорический пиар партии власти. Превращение в глазах общественности

серьезной спецоперации в пиаровский ход перед парламентскими выборами может иметь негативные последствия как для «Единой России», так и для ее лидера, поэтому в случае провала операции *ферзем могут пожертвовать*.

4) Важный прием использования прецедентных высказываний – это их формальные и структурные трансформации. Сохраняя характерные внешние признаки прецедентного высказывания, автор изменяет семантику «чужого текста», наполняет его новыми смысловыми оттенками: трансформации фраз сопровождаются выражением негативной оценки и иронии автора. Ср.: *Особенности русского эндишпиля* (прототекст: Особенности национальной охоты); *А если в пристяжные он (Б. Березовский) прикупит телевизионного слона С. Доренко, то посуды в политической лавке они набьют немерено. Хорошо, если в своей* (прототекст: Как слон в посудной лавке); *Иные одномандатные пешки будут идти по цене коней. Но их зубы все равно будут оценивать кремлевские гроссмейстеры* (прототекст: Дареному коню в зубы не смотрят); *Но они могут пойти и по другому пути* (прототекст: Мы пойдем другим путем).

5) Автор активно использует интерстилевое тонирование текста: наряду с шахматными терминами (названия фигур, позиций, ходов, фаз игры), нейтральной и книжной лексикой (*политическая стабильность, административный и информационный ресурс, статусный вес, смертельный цейтнот, сеять справедливость, эффективность исполнительной власти*) употребляются жаргонные и разговорные слова и выражения (*политическая поляна, оттянуть, кобылка, немерено, косить под народ, прикупить, без вывертов*). Смещение стилевых систем относится к тем приемам выразительности, которые способствуют выдвижению на первый план прагматически значимой негативно-оценочной информации.

Перечисленные выше способы акцентирования метафоры используются в тексте не изолированно, а в тесном взаимодействии друг с другом: на относительно небольшом отрезке текста употребляются разнообразные стилистические средства, выполняющие одну функцию – иронически утрированное представление будущего. Ср.: *Предполагалось, что за черных ферзем, а по-простому — королевой, будет играть С. Глазьев. Его всячески обхаживали при дворе КПРФ. Но у него так быстро начала лосниться кожа, что там испугались: не обскакал бы на повороте! И ему отказали в партийной пайке. А тут еще из белого королевства обещали, что дадут настоящего*

кремлевского балычка. Во всяком случае, ходить по диагонали и прыгать через голову он научился быстро. Вырастет ли из него со временем новый король, угадать трудно. Зависит от корма.

В анализируемом отрывке помимо шахматных метафор (*черным ферзем будет играть, королева, король, ходить по диагонали*), встречаются феодальные (*белое королевство, новый король, при дворе*) и зооморфные метафорические номинации (*не обскакал бы, зависит от корма*). Показательно, что роль доминантной для данной статьи шахматной метафорики усиливается благодаря использованию метафор данной модели в сильных позициях текста: в начале и конце абзаца, а также во всех графически выделенных фрагментах отрывка.

Акцентированию метафоры очень способствует использование прецедентных феноменов. Автор косвенно апеллирует к конфликтной ситуации, которая сложилась вокруг КПРФ и НПСР накануне выборов в Госдуму: С. Глазьева действительно *обхаживали при дворе КПРФ*, подняли до уровня оппозиционного политика общенационального масштаба, обещали почетное место в избирательных списках, но поддавшись на «уговоры» власти, желая отведать *кремлевского балычка*, он создал параллельное избирательное объединение, патриотический блок «Родина», преследовавший цель отобрать часть голосов у КПРФ, *ходить по диагонали и прыгать через голову* (повидимому, Г. Зюганова) *он научился быстро*. Партийный паек также является своего рода знаком прецедентной ситуации, символом советской эпохи, когда КПСС была своеобразной кастой, членство в которой гарантировало определенные льготы. Каждое время диктовало свои привилегии, к примеру, в голодные послевоенные годы это был продуктовый паек. В рассматриваемом фрагменте активно применяются средства экспрессивного синтаксиса: восклицание, парцелляция, инверсия.

Журналист пишет статью для достижения вполне определенной, запланированной цели и полагает, что посредством текста он может регулировать поведение читателя, воздействовать на него. Благодаря конвергенции стилистических приемов (широкой метафоризации высказывания, использованию доминантной модели в сильной позиции текста, апелляциям к негативно воспринимаемым прецедентным образам, употреблению риторических фигур и графических акцентов) образы будущего и прошлого в данном отрывке манифестируются в ироническом ключе. Между ними прослеживается четкая логическая связь:

причины негативных прогнозов на будущее политика и страны в целом следует искать в их прошлом.

Все перечисленные выше способы акцентирования метафоры не только усиливают ее эстетическую значимость для статьи в целом, но и являются средством обеспечения цельности и связности текста. Будущее в публикации репрезентируется как шахматная партия с весьма предсказуемым эндшпилем. Использование доминантной игровой метафоры позволяет объяснить, как на одном поле и по одним правилам начинают действовать участники, разительно друг на друга непохожие. Игровая метафора структурирует целостную картину электорального поведения в сознании коммуникантов, образность анализируемой метафоры делает ее весьма удобным и привлекательным инструментом коммуникации. Автор с легкостью и иронией доносит до адресата свое отношение к обсуждаемой проблеме, делится с ним своими мыслями, ведет с ним диалог, незаметно склоняя его на свою сторону.

Таким образом, проанализированный материал дает нам возможность утверждать, что для политического дискурса федеральных выборов России (2003г.) характерно использование доминирующих метафорических моделей «ПОЛИТИКА – ЭТО СПОРТ» и «ПОЛИТИКА – ЭТО ИГРА», применяемых для моделирования образов прошлого, настоящего и будущего. Актуальность спортивной и игровой метафор связана с тематикой соперничества, конкуренции, именно это объединяет политический дискурс со спортивно-игровым, и поэтому указанное понятийное поле часто выступает источником для осмысления прошлого, настоящего и будущего мира политики и самой страны. Разнообразные способы акцентирования метафоры (использование метафоры в сильных позициях текста, привлечение ресурсов интертекстуальности, применение риторических фигур, интерстилевое тонирование) усиливают ее эстетическую и прагматическую значимость: делают сообщение более образным и ярким и влияют на восприятие текста адресатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом? // Человек. 1997. № 6. С. 108-118.
2. Земская Е. А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 2000. С. 19-25.
3. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
4. Какорина Е.В. Стилистический облик оппозиционной

прессы // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 2000.

5. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология, 01. № 6.

6. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. - Вильнюс, 1995.

7. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980. Вып. 13.

8. Миронова П. О. Стратегия редукционизма в политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект: Дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2003.

9. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004.

10. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). Екатеринбург, 2003.

11. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры. Е-бург, 2003.

© Солопова О.А., 2005

**Сурина А.В.
Нижний Тагил**

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ САМООЦЕНКА В МЕМУАРАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

В современном политическом дискурсе метафора выступает как важное средство оценки людей и событий (Дж. Лакофф, А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Э.Р. Лассан, Т.Г. Скребцова, А.П. Чудинов и др.). Специалисты отмечают, что отбор метафор и их функции в значительной степени зависят от жанра политической коммуникации и дискурсивных характеристик текста. Объектом нашего исследования стала метафора самооценки в современных политических мемуарах. При исследовании подобных образов можно выявить характерные черты людей, от которых непосредственно зависело принятие решений большой государственной и общественной важности. Это, в свою очередь, позволяет более четко представить закономерности развития политической жизни, представить ее более объемной и более приближенной к историческим реалиям.

Специфика самооценки автора в политических воспоминаниях интересна своей неоднозначностью. С одной стороны, жанр мемуаров предполагает предельную искренность и объективность при оценке фактов, событий, а с другой – интенции авторов-политиков нередко осложняют правдивое представление

читателям своих личностных качеств. Рассматривая воспоминания политика как прием завоевания или удержания своей позиции, можно предположить, что автор создает искусственный автопортрет, включая характеристики, которые от него ожидают и которые положительно скажутся на его рейтинге. Выделяют несколько основных потребностей, мотивирующих такое поведение политических лидеров:

- потребность во власти;
- тесно связанная с потребностью во власти потребность в контроле над событиями и людьми;
- потребность в достижениях различного характера;
- потребность в аффилиации, то есть в принадлежности к какой-то группе и получении одобрения» [Гозман, Шестопад, 2002: 596].

Некоторые исследователи автобиографической прозы отмечают, что «мемуары пишут в двух случаях: когда у мемуаристов появляется острая потребность покаяться в своих грехах и проступках, а также когда им хочется превознести самих себя, преувеличить собственные заслуги, а заодно и преуменьшить роль других участников описываемых событий и отдельных эпизодов» [Искендеров, 1999: 97]. В настоящее время это наблюдение особенно справедливо именно по отношению воспоминаниям политиков, где в большинстве случаев моменты «исповедальности» и «самовознесения» соединяются.

В современной России вопреки традициям мемуарного жанра за перо берутся не только отошедшие от политических дел государственные чиновники, но и действующие политики. Это объясняется тем, что написание воспоминаний о событиях недавнего времени часто может повлиять на положение автора в политическом пространстве сегодня. Создание политических мемуаров рассчитано на традиционное восприятие такого рода произведений, оно происходит как бы в двух планах: читатель следит за событиями, но одновременно – через авторское воздействие – проникается новым для себя настроением, заражается мироощущением автора. В итоге, сближение политического лидера и читателя обуславливает формирование определенного устойчивого отношения потенциального избирателя к политике. Еще одно интересное, на наш взгляд, замечание сделано И.М. Василевским еще в 1923 году, но оно интересно некоторыми параллелями с современной ситуацией: «В старые времена на писании мемуаров специализировались главным образом обиженные отставные сановники. В нашу эпоху – в отставке, без

мундира и пенсии – оказались целые толпы. Удивляться ли, что так изумительно велико с каждым днем растущее количество мемуаров» [Василевский, 1999: 97]. И в наше время можно встретить немало политических мемуаров, написанных «обиженными» политиками, например: мемуары Ю. Скуратова, А. Собчака и др.

Материалом для нашей работы послужили несколько автобиографических произведений современных политиков: воспоминания Б.Н. Ельцина («Исповедь на заданную тему», «Записки президента», «Президентский марафон»), Б. Немцова («Провинциал»), А. Лебеда («За державу обидно») и Ю. Скуратова («Вариант дракона»). Отбор именно этих воспоминаний продиктован их «разнохарактерностью», что также отразилось на использовании метафоры.

Опираясь на отобранные нами политические мемуары, можно выделить несколько типов личности политиков. Например, в трех автобиографических произведениях Б.Н. Ельцина целенаправленно создается образ борца за справедливость, за независимость, за установление демократии. В некоторых случаях автор признает свои ошибки, но тут же пытается оправдаться в глазах потенциальных избирателей. В итоге мы получаем образ, построенный на тщательно отобранных фактах биографии и на бравурно звучащих описаниях бесконечных заслуг первого российского президента. Достижению этой цели в немалой степени способствуют метафоры, которые постоянно акцентируют героический образ президента.

Нетрудно заметить, что во всех трех книгах Бориса Ельцина всегда присутствует «враг» в разных обликах: сначала автор борется с коммунистической бюрократией, а став главой государства, Ельцин сражается с «постоянно третирующей» его оппозицией. В первой своей книге автор использует следующую метафору: *«отмыться от грязи, которой меня облили, мне не удастся»* [Исповедь на заданную тему: 210]. Затем перед нами возникает метафорический образ Ельцина в виде прокаженного (*«Кто-то из старых знакомых трусливо отводил глаза, чтобы случайно не замазаться о «прокаженного»»*) [Исповедь на заданную тему: 194]. Метафорический ряд логично продолжает следующий образ: *«Много было любопытных, которым просто хотелось на меня посмотреть, от этих взглядов меня всего коробило, я чувствовал себя почти что слоном в зоопарке.»* [Исповедь на заданную тему: 194] Все три метафоры помогают автору создать образ непонятого и непринятого этим обществом

человека, что рассчитано на проявление традиционной национальной черты – сочувствия народному «одинокому правдоискателю».

В последующих двух книгах продолжается развертывание уже созданного Ельциным образа честного политика со сложной судьбой: *«я машина для принятия решений, но эта машина должна думать и чувствовать, должна воспринимать мир во всех его взаимосвязях. Это должна быть живая машина»* [Президентский марафон: 180], (после выборов) *«я чувствую себя бегуном, который пробежал супермарафон»* [Президентский марафон: 420]. Образ политика, возникающий в этих мемуарах, отвечает цели написания большинства политических воспоминаний на современном этапе – созданию благоприятного «политико-идеологического портрета», при составлении которого наиболее целесообразно использовать метод аналитической интерпретации биографических данных, контактов, связей, а также иных форм политической активности лидера» [Рыскова, 2002: 26]. В своих мемуарах Б.Н. Ельцин с помощью определенных метафорических образов создает представление о себе, как о Я-идеальном, портреты лишены каких-либо отрицательных черт, а подчинены идее политического самоутверждения, что позволяет отнести его к политическим лидерам с завышенной самооценкой. Характеризуя политика с таким видом самооценки, отмечают, что они, «переоценивая собственные качества политика и главнокомандующего, зачастую не замечают всеобщей и внутренней реакции на свой курс на международной арене или ревностно защищают свою позицию. Здесь можно говорить о нарушении обратной связи между последствиями политического действия и субъектом» [Гозман, Шестопал, 2002: 595].

Исследователи политико-психологического портрета Б.Н. Ельцина относят его к правителям России, «мыслящим жестко, склонным упрощать действительность, проявляющим нетерпимость к противоположным точкам зрения, не приемлющим альтернативных форм и путей развития общества, настаивающим исключительно на собственном видении общественного устройства, у них почти полностью отсутствует самокритичность, признание собственных ошибок» [Крамник, 2000: 81]. Оценивая реальную роль первого российского президента, В.В. Крамник также отметил, что Ельцин прошел привычный в России «харизматический круг», когда массы сначала верят в правоту и всемогущество нового политического лидера, возлагают на него несбыточные надежды, во многом возбуждаемые им самим, а

потом неизбежно разочаровываются в нем [Крамник, 2000: 79].

Следующий тип самооценки политика представлен в мемуарах Ю. Скуратова «Вариант дракона». Главная цель этой книги – реабилитироваться в глазах общественности. В своих воспоминаниях бывший Генеральный прокурор пытается отрицать свое присутствие на скандально известной видеопленке. Мемуары написаны очень эмоционально, часто автор сбивается на просторечные и бранные выражения. Здесь мы встречаем множество метафор самооценки, которые подчеркивают несправедливость обвинений в адрес бывшего прокурора страны. С их помощью автор пытается вызвать сочувствие, сопереживание у читателя. Среди метафор самооценки преобладают метафорические сочетания со значением физического воздействия на автора-политика. Например, «...мне казалось, что меня хотят подловить, поставить подножку, свалить на землю...» [Вариант дракона: 118], «...самые чувствительные удары мне были нанесены из-за «Мабетекса» [167], «Как только мне окончательно отобьют руки, ...так эти дела быстренько спустят на тормозах» [172], «Идея ...выломать мне руку...принадлежала Чубайсу» [188].

В тексте рассматриваемых мемуаров наиболее активны игровые и спортивные метафоры, подчеркивающие несправедливость и жесткость мер, принятых против Скуратова: «Игру со мной кремлевские моралисты повели без правил» [176], «Меня пытались шантажировать, повели со мной недостойную игру, и мне ...надлежало в эту игру вступить» [176], «Кремлевские стратеги слишком поздно поняли, что допустили ошибку, дав мне своеобразный «тайм-аут» [175], «если уж судьба отвела мне возможность сыграть два тайма, весь матч целиком, то оба тайма и надо играть, а потом еще и вышибать дополнительное время. И я эти таймы сыграю, чего бы это мне ни стоило» [138] Часто автор обрисовывает ситуацию, в которую он попал, как охоту, где он – загнанное в угол животное: «В этой травле, которая была организована против меня, я защищался, защищался средствами, дозволенными законом» [3], «...никакой милицкий генерал не посмеет меня выкурить отсюда» [186].

Обратившись к соотношению «стертых» и «свежих» метафор, можно заметить, что мемуарист постоянно обращается к стандартным метафорическим сочетаниям: «находиться под колпаком» [174], «смешать с грязью» [159], «загнанный в угол», «находиться в подвешенном состоянии» [289] и т.д. По-

добные метафоры делают создаваемый образ более понятным для читателя. Есть несколько случаев, когда автор использует индивидуальные метафоры или создает развернутые модели: *«нужно драться, невзирая на каток государственной машины, что набирая обороты, крушил, давил все попадающееся на его пути и грозил размять меня»* [177], *«они открыли шлюз и пустили поток грязи на меня»* [159], *«я всякий раз попадаю в вилку: с одной стороны, я не могу говорить неправды, а с другой – не могу говорить правду...»* [281].

Исследуя общий метафорический фон в современной политической автобиографии (и, в частности, метафоры самооценки), можно заметить следующую тенденцию: количественный состав метафорических обозначений напрямую зависит от типа личности автора и той цели, которой он пытается достичь, создавая свои воспоминания. На примере текстов двух мемуаристов (Ельцина и Скуратова) можно выявить достаточно активное обращение к метафорам, которые в большинстве своем очень экспрессивны. Использование этих метафор подчинено основной задаче мемуаров, яркие образы помогают охарактеризовать политическую ситуацию, своих союзников и соперников, а также представить собственную позицию.

Обращение к метафорам помогает нам понять специфику самооценки политического лидера. Напр., для А. Лебедея характерны метафоры, акцентирующие незначительность своей роли в происходящих событиях: *«ты снова ощущаешь себя молодым и вислоухим щенком»* [За державу обидно: 125], *«Я тогда ощутил впервые, что я не человек, а винтик... Годен – ввернут в какую-нибудь дыру, не годен – выбросят.»* [166], *«Все мы [на параде]... явили собой нечто вроде заводной игрушки, завели, пустили, хочешь – не хочешь, катись»* [277]. Вместе с тем автор стремится представить себя в роли сильной, самостоятельной личности: *«В марионетки я не гожусь...»* [309].

В мемуарах Б. Немцова немногочисленные метафоры достаточно объективно передают иную самооценку: автор представляет как человек, знающий себе цену, несклонны ни к недооценке, ни к возвеличиванию собственной значимости в окружавших политических условиях. Ср.: *«Я – песчинка, может быть, не самая мелкая, какие есть в этом океане предопределенности, но все-таки – песчинка. Она может как-то сопротивляться в деталях, но глобально не может изменять жизнь и судьбу»* [9].

Надо отметить, что большинство выявленных нами метафор являются оценочно-экспрессивными, часто обладают заря-

дом агрессии, выражает негативные эмоции. Метафоры самооценки помогают более точно представить ту роль, которую определяет для себя политик, но при оценке этих метафор следует учитывать, что истинный характер автора может значительно отличаться от того, каким он себя стремится представить.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Ельцин Б.Н. Записки президента.
2. Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему.
3. Ельцин Б.Н. Президентский марафон.
4. Лебедь А. За державу обидно.
5. Немцов Б. Провинциал.
6. Скуратов Ю. Вариант дракона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М., 1991
 2. Василевский И.М. Белые мемуары. М. 1923
 3. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград, 1997.
 4. Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Психология политического лидерства // Психология и психоанализ власти. Т.1, М., 2002
 5. В.В. Крамник Ельцин: политико-психологический профиль // Политический имидж: «секреты» манипуляции массовым сознанием. – СПб., 2000.
 6. Рыскова Т.М. Политический портрет лидера: вопросы типологии // Психология и психоанализ власти. Т. 2, М., 2002.
- © Сурина А.В., 2005

Шаова О.А.
Екатеринбург

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ**

Неотъемлемую часть образа России на страницах французских СМИ составляет внешнеполитическая позиция нашей страны. Зачастую зарубежные журналисты рассматривают происходящие внутриполитические события как обстоятельства, формирующие внешнюю политику нашего государства. Однако акцентируют внимание французские газеты прежде всего на месте России в системе международных отношений, на тех российских геополитических приоритетах, которые представляют интерес, в первую очередь, для Европы: развитие отношений, с одной стороны, между Россией и США, с другой стороны, между Россией и Европой.

Т.Г. Скребцова, изучая метафоры современного российско-

го внешнеполитического дискурса, отводит ведущую роль метафоре «Государство-как-человек» (2002). Использование во французском дискурсе масс-медиа концептуальных метафор, восходящих к единой метафорической модели **РОССИЯ – это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ**, вносит свои коррективы в оценку внешнеполитической стратегии нашей страны.

Присущее человеку антропоморфное виденье мира объясняет факт концептуального представления о государстве как о живом существе, обладающем свойствами и характеристиками, чувствами и мышлением человека. Как писал в свое время О. Шпенглер, каждое государство «проходит через все возрастные стадии отдельного человека. Каждое имеет своё детство, свою юность, свою зрелость и свою старость» [Шпенглер, 2000: 144]. Рассматриваемые в данном исследовании метафоры представляют нашу страну как вполне взрослого, уверенного в себе человека, у которого, однако, есть множество проблем. Ср.: *La Russie a un pied en Europe, un pied en Amérique et enjambe l'Asie* (Н., 16.08.99). [*Россия стоит одной ногой в Европе, другой в Америке и перешагивает через Азию*]; *Une Russie est déjà au bord de la tombe* (М., 08.04.00). [*Россия уже на краю могилы*]; *Le retour de la Russie dans le club des grands exportateurs d'armes dans le monde* (М., 05.02.01). [*Возвращение России в клуб мировых экспортёров оружия*]; *La Russie s'enorgueillissait d'une stabilité politique sans précédent* (М., 28.07.03). [*Россия гордится невиданной политической стабильностью*]; *La Russie, trop longtemps humiliée depuis la fin de l'URSS, s'est enfin bien défendue sur la scène internationale* (М., 09.12.03). [*Униженная с момента развала СССР, Россия сумела, наконец, защитить себя на международной арене*]; *La Russie tenaillée par des problèmes* (Л., 09.02.04). [*Россия, терзаемая проблемами*].

Рассматривая отношения между странами сквозь призму данной метафорической модели, французские СМИ, тем самым, невольно задают общую установку «повествования» о позиции России на международной арене. Персонификация России обуславливает особую категоризацию данного фрагмента действительности. Носителями французского языка отношения между странами воспринимаются как отношения между людьми. У России оказываются свои друзья и враги, с которыми она мирится, ссорится, кокетничает, торгуется, ведёт свою игру. Ср.:

L'OPEP a décidé qu'elle ne pouvait pas accepter cette nouvelle érosion et "la Russie a été désignée comme le principal coupable" parmi les pays non membres. Le cartel n'a en effet pas pardonné à

*la Russie d'avoir promis d'abaisser sa production, avant en fait de l'augmenter (М., 16.11.01). [ОПЕК решил, что не сможет перенести нового падения цен. Среди стран не членов картеля «Россия была названа главной виновницей». Картель так и не простил России, что она увеличила производство нефти, пообещав до этого его уменьшить]; Et les analystes expliquent que la Russie a davantage **intérêt à jouer** le volume des ventes, plutôt que le contrôle des prix (L., 23.11.02). [Аналитики объясняют, что России интереснее сыграть на объёме продаж, чем контролировать цены на нефть].*

При метафорическом переосмыслении лексика, обозначающая физиологию человека, характеризует особенности взаимодействия государств: к деятельности общественных образований, как и к деятельности человека, оказываются применимы такие нравственные ценности, как мораль, совесть, этика. Таким образом, в сознании французского адресата-читателя нравственная оценка становится регулятором и ориентиром в действиях государств.

К взаимоотношениям России и Америки, России и Европы французские средства массовой информации постоянно применяют концептуальную метафору внутрисемейных, дружественных отношений, что, по мнению А.П. Чудинова, низводит общепризнанные в цивилизованном мире принципы, законы межгосударственных отношений (невмешательство во внутренние дела, выполнение решений международных организаций, уважение прав человека и др.) до традиционных представлений о том, как должны поступать родственники (друзья) в тех или иных ситуациях [Чудинов, 2003: 209].

Метафорические модели **РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ** и **РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ** восходят к единой объединяющей их модели **ГОСУДАРСТВО (СТРАНА) – это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ**. Однако детальная структурированность и продуктивность этих моделей в дискурсе масс-медиа Франции позволяет рассматривать их в качестве самостоятельных образований, обладающих собственной фреймовой структурой.

Взаимоотношения России и Америки всегда были в центре внимания французской прессы, поскольку напряжённость ситуации между двумя странами даёт достаточно оснований для экспрессивности и оценки. Приход к власти В. Путина изменил «политическую ориентацию» России, её роль на международной арене и, как следствие, привёл к смене метафорической пара-

дигмы. Доминирующая последние десятилетия категориальная сетка, в рамках которой отношения США и России метафорически переосмысливались в терминах войны, начинает разрушаться. Милитарная метафора (au stade actuel de la guerre froide [на данном этапе холодной войны], un retour à la guerre froide [возвращение к холодной войне], les militaires russes, vaincus de la guerre froide [российские военные, побеждённые в холодной войне]), анализируемая в рамках метафорической модели **РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это ВОЙНА**, используется на страницах французских газет скорее для характеристики прошлого, нежели настоящего в отношениях России и Америки. Ср.: *Pour l'administration américaine, tourner la page de la guerre froide signifie aussi que le temps de la relation particulière entre les "deux grands", fondée sur leur capacité militaire, est révolu.* (М., 14.11.01) [*Для американской администрации перевернуть страницу холодной войны означает, что прошли времена, когда отношения между двумя державами строились на их военном потенциале*]; *Ce traité liquidera l'héritage de la guerre froide* (М., 14.05.02) [*Этот договор покончит с наследием холодной войны*]; *La «guerre froide» américano-soviétique est oubliée* (Л., 15.01.04). [*Американо-советская «холодная война» забываема*]; *Les Etats-Unis avaient réussi à se doter d'une nouvelle stratégie après la fin de la guerre froide* (Л., 30.10.04). [*После окончания холодной войны США удалось разработать новую стратегию*].

Более того, в современных французских газетных текстах военная метафора, употребляясь в контексте с игровой метафорой, теряет собственно милитарное значение, эксплицирующее сему «враждебности и агрессии», усиливающее конфронтационные смыслы. Ср.: *La Russie rejoue la guerre froide* (Н., 02.12.00). [*Россия вновь играет в холодную войну*]; *Washington et Moscou rejouent à la guerre froide* (Л., 17.03.01). [*Вашингтон и Москва решили вновь поиграть в холодную войну*].

Разрушив старую категориальную сетку, концептуальная метафора создаёт новую, коренным образом меняющую стандартное представление о сдержанности, напряженности и враждебности в отношениях между двумя странами. Таким образом, милитарная метафора уступает место метафоре супружеских отношений. Перестав бороться друг с другом, Россия и США стали активно налаживать «семейные» отношения. Во французском дискурсе масс-медиа метафорическая модель **РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТ-**

НОШЕНИЯ обладает следующей фреймово-слотовой структурой.

1.Фрейм: «Période prénuptiale» – «Предсвадебный период». Вступлению в брак и началу совместной жизни, как этапу в отношениях между мужчиной и женщиной, порождающему их права и обязанности друг к другу, как правило, предшествует период знакомства, ухаживания, налаживания отношений. Однако в концептуальной картине мира, создаваемой французскими периодическими изданиями, в отношениях между Россией и США отсутствует первоначальный этап знакомства, что, на наш взгляд, связано с тем фактом, что контакты между двумя странами в той или иной форме существуют уже длительное время, поэтому нет необходимости представлять их друг другу.

Слот 1.1. Rôles sociaux – Социальные роли

Активным началом, «женихом» выступает Америка (Буш), дающая щедрые посулы, соблазняющая и заманивающая «невесту» Россию (Путина). Данный слот активизирует в сознании адресата представления о сильном, подчиняющем мужском начале (Америка) и слабом женском (Россия). Ср.: *Le point de départ semble être que la Russie, affaiblie, ne doit pas être traitée vraiment d'égal à égal, comme l'était l'URSS, et qu'il n'est donc pas question de lui demander son assentiment pour des décisions qui sont dans l'intérêt supérieur de l'Amérique, et seront prises en tout état de cause* (Н., 17.07.02). [*За точку отчета берется тот факт, что с ослабленной Россией, в отличие от СССР, обра- щаются как с неравной, Америка не будет спрашивать у нее согласия для принятия тех или иных решений, они будут приняты в любом случае*]; *Les messages de sympathie à Vladimir Poutine de Colin Powell* (М., 30.12.02). [*Проявление доброжелательного отношения* (досл. симпатии) к Владимиру Путину со стороны госсекретаря США Колина Пауэла]; *Courtisé par Paris et Washington, Vladimir Poutine se réserve le choix ultime de son camp* (М., 25.02.03) [*Обольщённый Францией и США, В. Путин оставляет за собой право выбирать месторасположение лагерь*].

Помимо невербальных способов выражения доминирующего положения США (в тексте статей лексемы «Америка» и «США» при прямом наименовании почти всегда предшествует лексеме «Россия») пресса использует и вербальные средства (например, лексема «courtiser» (ухаживать) используется лишь в отношении к женщине), создавая в концептуальной картине мира адресата образ слабой, управляемой, легко соблазняемой

России-жены, образ, идущий вразрез с традиционным представлением мудрой России-матери (А.А. Вальков, Г. Гачев, Ф. Ницше).

Слот 1.2. *Relations pré-nuptiales* – Отношения до брака

Свойство слов и словосочетаний, заимствованных из разных семантических сфер, придавать сочетанию с другими лексическими единицами в рамках каждой новой метафорической номинации специфичный смысл, было нами выявлено при анализе данного слота. Входящая в него лексика, по сфере-источнику характеризующая межличностные отношения, вводится в метафорический контекст международных связей России и Америки.

Главы государств представляют свои страны на международной арене. Следовательно, отношения между лидерами держав проецируются на взаимоотношения между государствами. Французские газеты пристально наблюдают за выстраиванием отношений между Путиным и Бушем и отмечают нюансы развития «романа» России и Америки. Трения в российско-американских отношениях уступают место доброжелательным, доверительным, дружественным отношениям. Ср.: *La diplomatie américaine a **changé de ton*** (L., 14.03.01). [*Американская дипломатия сменила тон*]; *M. Bush et M. Poutine montrent leur volonté d'établir une **relation de "confiance"*** (M., 14.11.01). [*Буш и Путин изъявляют своё желание установить «доверительные» отношения*]; *Par une étrange évolution des choses, M. Bush dépend maintenant sur ce dossier de son "**ami**" Vladimir Poutine* (M., 06.06.02). [*По странному стечению обстоятельств в этом вопросе г-н Буш зависит в настоящее время от своего «друзья» Владимира Путина*]; *L'Amérique place la Russie, avec l'Union européenne, au premier rang de ses "**amis**". Et **pare** son président **de toutes les vertus*** (H., 01.12.02). [*Америка причисляет Россию вместе с Европейским Сообществом к своим друзьям и надеются президента России всеми добродетелями*]; *"**Bons amis**", les présidents américain et russe tentent de tourner la page irakienne* (M., 03.06.03). [*Путин и Буш, «хорошие друзья», пытаются восстановить добрые отношения после Ирака (досл. перевернуть иракскую страницу)*]; *Vladimir Poutine n'a pas caché **sa sympathie** pour George Bush, confirmant ainsi une vieille règle de la politique internationale: les Russes s'entendent généralement mieux avec les présidents républicains qu'avec les démocrates* (M., 08.09.04). [*Владимир Путин не скрывает своей симпатии к Джорджу Бушу, подтверждая тем самым правило*

международной политики: русские находят общий язык скорее с президентами-республиканцами, чем с демократами].

Сомнения в искренности такой дружбы французские газеты выражают путём использования нейтральной лексики с кавычками (*relation de "confiance"* («доверительные» отношения), *"ami"* («друг»), *"bons amis"* («хорошие друзья»)). Рассмотренные примеры показывают, что использование кавычек создаёт иронический эффект, так как семантика выделяемого кавычками слова (словосочетания) расходится с его прагматикой. Передаваемая иронией оценка является, как правило, отрицательной, поскольку «ирония предполагает критически-насмешливое отношение к описываемому явлению» [Ипполитова, 1988: 28]. Таким образом, основное направление используемых в данных контекстах кавычек – отрицательно-оценочное: они выделяют элементы чужого и чуждого в газетном тексте.

Со временем, как отмечают французские СМИ, отношения становятся фамиллярными, что находит отражение в языке: своего рода знаком неформальности, неофициальности становится использование разговорных синтаксических конструкций (нехарактерное для французского языка сочетание наречия с существительным), разговорной лексики (*type, genre de sorain* (парень)), неологизмов (прилагательное *«routinien»* (путинский)). Ср.: *Pour Bush, «Routine est un **type bien**»* (L., 26.02.04). [Для Буша «Путин – парень хоть куда»].

Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что на страницах французских газет субъектом действия в большинстве случаев выступают США, Россия же оказывается объектом их действий. Ср.: *Les Etats-Unis tentent d'accentuer la pression sur Moscou* (M., 14.03.01). [США пытаются усилить давление на Москву]; *De la part de l'administration américaine, cet adoubement de la Russie de Poutine est-il fondé sur un acte de foi, ou sur un calcul d'intérêts?* (M., 01.12.01). [Со стороны американской администрации посвящение России Путина в рыцари – акт доверия или корыстный расчёт?]; *Mais M. Bush ajoute ensuite que les Etats-Unis comptaient désormais "travailler" avec la Russie "pour faire cesser les combats et parvenir à un règlement politique en Tchétchénie"* (M., 25.05.02). [Затем г-н Буш добавил, что США рассчитывают «работать» с Россией, «чтобы прекратить боевые действия в Чечне и урегулировать конфликт политическими средствами»].

Анализ составляющих рассматриваемого слота показывает, что на страницах периодических изданий Франции Америка во-

площает сильное, деятельное, маскулинное начало, тогда как Россия, как правило, является пассивным исполнителем. При метафорической характеристике США французская пресса обращает внимание читателя на такие типично отрицательные качества мужчины, как грубость, авторитаризм, излишний рационализм; при характеристике России – на слабость и зависимость, традиционно приписываемые женщине [Котлова, Рябова 2002].

Слот 1.3. Galanterie – Ухаживание. Составляющие данный слот метафоры активно функционируют в дискурсе масс-медиа Франции и обладают высоким эмотивным потенциалом. Действия лидеров государств представлены понятиями, относящимися к любовной источниковой сфере.

Ухаживание как часть подготовки к браку позволяет будущим супругам ближе познакомиться друг с другом, проверить свои отношения, жизненные ценности [Розин, 1999: 138].

Российско-американские отношения, репрезентированные во французских газетных текстах посредством концептуальной метафоры, лишены романтизма, чистоты, духовной близости. Метафорические словоупотребления представляют развитие отношений как интригу (*intrigue*), соблазн (*séduction*), флирт (*flirt*), соращение (*débauche*), неверность (*infidélité*), иными словами через те лексемы, которые в данных метафорических контекстах «эксплуатируют» смыслы, являющиеся интенсификаторами негативных эмотивных признаков. Ср.:

Or la rivalité russo-américaine s'aiguise autour des richesses pétro-gazières de cette région désormais "d'intérêt stratégique pour les Etats-Unis" (Н., 17.05.00). [Обостряется российско-американское соперничество вокруг нефте-газовых ресурсов прикаспийского региона, являющегося отныне «предметом стратегического интереса для США»]; En même temps, pour faire passer la pilule, ou si l'on préfère pour masquer la perte par la Russie de son statut de réelle superpuissance, l'Amérique lui prodigue les marques extérieures de la plus haute considération (М., 01.12.01) [В тоже время, чтобы заставить проглотить пилюлю или, если угодно, чтобы прикрыть потерю Россией статуса сверхдержавы, Америка расточает ей знаки своего высочайшего внимания].

Употребление метафорических наименований *séduire* (соблазнять), *flirter* (флиртовать) при характеристике действий России на международной арене вызывает негативную реакцию французского реципиента, так как в соответствии с семантикой

исходной понятийной сферы указанных лексических единиц поведение России образно интерпретируется как призыв к сексуальной связи вне брака. Сравните толкование данных лексем в словаре Le Nouveau Petit Robert (2003):

Flirt – Relation amoureuse **plus ou moins** chaste, généralement **dénuée de sentiments profonds**;

Séduire – Amener à des rapports sexuels **hors mariage**.

Легкомысленные поступки России, искушающей своих партнёров для осуществления своих интересов, не могут не получить отрицательную оценку в концептуальной картине мира адресата-читателя, поскольку нарушают определённые моральные нормы. Ср.:

*Et cela fait belle lurette - près de quinze ans - que les Russes s'emploient à **séduire** les Américains. Bien avant Poutine, il y eut Gorbatchev, qui se tailla, à Washington et à New York, de véritables triomphes, des raz-de-marée de "gorbymania". Et Boris Eltsine, tombant la veste, plaisantant lourdement et esquissant des pas de danse, avait fait presque aussi bien (M., 01.12.01). [Уже довольно давно, около 15 лет, Россия пытается соблазнить Америку. До Путина Горбачев добился успеха, настоящего шквала, «горбомании» в Вашингтоне и в Нью-Йорке. Б. Ельцин, скинув пиджак, отпуская грубые шутки и выделявая танцевальные па, добился также определённого результата]; L'autre face est marquée par les tentatives russes de jouer un rôle **en flirtant** avec les "Etats voyous", en vendant des armes aux adversaires des Etats-Unis (M., 14.11.02). [С другой стороны, Россия пытается вести свою игру, флиртуя с «бандитствующими» странами, продавая оружие врагам США].*

Как и в предыдущих слотах, прагматические смыслы рассматриваемых метафор акцентируют утрату духовности, нечистоплотность, аморальность, корысть, превалирующие в отношениях России и Америки.

2.Фрейм: «Mariage» – «Вступление в брак». В соответствии с внутренней структурированностью понятийной сферы «Развитие любовных отношений», отраженной в сознании представителей французской лингвокультуры, новой ступенью в отношениях России и США становится заключение брака, представленное в газетных текстах различными языковыми эквивалентами: *mariage, alliance, pose*. Семантика этих слов содержит общие компоненты: легитимность и обоюдное согласие (Le Nouveau Petit Robert, 2003). Ср.:

*La nouvelle **alliance** entre Moscou et Washington, précipitée*

par les événements du 11 septembre, suscite toutefois beaucoup moins de commentaires dans la presse russe que "Za stiklom" - littéralement "Derrière la vitre", le "Loft Story" russe, apparu le 27 octobre sur la chaîne de télévision TV6 (L., 15.11.01). [Новый альянс Москвы и Вашингтона, ускоренный событиями 11 сентября, вызывает однако намного меньше комментариев со стороны российской прессы, чем передача «За стеклом», российское «Loft Story», вышедшая в эфир 27 октября на канале ТВ6]; Le **"mariage"** russo-américain ne se porte donc pas si mal. Il y a bien, comme l'a dit M. Kassianov, "des facteurs négatifs", mais cela n'empêche pas les deux pays "de **développer** le cadre **d'une nouvelle relation**" (M., 15.03.02). [Российско-американский «брак» не так уж и плох. Конечно, как отмечает М. Касьянов, «есть и негативные факторы», но это не мешает обеим странам «развивать новые отношения»]; Les Etats-Unis et la Russie **scellent** une nouvelle **alliance** (M., 25.05.02). [США и Россия **скрепляют** новый союз].

3.Фрейм: «Vie familiale» – «Семейная жизнь»

Слот 3.1. Relations conjugales – Отношения в браке. Рассматриваемый материал показывает, что в современном дискурсе масс-медиа Франции при оценке российско-американских отношений востребованными оказались не все слоты анализируемой метафорической модели. Отсутствие романтики, любви, согласия в отношениях между Россией и Америкой подчеркивается отсутствием метафор с положительным прагматическим потенциалом, отражающих начало совместной жизни молодоженов: свадебное путешествие, медовый месяц.

Счастливый брак основан на любви и на вере, так как «не может быть истинных, подлинных взаимных отношений, если нет между мужем и женой, между невестой и женихом взаимной веры, то есть, с одной стороны, настоящего доверия, с другой стороны, верности» [Сурожский, 1986].

Однако «семейная жизнь» двух стран не основан на взаимном доверии, уважении, искренности, душевной привязанности. «Брак» России и Америки лишь кажется прочным и равноправным. Отсутствие у «новобрачных» взаимопонимания, любви или хотя бы общих интересов приводит к непониманию и размолвкам. Ср.: *Première rencontre Bush-Poutine: derrière les sourires, les **désaccords*** (M., 19.06.01). [Первая встреча Буша и Путина: улыбки скрывают **разногласия**]; *Etats-Unis - Russie: les **aléas d'un couple*** (M., 16.03.02). [Россия – США: **превратности семейной жизни**]; Les **relations** entre les Etats-Unis et la Russie

traversent une **période un peu trouble. Désenchantement? Consolidation?** Le temps a passé depuis la surprenante « déclaration » de confiance, sinon d'amour, faite en juin dernier à Moscou par George W. Bush à Vladimir Poutine (M., 21.07.02). [*Отношения США и России переживают период нестабильности. Разочарование? Сближение? Прошло время, когда в июне прошлого года в Москве Дж. Буш сделал В. Путину удивительное «признание» в доверии, если не в любви*]; Dans un vaudeville à l'ancienne, le premier (V. Poutine) jouerait **l'épouse intéressée**, le second (G. Bush) **le mari très macho** (H., 27.09.03). [*В этом водевиле как и прежде Путин будет играть меркантильную жену, а Буш – деспотичного мужа*].

На страницах французских газет Америка чувствует себя обманутой (frustrée), разочарованной (déçue, dépitée) Россией. Непонимание между супругами перерастает в ссоры и распри. Семейные российско-американские конфликты остаются неразрешёнными, поскольку стороны отказываются идти на взаимные уступки и компромиссы. Ср.: La **déception** de l'administration Bush. La mise en liquidation de TV6 a été critiquée, vendredi 11 janvier, par les Etats-Unis. (M., 13.01.02). [*Разочарование администрации Буша. В пятницу 11 января США выразили своё критическое отношение к вопросу о ликвидации ТВ6*]; Armes: les Etats-Unis **blâment** la Russie (L., 17.09.03). [*К вопросу о вооружении: Америка выражает своё недовольство (досл. бранит) позицией России*]; Un sommet Bush-Poutine, le premier depuis la **brouille** irakienne (L., 30.05.03). [*Первая после иракской ссоры встреча на высшем уровне Путина и Буша*]; Le secrétaire d'Etat américain, en visite à Moscou, **tance** son « ami » russe (M., 28.01.04). [*Госсекретарь США, прибыв с визитом в Москву, отчитал своего российского «друга»*]; Un haut responsable américain à Moscou a détaillé la «**frustration**» grandissante de Washington (M., 17.04.04). [*Представитель американского посольства в Москве подробно охарактеризовал растущую фрустрацию Вашингтона*].

Репрезентация российско-американских отношений, основанная на системном переносе оценочных коннотаций и смысловой нагрузки из источниковой сферы «размолвка супругов», формирует у читателя французских СМИ представление о том, что союз двух стран основан скорее на расчете, чем на любви.

Слот 3.2. Divorce – Развод. При помощи функционирующих в газетных текстах метафор в концептуальной картине мира адресата-читателя создаётся образ США, великодушно прощаю-

щих России её «проступки» до тех пор, пока это в интересах американского государства. Ср.: *La Russie est pardonnée. Voilà le message qui s'est dégagé du sommet informel entre George Bush et Vladimir Poutine, dimanche 1er juin, à Saint-Pétersbourg. A l'occasion de leur première rencontre depuis les désaccords portant sur la guerre en Irak - qualifiée par M. Poutine de « grave erreur politique» - les deux dirigeants ont multiplié les signes de réchauffement* (М., 03.06.03). [Россия прощена. Таким результатом в воскресенье 1 июня в Санкт-Петербурге завершился неофициальный саммит Дж. Буша и В. Путина. В ходе этой встречи, первой с начала разногласий России и США по поводу войны в Ираке, названной Путиным «большой политической ошибкой», главы государств многократно продемонстрировали потепление отношений].

Однако французские газеты пессимистичны в прогнозировании совместного будущего двух стран. По мнению французского адресанта, разрыв России и Америки неизбежен. В рамках исследуемой метафорической модели с исходной понятийной сферой «Семья» разлад в российско-американских отношениях в дискурсе масс-медиа Франции представлен посредством метафорических номинаций *divorce* (развод), *rupture* (прерывание отношений). Ср.: *Etats-Unis – Russie, les dangers d'un divorce* (L., 12.09.02). [Опасности российско-американского развода]; *Ce n'est pas l'affaire irakienne qui vaut un divorce, mais le comportement de l'époux américain, qui ne supporte pas une opinion différente de la sienne* (L., 06.03.03). [Причиной для развода служит вовсе не иракское дело, а поведение американского супруга, не допускающего существования мнения, отличного от своего].

Таким образом, способность метафоры изменять воспринимаемую нами реальность приводит к тому, что в концептуальной картине мира у адресата-представителя французской лингвокультуры формируется новый стереотип российско-американских отношений. На страницах французской прессы Россия, проиграв холодную войну, потеряв статус сверхдержавы, перестаёт интересовать США как противник. Нет места в отношениях между двумя странами и для равноправного партнёрского сотрудничества. Новый союз России и Америки метафорически переосмысливается как брак по расчету, а не по любви, поэтому в политическом дискурсе востребованными оказались прежде всего фреймы, выражающие конфликтность и интриги обеих сторон.

При сопоставительном анализе метафорической модели **РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ** во французском языке и материалов других исследователей на русском [Гришина, 2004; Савельева, 2000] следует обратить внимание на то, в российском дискурсе медиа представленная модель менее продуктивна и используется реже, чем метафора дружбы, партнёрства, сотрудничества [Гришина, 2004: 134-136]. Ср.: *Россия заинтересована в том, чтобы ... иметь в тылу в качестве своеобразного якоря максимально дружественные - можно даже сказать, "семейные" - отношения с США (РЖ, 17.06.02); У нас с США брак по расчёту (КП, №43, 2002); А общество задаётся вопросом: не было ли заигрывание с США и Европой стратегической ошибкой? (АИФ, 22.12.04).*

Эксплуатируя метафору «брака по расчёту» при характеристике российско-американских отношений, российские газеты, в отличие от французских, реже используют метафоры с ярко выраженной негативной коннотацией, подчеркивающие зависимость нашей страны от США и легкомысленное поведение России, использующей свои женские чары для соблазнения партнёра ради собственных интересов. Показательно, что в отечественной прессе российско-американские разногласия трактуются в терминах спора, войны, а не семейных перебранок или развода [Гришина, 2004: 136].

За последние несколько лет преобладающие в периодических изданиях Франции антисоветизм и настороженное отношение к перспективам взаимодействия России и Европы, сформированные за годы «холодной войны», уступают место более дружественному настрою. Французские газеты всё реже прибегают к военной источниковой сфере для метафорической репрезентации взаимоотношений России и Запада. Ср.: *Les Occidentaux et la Russie s'affrontent au coeur de l'Europe. La crise ukrainienne a ravivé la tension entre Moscou, d'une part, et l'Alliance atlantique et l'UE, de l'autre, plus de dix ans après la fin de la guerre froide (М., 07.12.04). [Европейцы и Россия сошлись лицом к лицу в центре Европы. Десять лет спустя после окончания холодной войны украинский кризис воскресил напряжение между Москвой, с одной стороны, и Атлантическим союзом и ЕС, с другой].*

В оценке отношений России с европейскими государствами (с Европой в целом) французские периодические издания используют иную систему метафорических номинаций, при обо-

щении которых обнаруживается модель **РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ**. Указанная модель, в отличие от метафоры семейных отношений, доминирующей при описании развития взаимоотношений России и Америки и акцентирующей внимание французского реципиента на конфликтах, интригах, раздорах между сторонами, концептуально ассоциируется с порядочностью, честностью, открытостью. Положительным прагматическим потенциалом наполнена метафорическая модель **РОССИЯ И ЗАПАД – это ДУЭТ**, подчеркивающая единство России и европейских государств, которые «спелись» перед лицом общей опасности. Ср.: *Le tango Paris-Moscou* (Н., 20.04.99). [*Танго Париж-Москва*]; *Moscou dans le concert européen* (М., 16.05.99). [*Москва в европейском хоре*]; *Le trio Paris-Berlin-Moscou «reste vigilant»* (М., 23.05.03). [*Трио Париж-Берлин-Москва «не теряет бдительность»*]; *Les nuages, qui ont assombri samedi le ciel de Saint-Petersbourg, en dépit de la mobilisation des avions antipluie, ont été la seule fausse note dans la chorégraphie festive et politique mise au point par Vladimir Poutine* (М., 03.06.03). [*Облака, которые в субботу затянули небо над Санкт-Петербургом, несмотря на мобилизацию специальных самолётов для разгона облаков, были единственной фальшивой нотой в организованной Владимиром Путиным политической и праздничной постановке*].

Преодолев политическую конфронтацию, на рубеже XX-XXI веков Россия и Европа выстраивают новые отношения, основанные на сотрудничестве и доверии. Концепт «дружба» является актуализированной сферой для осмысления данного этапа развития российско-европейских отношений, поскольку манифестирует общность интересов, взаимную, обусловленную социальными связями и личным выбором приязнь сторон, свободных от сексуальных или родственных связей.

1.Фрейм: «Rôles sociaux» – «Социальные роли». К данному фрейму относится метафорика, исходная понятийная сфера которой содержит общие компоненты значения «предрасположенность», «взаимная симпатия», «связь»: *allié* (союзник, сторонник), *ami* (друг). Иными словами, смысловое содержание фрейма основывается на образном представлении отношений Запада и России как доброжелательных, дружеских. Ср.: *Comme Boris est un ami de la famille occidentale, personne ne pipe mot* (Н., 09.10.99). [*Поскольку Борис – друг западной семьи, никто и слова не скажет*]; *Lors de son discours à Berlin Sergueï Ivanov a affirmé que la Russie, un pays européen ami, était prête à offrir "son*

espace aérien pour les vols d'avions transportant de l'aide humanitaire dans la région où l'opération antiterroriste aura lieu" (Н., 27.09.01). [Во время своего выступления в Берлине Сергей Иванов подтвердил, что Россия, дружественное европейское государство, готова предоставить «своё воздушное пространство для пролёта самолётов с гуманитарными грузами в район проведения антитеррористической операции»]; La Russie, **alliée** traditionnelle de l'Europe (М., 25.03.04). [Россия, традиционная союзница Европы].

Отдельную многочисленную группу представляют метафорические номинации, в рамках которых осмысление взаимодействия России и Европы ассоциативно связано с партнёрством (*partenaire, partenariat*), сотрудничеством (*coopération*). Ср.: La Russie, un **partenaire** incontournable pour l'Union (Л., 25.02.02). [Россия – неизбежный партнёр для ЕС]; La **coopération énergétique** avec Moscou présente ainsi un double intérêt, soulignent des analystes européens (М., 25.05.02). [Европейские эксперты подчеркивают, что энергетическое сотрудничество с Москвой представляет двойной интерес]; L'Europe, **partenaire** difficile de la Russie (М., 31.05.03). [Европа – трудный партнёр России]; La Russie et l'Union européenne construiront-elles un partenariat durable et productif, ou leurs relations seront-elles fondées uniquement sur le profit à court terme? La seule réponse sensée à cette interrogation est que nous bâtirons un **partenariat** capable de surmonter les tempêtes du XXIe siècle (М., 19.10.04). [Создадут ли Россия и ЕС почву для плодотворного и длительного сотрудничества или отношения между ними будут основаны на кратковременной выгоде? Единственный разумный ответ на этот вопрос – мы строим союз (досл. партнёрство), который вынесет все невзгоды XXI века].

Показательно, что французские СМИ выделяют среди европейских держав группу «близких друзей» России, к которой относятся Великобритания, Франция, Германия и Италия. Ср.: La Grande-Bretagne veut transformer l'embellie qui règne entre la Russie et l'Occident depuis le 11 septembre en un partenariat durable en matière de sécurité. (М., 17.11.01). [Великобритания намерена довести временное улучшение отношений, которое царит между Россией и Западом после 11 сентября, до длительного сотрудничества в сфере безопасности]; Mais l'idée d'une telle recomposition des relations euro-américaines, par la grâce d'une Allemagne servant de marchepied à l'accrochage de la Russie à l'Europe, mérite en tout cas d'être déjà étudiée (М.,

05.12.01). [Отношения между Европой и Америкой изменились. Этот факт заслуживает внимания, учитывая и то, что Германия помогает (досл. служит трамплином) интеграции (досл. сцеплению, прицеплению) России в Европу]; *Chirac trop «routinien» pour l'Europe* (L., 26.02.04). [Слишком «путинский» для Европы Ширак].

Коннотативно нагруженные метафоры представленного фрейма эксплицируют смыслы «единство», «поддержка», «общность интересов» и, следовательно, несут позитивный оценочный характер.

2.Фрейм: «Relations entre amis» – «Взаимоотношения друзей». Слоты этого фрейма позволяют выявить типичные метафорические представления о деятельности государств, связанных узами дружбы. Мнения «стран-друзей» по различным вопросам могут как совпадать, так и расходиться, что находит отражение в соответствующих словосочетаниях, создающих развёрнутый метафорический контекст.

Слот 2.1. Liens de l'amitié – Дружеские связи. Россия и Европа метафорически представляются едиными по духу. Их дружба основана на общности интересов, потребности друг в друге. Метафоры описываемого слота эксплицируют российско-европейскую «заинтересованность» в длительных добрососедских отношениях. Ср.: *Que l'intérêt de l'Europe soit d'avoir pour voisin une Russie démocratique, c'est une évidence* (M., 26.02.04). [Очевидно, что Европа заинтересована в том, чтобы иметь своим соседом демократическую Россию]; *Russie, Union européenne: chacune a besoin de l'autre. Nous sommes liés par la géographie et par un patrimoine culturel commun, dont l'écrivain Alexandre Pouchkine, le compositeur Dimitri Chostakovitch et le peintre Kazimir Malevitch forment une partie inaliénable. Ce qui nous unit, encore, c'est l'absence d'une autre solution crédible* (M., 19.10.04). [Россия и Евросоюз необходимы друг другу. Мы связаны не только территориально, но и культурно: писатель Александр Пушкин, композитор Дмитрий Шостакович, художник Казимир Малевич составляют неотъемлемую часть общего культурного наследия. Более того, нас объединяет отсутствие какого-либо другого возможного решения].

Слот 2.2. Compréhension mutuelle – Взаимопонимание.

При характеристике отношений России с западной цивилизацией чаще всего метафорически используются слова, обозначающие свободное, открытое общение, обмен мнениями, обоюдное согласие в принятии решений: *contact* (общение), *dialogue*

(диалог), accord (соглашение), convergence (совпадение (взглядов, идей)), tête-à-tête (разговор с глазу на глаз). Ср.: *L'Union européenne et la Fédération de Russie se sont engagées lors du Sommet de Paris en octobre 2000 dans un **dialogue** énergétique qui devrait mener à terme à un partenariat énergétique* (М., 03.01.03). [На саммите в октябре 2000 года Евросоюз и Российская Федерация начали энергетический диалог, который со временем должен будет перейти в энергетическое сотрудничество]; *Paris et Moscou affichent leurs **convergences** « jusqu'au moindre détail »* (М., 10.07.03). [Позиции Парижа и Москвы совпадают «до мельчайших деталей»]; ***Accord** UE-Russie sur les «ex-frères»* (Л., 28.04.04). [Договорённость России и ЕС о бывших российских «братьях»].

В соответствии с представлениями об исходной понятийной сфере крепость российско-европейской дружбы испытывается несчастьями и невзгодами. Как говорится в пословице, «au besoin, on connaît l'ami» (друзья познаются в беде). Как истинные друзья Россия и Европа спешат друг другу на помощь (*aide, soutien, appui*). Ср.: *L'Europe veut réorienter son **aide** à la Russie* (М., 20.02.99). [*Европа намерена перенаправить свою помощь России*]; *Vladimir Poutine a affiché dimanche son **soutien** à la France et à l'Allemagne* (Н., 11.02.03). [*В воскресенье Владимир Путин продемонстрировал свою поддержку Франции и Германии*].

«По-дружески» Запад прощает России её «промахи». Ср.: *L'Europe **absout** la Russie* (М., 19.07.99). [*Европа прощает России её грехи*]; *L'Occident a pour l'essentiel **tiré un voile pudique** sur le déchaînement de violences frappant les civils en Tchétchénie* (М., 15.01.02). [*Запад смотрит сквозь пальцы (досл. стыдливо опустил вуаль) на разгул насилия и жестокости, от которого страдает гражданское население Чечни*].

Однако в ряде случаев Европа показывает своё превосходство, обращаясь с Россией снисходительно и покровительственно. Об этом свидетельствует, в частности, метафорическое употребление лексемы *ménager* (беречь, жалеть, щадить, церемониться) в значении «traiter avec modération, avec indulgence, sans accabler de sa supériorité» [Le Nouveau Petit Robert, 2003]. Ср.: *La "nouvelle relation" exige de la Russie qu'elle **se modèle** sur l'Occident, et M. Poutine semble prêt à aller loin pour prouver qu'il y est disposé*. (М., 14.11.01) [*«Новые отношения» требуют, чтобы Россия ориентировалась (досл. брала пример) на Запад. В связи с этим В. Путин, кажется, готов зайти*

ещё дальше, чтобы продемонстрировать своё расположение к реформам]; Les Européens **ménagent** Moscou, qui a su redevenir une grande puissance diplomatique internationale et redeviendra vraisemblablement une puissance économique (М., 30.12.02). [Европейцы церемонятся с Россией, которая сумела вновь стать державой с огромным международным дипломатическим влиянием и, вероятно, большим экономическим потенциалом]; L'Europe **ménage** la Russie malgré une coopération en panne (М., 07.11.03). [Европа бережет Россию, несмотря на препятствия в развитии сотрудничества].

Слот 2.3. Divergences – Разногласия. Друзья зачастую имеют различное мнение по тому или иному вопросу, они спорят, дискутируют, обсуждая всевозможные проблемы. Разногласия могут приводить и к ссорам.

В соответствии со структурой исходной понятийной сферы отношения России и Евросоюза концептуально переосмыслиются как *разногласия* (*désaccord, différend, discorde, dissentiment*), *споры* (*débat, dispute, contentieux*), *напряжённость* (*tension*). Ср.: Poutine **boude** la France. Il n'a pas oublié les **critiques** sur la guerre en Tchétchénie (L., 07.06.00). [Путин дуется на Францию: критика войны в Чечне не забыта]; Moscou et l'Europe expriment leur **désaccord** sur Kaliningrad (М., 31.05.02). [Москва и Европа выражают своё несогласие по проблеме Калининграда]; L'arrivée des nouveaux membres accroît les **contentieux** avec Moscou. L'approche de l'élargissement de l'Union européenne, le 1er mai, provoque une **tension** croissante dans les relations avec la Russie (М., 22.02.04). [Расширение Евросоюза вызывает новые споры между странами ЕС и Россией. Приближение даты официального расширения (1 мая) ведёт к возрастанию напряжения в отношениях с Россией]; Moscou, sujet de **discorde** européen (L., 22.05.04). [Москва – источник раздора в Европе].

Однако стороны предпочитают не доводить дело до конфликтов, находя решение (будь то компромисс или сделка), устраивающее всех участников. Ср.: **Accord UE-Russie** sur les «ex-frères». L'UE a **réglé hier son principal contentieux** avec la Russie, mais il aura fallu d'intenses **tractations** pour que Moscou accepte d'étendre aux dix nouveaux Etats membres son partenariat... (L., 28.04.04). [Договорённость России и ЕС о бывших советских «братьях». Вчера ЕС решил свой основной спор с Россией. Однако Европе пришлось приложить огромные усилия (досл. сделку), чтобы Москва согласилась распространить своё сотрудничество на десять новых членов Евросоюза].

3.Фрейм: «Loisir» – «Досуг». Для закрепления в концептуальной картине мира адресата-читателя образа друзей французские газеты используют при характеристике взаимоотношений России и Европы метафоры, репрезентирующие связь государств во «вне рабочее время». Составляющие данный фрейм метафоры несут информацию о «совместном досуге» стран. В своё свободное время Россия и Евросоюз ходят друг к другу в гости или просто гуляют. Ср.: *L'Europe en visite chez Poutine* (L., 30.05.00). [*Европа в гостях у Путина*]; *Lors d'une rencontre avec Vladimir Poutine sur les bords de la mer Noire, le président français s'est rallié aux positions russes: Russie et Union européenne «doivent marcher main dans la main»* (M., 24.07.02). [*Во время одной из встреч с Владимиром Путиным на черноморском побережье президент Франции выступил в поддержку российской позиции: Россия и Евросоюз «должны действовать сообща» (досл. идти рука об руку)*].

Метафорическое использование концепта «совместные развлечения» актуализирует положительные ассоциативные признаки, связанные с идеей общности интересов России и Запада, сфера которых охватывает не только деловые отношения, но и личные.

Метафоры, составляющие метафорическую модель **РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ**, оказались удобным средством номинации и характеристики новых отношений, выстраивающихся между Россией и Европой на рубеже веков. Эти метафоры актуализируют в сознании французского читателя положительные ассоциации, связанные с концептом «друг» – человек, на которого можно положиться, который проявляет соучастие, заботу, всегда придёт на помощь. Восприятие взаимоотношений между российским и западными государствами как дружбы эксплицирует элемент взаимопонимания, духовного родства, комфорта, терпимости и взаимного уважения, лежащих в основе российско-европейского сотрудничества.

В современных российских СМИ метафора дружбы при характеристике российско-европейских связей также является востребованной, что связано, в первую очередь, с укрепившимся в сознании носителя языка стереотипе о «дружбе народов» и отражает традиционные стереотипы, связанные с отношениями России и Франции. Ср.: *Россия и Франция договорились дружить* (НГ, 22.07.02); *Запад – друг или враг?* (АИФ, 22.12.04).

При сопоставительном анализе представленной метафорической модели в русском и французском языках следует обра-

тить внимание на сходство фреймово-слотовой структуры, на ее частотность и продуктивность в обоих языках. Все это говорит о том, что дружба как сфера-источник метафорической экспансии является универсальным средством для концептуализации отношений России и Европы в российских и французских периодических изданиях.

В целом, анализ внешнеполитических связей России с «хозяевами мира сего» (*maîtres du monde* (Н., 25.10.02)), представленных во французском дискурсе масс-медиа в рамках метафорических моделей **РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ** и **РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ** позволяет сделать вывод о том, что в сознании представителя французской лингвокультуры при категоризации окружающей действительности Россия в настоящее время перестала быть «чужой» и вошла в число «своих». Показателем новых отношений становится метафорическое представление межгосударственных отношений как кровного (в случае с США) или духовного (в случае с Западной Европой) родства, пришедшего на смену традиционным милитарным метафорам. Однако развёртывание метафорических моделей во французских газетных текстах показывает, что, по представлению французских СМИ, в отношениях России с американской «семьей» и с европейскими «друзьями» отсутствует равенство и равноправие.

Если сфера дружбы, основанная на взаимной приязни сторон, которые объединены общими интересами, представляет собой в большинстве случаев позитивно окрашенный источник метафорического словоупотребления, то метафорическая модель с исходной понятийной сферой «семья» при характеристике российско-американских взаимоотношений приобретает во французских СМИ отрицательную оценку. Франция ревниво относится к новым отношениям, выстраивающимся между российским государством и США, поэтому востребованными в газетных текстах оказались наименования, создающие уничижительную коннотацию иронии при метафоризации «семейной» жизни России и Америки и их совместного будущего.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

М. – *Le Monde*; Л. – *Liberation*; Н. – *L'Humanité*

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришина О.А. Актуализация концепта *америка* в современном русском языке. Автореф. дис...к.ф.н. Северодвинск, 2004.
2. Ипполитова Н.Б. Изобразительно-выразительные средства в публицистике. – Саранск, 1988.
3. Котлова Т.Б., Рябова Т.Б. Библиографический обзор иссле-

дований по проблемам гендерных стереотипов. Иваново, 2002

4.Розин В.М. Любовь и сексуальность в культуре, семье и взглядах на половое воспитание. – М., 1999.

5.Скребцова Т.Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса // *Respectus philologicus*. Вильнюс, 2002. - № 1 (6).

6.Сурожский А. Таинство любви. Беседа о христианском браке // <http://www.tmn.fio.ru/works/26x/302/kniga.htm>

7.Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003.

8.Шпенглер О. Закат Европы. – М., 2000.

9.Le Nouveau Petit Robert /par Paul Robert. – Paris, 2003.

© Шаова О.А., 2005

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Базылев В.Н.

Москва

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ: ИРИНА ХАКАМАДА

(к определению статуса дисциплины)

Мысль о необходимости синтеза гуманитарных наук в рамках специальной дисциплины – персонологии, - объектом которой должно стать понятие личности не только частночеловеческой, но и многочеловеческой, симфонической, была высказана Н.С. Трубецким [Трубецкой, 1927]. Согласно Н.С. Трубецкому, личностью является не только отдельный человек, но и народ, проявление частночеловеческой, равно как и многочеловеческой личности характеризуется определенным состоянием или индивидуацией. При этом частночеловеческая личность проявляется только в разновременных, сменяющих друг друга, индивидуациях, а многочеловеческая личность (народ) проявляет себя как в разновременных, так и в одновременных ситуациях. С идеями Н.С. Трубецкого перекликается философское учение персонализма, возникшее в начале XX века во Франции. Само понятие и термин обязаны своим возникновением и существованием книге Ш. Ренувье «Персонализм» (1903 г.). Однако создателем философской концепции персонализма стал католический философ Э. Мунье, опубликовавший под тем же названием – «Персонализм» – книгу, вышедшую в 1949 г. (русский перевод – 1993 г.) [Мунье, 1993]. Но если Н.С. Трубецкой ставит проблему соотношения частночеловеческой личности и личности многочеловеческой, индивидуального и национального, то одна из ключевых идей персонализма – это мысль о единстве челове-

ства, существующего в пространстве и времени, то есть о единстве частночеловеческого и общечеловеческого начала личностного универсума. Применительно к идее построения общей теории языковой личности весьма значимым представляется выделение в концепции персонализма двух основных тенденций, возникающих при формировании творческой личности. Первая из них постоянно действующее устремление к деперсонализации, вторая – стремление к персонализации. Во взаимодействии этих тенденций и возникает личностный универсум. Для иллюстрации высказанных соображений обратимся к автобиографической книге И. Хакамады «Девичья фамилия» [Хакамада, 1999]. В главе «Моя фамилия – моя судьба» читаем: «Все мои переживания и порывы, достижения и провалы, поступки и мечты – все каким-то странным образом сконцентрировалось в этом родовом имени.... В детстве я воспринимала свою фамилию как тяжелый груз. Она постоянно меня засвечивала, привлекала внимание, и моей психике было трудно это выдерживать.... Потом, когда началась самостоятельная жизнь, трудности с фамилией приобрели вполне конкретный вид. Я стала постоянной добычей кадровиков.... Уже в момент распределения выяснилось, что со своей фамилией я никуда не подхожу. И даже подрабатывать она мне мешала.... И вдруг моя фамилия снова позвала меня к себе. Вообще-то наше «я» начинается обычно с имени. В нем самое сокровенное, а фамилия – это для внешнего мира, для официальных случаев. ... Когда фамилия приклеилась ко мне окончательно, я начала заниматься политикой» (с. 8-11). Для последующей аргументации в пользу статuirования лингвистической персонологии рассмотрим в сопоставлении структуру языковой личности Ю.Н. Караулова и структуру личностного универсума Э. Мунье. Структура личностного универсума Э. Мунье представлена моделью из семи уровней: воплощенное существование, коммуникация, интимное обращение, противостояние, свобода и необходимость, высшее достоинство, вовлечение. Структура языковой личности, по Ю.Н. Караулову [Караулов, 1967], предполагает три основных уровня организации: вербально – семантический (структурно – системный), лингвокогнитивный (тезаурусный) и мотивационный в языковом плане, и семантический, когнитивный, прагматический – в психологическом плане. Концепт языковая личность формируется на стыке философских концепций персонологии, персонализма и теории языковой личности, которую можно назвать лингвистической персонологией. В рамках общей персонологии мо-

жет быть выделена в самостоятельное направление науки о языке лингвистическая персонология, исследующая состояние языка (индивидуации) как частночеловеческой личности (идеолектной личности), так и многочеловеческой (полилектной) языковой личности – народа. В антропоцентрической системе происходит последовательная смена индивидуаций у каждой конкретной языковой личности. В терминах лингвистической персонологии смена языковых состояний (индивидуаций) в языке, как полилектной личности, во времени составляет его историю. Смена языковых состояний у идиолектной личности пишет его языковую биографию. Иными словами, языковая биография личности состоит из последовательности языковых индивидуаций или индивидуационных рядов по Н.С. Трубецкому. Откроем в книге И. Хакамады главу «Как на исповеди»: «Впервые узнала себя еще в пятнадцать лет, когда случайно попала в Артек. Это был высший символ счастливого пионерского детства, а на деле оказалось – настоящая казарма, дикая муштра и отвратительная кормежка. И вот, неожиданно для самой себя, я оказалась во главе маленькой группы ребят, не желавших подчиняться диктату вожатых и воспитателей. Полагалось входить в столовую с речевкой: Всем, всем приятного аппетита! А мы закричали: Всем, всем приятно подавиться!... И действительно, анализируя свои действия, я очень часто обнаруживаю, что кричу «во здравие», когда все кругом возглашают «за упокой»...(с. 26-27). Полилектная личность с точки зрения развития предстает как динамическая система, диахронически организующая разновременные языковые состояния (индивидуации). Идиолектная личность являет собой последовательность синхронных индивидуаций, характеризующихся статикой доминантных признаков речи. Это означает, что, если язык (полилектная личность) меняется в ходе исторического развития (эволюции) нормы речедеятельности практически на всех уровнях – меняется произношение, трансформируются модели словообразования и словоизменения, обновляется лексика, меняется словоупотребление, то на протяжении жизни одного человека (конкретной языковой личности) доминантные признаки языка (речи) остаются в главном неизменными.

«Надо выигрывать!... Было в моей жизни несколько встреч с бандитами. Меня пытались запугать. Но когда я так теряюсь, то, как у восточного человека, лицо перестает меняться. Оно камнеет, превращается в маску. Паники нет. Я знаю, что дальше произойдет с моим организмом.... И происходит взрыв. Откуда-

то берутся слова, которые за минуту до этого у меня не было, но дело даже не в словах – действует сама энергия отпора. Эти крутые мужики на глазах съеживаются, уходит весь их кураж. И тогда их можно добивать. Все, вы мне неинтересны! – поворачиваюсь и ухожу» (с. 31-32).

В терминах лингвистической персонологии применительно к языковой личности человека (частночеловеческая языковая личность) выделяются два основных ее типа: стандартная языковая личность, отражающая усредненную литературно обработанную норму языка, и нестандартная языковая личность, которая отклоняется от установленных языковых образцов. Тип нестандартной личности объединяет в себе языковые стихии, занимающие два противостоящих этажа речевой культуры – верхний и нижний, верхи и низы культуры языка (по Трубецкому).

«Но вскоре мне стало совсем скучно. Ну, отдыхаем. Ну, загораем. А дальше-то что? Познакомились еще с одной компанией. Там был молодой человек – тоже с шилом в одном месте. Начал кричать: что мы тут сидим, тухнем, каждый день одно и то же... У нас даже стали вырабатываться план – не возвращаться назад, в свое стойло, а бродяжничать и дальше, покончить со всяческой зависимостью. Потом, конечно, я в положенный срок вернулась в Москву, и со всеми фантазиями в стиле хиппи было покончено» (с. 60-61).

К верхам языковой культуры могут быть отнесены прежде всего писатели, мастера художественной речи, создающие тексты культуры, и конечно же политики. В писательской же среде мастера поэтического слова по технике преобразования стандартных речений, словообразования – образования экстрасистемной лексики, построения поэтических произведений – текстов культуры – в нестандартные могут быть отнесены к высшему уровню нестандартности. Именно на этом уровне реализуются креативные возможности человека с возможностью в процессе языкового конструирования порождать большие массивы информации, которые не всегда могут быть переданы средствами стандартизированного языка. Ю.М. Лотман писал об этом: «...небольшое по объему стихотворение может вместить информацию, недоступную для толстых томов нехудожественного текста» [Лотман, 1972]. Принято считать, что результаты языкового конструирования экспериментаторов не находят отражения в лексиконе стандартной языковой личности, но, может быть, как раз наоборот: именно их – экспериментаторов – языковые эксперименты и создают то, что получило наименование

тезауруса прецедентных текстов в культуре той или иной эпохи [Баранов, Караулов, 1994; Душенко, 1996].

Тексты, порождаемые экспериментирующей языковой личностью, практически непереводимы на другой язык. Тексты культуры подобного рода не поддаются трансляции, их семантическая, лингвокультурная интерпретация (комментарий) возможна лишь в рамках языка оригинала. Их отличительной особенностью можно считать национальную персонификацию. На это указывал Г.П. Федотов: «Известное явление – непереводаемость самых глубоких и тонких оттенков языка, так же как и недоступность, или малая доступность, чуждых форм искусства – указывает на исключительность национальных призваний» [Федотов, 1990].

Понятие нестандартная языковая личность включает в себя и такое явление, как носитель, производитель и пользователь маргинальной языковой страты. Проявление этого типа нестандартной языковой личности можно найти в речевых произведениях (текстах) антикультуры. Как правило, это выражается в использовании ненормированной и не включаемой в тексты культуры лексики. К подобного рода маргинальной нестандартной языковой личности относятся пользователи арго, слэнгов, жаргонов, создающихся как на иноязычной лексической базе, так и с использованием ресурсов родного языка, а также контролируемое и неконтролируемое использование ненормативной – абсентной – лексики [Переяслов, 2001; Новиков, 2001].

«Стрессы мне на пользу. Так было не всегда. Раньше я была менее устойчивой. А потом закалилась. В процессе постоянной борьбы за выживание – не в том смысле, чтобы концы не отдать, а сохранить статус, не дать себя сломать, доказать свое, - я настолько привыкла к стрессам, что они меня заводят. ... При стрессе она (нервная система) сначала вырубается, наступает шок, обвал, например, я могу спать сутками, а потом мозг вместе со всем организмом бешено активизируется на поиски выхода. Если беда коснется близких, тут я, конечно, ломаюсь...» (30).

Изучение идиолектной личности – языка индивидуума – во всем ее многообразии и полилектной личности – национального языка в пространстве и времени – и составляет, на наш взгляд, предмет лингвистической персонологии, а ее целью является воссоздание общего и особенного в языке, его лексиконе и в его концептосфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политиче-

ских метафор. М., 1994

2. Душенко К.В. Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина. М., 1996

3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1992

4. Лотман Ю.М. Анализ художественного текста. М., 1972

5. Мунье Э. Персонализм. М., 1993

6. Новиков В.И. Роман с языком. М., 2001

7. Переяслов Н.В. Нерасшифрованные послания. М., 2001

8. Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания. Париж, 1927

9. Федотов Г.П. Национальное и вселенское. М., 1990

10. Хакамада И. Девичья фамилия. М., 1999

© Базылев В.Н., 2005

Кузьмина Н.А.,

Терских М.В.

Омск

РЕКЛАМА ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ: КОНЦЕПТОСФЕРА И СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ

Реклама, как всякая семиотическая система, является некоторой моделью реального мира, при этом совершенно естественно, что мир в интерпретации копирайтеров предстает в значительной степени упрощенным либо искаженным. Это позволяет специалистам в области рекламной коммуникации говорить о том, что «у мира, каким он предстает в рекламе, имеется своя особая социология..., своя нетривиальная психология..., своя история» [Паршин, 2001: 124]. Можно говорить и том, что реклама обладает собственной концептосферой: в рекламном пространстве существует ограниченное число концептов – особых понятийных структур, которые постоянно используются, ибо ценностно значимы для человека. Создавая рекламное сообщение, копирайтеры осуществляют перевод характеристик продукта на язык нужд и запросов потребителя и прибегают к тем концептам, которые способны в значительной степени повлиять на выбор потенциального покупателя. Важно отметить, что реклама не только формирует особый образ мира в сознании человека, но и опирается на сложившиеся в современном обществе модели мира (учитывает универсальную и национальную составляющие в их временной определенности) [Паршин, 2001: 556].

Основной корпус материала представляет компьютерная база данных в размере, созданная на кафедре теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного университе-

та. Она представляет собой информацию, размещенную на упаковке товара. Следует, однако, заметить, что современный дизайн упаковки рассчитан не только на то, чтобы сообщить информацию о продукте, но и на то, чтобы рекламировать ее, а потому на упаковке нередко присутствует и слоган, и воздействующие высказывания разного типа. Сравни, например, пряники «Царские сладости», где на упаковке размещен слоган «Царские пряники – царское застолье» и стихотворные строки «Как за праздничным столом собирались, пряниками царскими угощались».

Отведай, мил человек, знаменитые
царские прянички.

Свежие, мягкие, сладостные, так
Во рту и тающие.

Приготовлены только из натуральных продуктов,
С чудесной начинкой из ягод и
Фруктов.

Любо-дорого с такими пряниками почаевничать,
По душам поговорить, гостя
Дорогого и себя, любимого,
Ублажить.

А на упаковке шоколадных конфет «Азбука» размещена следующая информация рекламного характера: «Внимание конкурс!!! Соберите весь алфавит из букв, находящихся в коробке, раскрасьте животных, сложите буквы в конверт и вышлите нам. Вы станете участником конкурса и сможете получить СЛАДКИЙ ПРИЗ от «САМАРСКОЙ ШОКОЛАДНОЙ КОМПАНИИ»!!!».

Кроме того, известно, что современная реклама полимедиа, то есть использует одновременно несколько коммуникативных каналов, а в рамках одного канала – несколько семиотических систем. Так, элементы пиктографии – герб города Иркутска – присутствуют на упаковке шоколадных конфет «Иркутск», на коробке шоколадных конфет «Азарт» размещены медали, полученные этим продуктом, а также тютчевские строки:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

На упаковке гранатового сока «Rio Grande» компании Вимм - Билль – Данн помещен и слоган «Вимм - Билль – Данн. То, что ты хочешь», и фирменный знак компании, и нарратив: «Родина граната – страны ближнего и среднего Востока, где он встреча-

ется дикорастущим. Гранат введен в культуру ещё до нашей эры, его изображение встречаются в египетских пирамидах. Название свое получил по имени испанской провинции Гранада, откуда распространился по Европе благодаря арабам. Плоды граната с кисло-сладкой мякотью, окружающей семена, не только питательны, но и целебны. Гранатовый сок богат сахарами, лимонной кислотой, он полезен при различных заболеваниях. В Древней Греции гранат считался символом брака. Перед разлукой супруг давал зерна граната жене в знак любви и верности», и стихотворные строки Ф.И. Тютчева:

Люблю друзья, ласкать очами
Иль пурпур искрометных вин,
Или плодов между листьями
Благоухающий рубин.
Люблю смотреть, когда создание
Как бы погружено в весне,
И мир заснул в благоуханье,
И улыбается во сне.
Ф.И. Тютчев

Доставшийся нам в наследство от советских времен знак качества и новые знаки «100 лучших товаров России» и «экологически чистый продукт», многочисленные медали различных выставок также являются практически обязательным элементом оформления соответствующих пищевых продуктов.

Мы уже не говорим об изобразительной составляющей рекламного сообщения, присутствующей в любой упаковке: цветовой символике рисунка, варьировании шрифтов, пространственном расположении текста и т.п. Приводимые ниже наблюдения основаны преимущественно на вербальной составляющей современной российской рекламы пищевых продуктов.

1. Корпус концептов: универсальное и специфическое

В концептосфере рекламы пищевых продуктов может быть выделено 16 базовых концептов: вкус, традиционность, национальное, чудо, наслаждение, качество, легкость, любовь, здоровье, натуральность, новизна, уникальность, свобода, надежность/стабильность, личное, экономичность. Среди них встречаются концепты, универсальные для всей рекламной коммуникации: новизна, уникальность, любовь, свобода, чудо, легкость. [Морозова, 2001].

Ср. Сок «Любимый», конфеты «Букет любви», сок «Добрый» (слоган «Сделано с любовью»); Молочные продукты «Нео», Мороженое «Мисс Клубника»: Новейшие технологии и высокое ка-

чество (информация на упаковке); Пиво «Сокол Айс»: Первое российское пиво, сваренное с применением уникальной «ледяной» технологии; Дарья: Ощути себя свободным; «Чудо»: «Страна чудес молочных» и т.п.

Вообще говоря, если задаться вопросом, существует ли у потребителей некое единое универсальное требование ко всем рекламируемым продуктам, то, пожалуй, вывод будет следующим: любой человек хочет приобрести качественный продукт. Все остальные характеристики товара будут в значительной степени дополнительными или подчиненными главной. Таким образом, как нам кажется, в основе большинства рекламных сообщений лежит идея качества. И реклама пищевых продуктов в этом смысле не исключение. Однако формирующие эту идею понятия у каждой группы товаров будут свои. Они могут быть интерпретированы как система запросов потребителя по отношению к товару.

Так, в рекламе пищевых продуктов идея качества реализуется посредством двух основных понятий: удовольствие и польза. Качественный продукт питания должен быть полезным и доставлять наслаждение, прочие достоинства товара являются либо причиной, либо следствием этих базовых характеристик. При этом необходимо отметить, что идея качества может быть эксплицирована в концепте качества, а может в имплицитном виде присутствовать в других концептах (исключительность, здоровье, экономичность и проч.).

Понятие удовольствия в рекламе пищевых продуктов связано в первую очередь с концептами вкуса, наслаждения (удовольствия), понятие пользы – с концептами здоровья и натуральности. Указанные концепты являются наиболее частотными в рекламе пищевых продуктов, что обусловлено спецификой самого товара.

2. Коннотативный компонент концептов

Совершенно очевидно, что основу рекламного пространства составляют концепты с максимально положительной оценочностью. Реклама формирует новую модель мира – мира душевности и беспроблемности, создавая в ментальной сфере адресата обширное информационное поле удовольствия, радости, успеха. В любом пособии по созданию рекламного текста можно найти указание следующего плана: «Установлено, что человек не стремится запоминать информационный материал, который вызывает негативные эмоции.... Положительные эмоции стимулируют субъект достичь цели, отрицательные – избегать объек-

тов, вызывающих неприятные состояния» [Мокшанцев, 2000: 35]. Поэтому копирайтеры стараются использовать в рекламном тексте исключительно позитивную информацию, что и формирует специфическую модель мира рекламы. Реклама создает «мир, в котором уютно жить; рождает настроение, которое хочется подхватить; вызывает приятные ассоциации; от души веселит и нежно успокаивает» [Блинкина-Мельник, 2003: 176]. Конечно, и в рекламном мире существуют проблемы, но они легко решаются с помощью рекламируемых продуктов. Характеризуя товар, копирайтер всегда прибегает к положительной оценке, при этом, как правило, многократно гиперболизирует ее. Так, мороженое "МаксиБон" от "Нестле" доставляет не просто наслаждение. Это - "максимикс из удовольствий, которые сведут тебя с ума!" Соки "ДигиДон" - это "двойное удовольствие", йогурт "Вкусника" - "вкуснее вкусного!"

Попытаемся определить, какого типа оценки реализуются в концептосфере рекламы пищевых продуктов. Н.Д. Арутюнова в работе "Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт" выделила следующие типы языковых оценок: сенсорно-вкусовые, психологические, эстетические, этические, утилитарные, нормативные и телеологические. Совершенно очевидно, что наиболее естественными для рекламы продуктов питания будут сенсорно-вкусовые (вкусный, приятный, душистый) и утилитарные (полезный, благоприятный) оценки. Анализ рекламных текстов подтвердил первоначальную гипотезу: действительно, такого рода оценок достаточно много. При этом интересно отметить, что если применительно к разговорной речи можно говорить о том, что характеристики продукта реализуются посредством антонимических противопоставлений (вкусный – невкусный, качественный – некачественный, полезный – вредный и т.д.) [Китайгородская, Розанова, 2003], то в рекламном дискурсе востребованным оказывается только левые члены указанных оппозиций.

сенсорно-вкусовые оценки:

Мороженое "Белый парус". Живите вкусно!

Йогурт "Фругурт". Вкусные радости каждый день!

Молоко вдвойне вкусней, если это "Милки Вэй"!

утилитарные:

Сок "100% Gold Premium", Натуральный источник витаминов.

Сок "Московский вкус". Здоровье Вашей семьи!

Сок "Basarabia 100% natural". Формула жизни: соки = здоровье + долголетие.

При этом достаточно часто утилитарная и сенсорно-вкусовая оценки используются одновременно: "Йогурт "Сливочное лакомство". Вкусно, полезно и здорово!", хлебцы "Fazer Crisp". Вкусная, полезная закуска в любое время".

Несмотря на то, что психологические (увлекательный, радостный, веселый, умный, интересный) и нормативные (правильный, нормальный, стандартный) оценки представляются менее естественными для характеристики пищевых продуктов, в рекламных текстах они представлены достаточно широко.

психологические

Умный завтрак "Несквик" (готовые завтраки для детей).

Минеральная вода "Благая весть". Умная минералка.

Мороженое "Фишка". Эскимо с орехами и веселой карамелью.

нормативные

"Бочкарев" - правильное пиво! С правильным пивом отдохнешь красиво!

Сухарики "Путёвые" - путёвый вкус!

Пиво "Оша". Привыкайте к хорошему пиву.

Шоколад "Нестле". Качество продуктов. Качество жизни.

Из всего спектра положительных нормативных оценок невостребованными оказались прилагательные типа "нормальный", "стандартный", поскольку понятие стандарта претит рекламной коммуникации: товар всегда позиционируется как уникальный, единственный в своем роде. Если попытаться определить, каким концептам соответствуют перечисленные типы оценок, то получится, что сенсорно-вкусовые оценки реализуют концепты вкуса и удовольствия, утилитарные - концепт здоровья, психологические - концепты здоровья и удовольствия (результат метафорического переноса), нормативные - концепт качества. В то же время некоторые примеры нормативных оценок сложно связать с каким-либо конкретным концептом. В подобных случаях мы имеем дело с диффузным концептом, содержание которого оказывается размытым, неопределенным. Примерами реализации такого рода диффузного концепта можно считать слоганы: "Бочкарев" – правильное пиво!", "Клинское" – продвинутое пиво!, "Сухарики "Путёвые" – путёвый вкус". "Путёвые" – качественные, вкусные, полезные? "Правильное пиво" – традиционное, национальное, вкусное, из натуральных компонентов? По-видимому, данные прилагательные ("путёвый", "правильный", "продвинутый") можно рассматривать как синкретичные в смысловом отношении: тогда речь идет об актуализации

нескольких концептов одновременно.

В меньшем объеме представлены в рекламе пищевых продуктов телеологические (эффективный, удачный), эстетические (красивый, прекрасный) и этические (нравственный, добрый, добродетельный) оценки как менее естественные для характеристики продуктов питания.

телеологические

"Активиа". Действует изнутри - результат налицо.

Сок "Dr. Fresh". Удачная покупка!

этические

Сок "Добрый".

Что касается характеристики эстетических качеств пищевых продуктов, то этот тип оценки практически не освоен рекламной коммуникацией. Это достаточно неожиданно, поскольку в повседневной жизни мы часто сталкиваемся с использованием различных модусов перцепции при оценке продукта питания (вкусно пахнет, вкусно выглядит). Иначе говоря, красиво оформленное блюдо воспринимается и как вкусное.

Учитывая тот факт, что корпус концептов, релевантных для пищевого дискурса, ограничен и основой способ позиционировать товар "не так, как другие", – варьировать способы введения этих концептов в рекламу, возьмем на себя смелость высказать предположение, что этические, эстетические и телеологические типы оценок – это та область, которую реклама, возможно, в скором будущем завоюет. В современном рекламном бизнесе все более прочные позиции занимает теория Разрыва Ж.-М. Дрю, согласно которой успешным может быть только нестандартное позиционирование продукта. Реклама должна удивлять, иначе брэнд будет очень сложно дифференцироваться в ситуации практической тождественности товаров. Поэтому сегодня компании постоянно ищут новые территории, стараются "вставить знакомую картину в новую раму" (Ч. Хэнди). В частности, это может быть связано с различными способами реализации концептов в рекламе.

3. Текстовая репрезентация концепта

В целом, на наш взгляд, репрезентация концепта в рекламном дискурсе дифференцируется либо на уровне позиции слова-концепта в рекламном сообщении, либо на уровне способов его (концепта) вербализации.

Значимые для рекламы пищевых продуктов концепты реализуются не только в рамках собственно рекламного текста, но и на уровне так называемых рекламных идентификаторов: имени

брэнда и упаковки товара. При этом данные "концептоносители" не менее важны, нежели основной рекламный текст, слоган и т.п. Имя брэнда, равно как и слоган, является рекламной константой, представляет товар во всех маркетинговых коммуникациях и формирует первичное впечатление о данной торговой марке. Что касается упаковки, то, по мнению ряда специалистов в области маркетинга, она не только содержит продукт, но еще и рекламирует его. "Связь между упаковкой и рекламой кажется вполне понятной и незыблемой: реклама оповещает о товаре, а упаковка доносит до покупателя основную идею, продает и часто продолжает продавать товар пока его используют" [Хайн, 1997: 114]. Кроме того, многие потребители информацию на упаковке (в отличие от рекламы) воспринимают как сообщение об объективных качествах продукта. Текст на упаковке должен убеждать покупателя в том, что его импульсивный выбор на самом деле достаточно благоразумен.

Итак, можно отметить, что для отдельных концептов различна позиция в рекламном сообщении, а некоторые, напротив, тяготеют к определенной позиции. Так, концепты вкус, наслаждение, национальное, качество, здоровье, исключительность как наиболее значимые для рекламы пищевых продуктов использованы и в имени продукта, и в слоганах, и в информации на упаковке.

Вкус

брэнд: шоколад "Вкус лета", йогурт "Вкусника", моментальная каша "Вкуснятина";

слоган: "Нежный вкус заботы" (йогурт "Данон"), "Раскуси секрет вкуса!" (печенье "Причуда"), "Вкус нежности!" (шоколад "Виспа");

информация на упаковке: "Нежный пломбир, очень вкусный" (мороженое "Волшебный фонарь"), "Вкусный вафельный рожок и холодное ореховое мороженое" (мороженое "Датский сюрприз"), "Макро-С - разнообразие вкусов. Макро-С - подарок со вкусом" (конфеты "Пусть все сбудется!").

Наслаждение

брэнд: йогурт "Услада", шоколад "Восторг", печенье "счастливым день";

слоган: "Фруктовое наслаждение" (соки "Гранини"); "Совмести приятное с приятным. "Сладко" - фабрика удовольствий" (кондитерская фабрика "Сладко"; "Где наслаждение, там "Я" (соки и нектары "Я");

информация на упаковке: "Охладись в жаркий день! Насла-

ждайся!" (мороженое "Дайс"); "Компания друзей, кружечка-другая пива - и хорошее настроение обеспечено (пиво "Толстяк").

Национальное

бренд: пельмени "Русские", шоколад "Русский", конфеты "Родные просторы";

слоган: "Балтика" - знаменитое пиво России" (пиво "Балтика"), "Знай наше пиво!" (пиво "Три богатыря"), "Россия - щедрая душа!" (кондитерская фабрика "Россия";

информация на упаковке: "Российское мороженое!" (мороженое "Зайка"), "Пиво тульских мастеров" (пиво "Арсенальное").

Качество

бренд: шоколад "Золотой фонд", мороженое "Олимп", сок "100% Солнечный";

слоган: "За качество отвечаю!" (пиво "Солодов"); "Привыкайте к хорошему пиву!" (пиво "Оша"); "Качество продуктов - качество жизни" (продукция компании "Нестле");

информация на упаковке: "Кэдбери" гордится качеством своей продукции (конфеты "Золотой фонд"); "У нас только качественная продукция" (мороженое "Оп-па", продукция "Нестле"); "Этот шоколад - чистое золото" (кондитерское объединение "Россия"),

Здоровье

бренд: сок "Тонус", йогурт "На здоровье!", сок "Чемпион";

слоган: "Здоровье без лекарств!" (хлебцы "Самарские"), "Ваш организм работает как часы" (йогурт "Данон"), "Для тех, кто заботится о здоровье!" (масло "Золотая семечка");

информация на упаковке: "В 200 г. продукта содержится 26 % рекомендуемой дневной нормы употребления кальция!!!" (йогурт "Yoghougho"), "С витамином" (печенье "Принц").

Исключительность

бренд: пельмени "Сибирская знать", пиво "Богемское", мороженое "Магнат";

слоган: "Благородное из Сибири" (пиво "Сибирская корона"), "Царские пряники" - царское застолье (пряники "Царские"), "Роллтон" - горячая поддержка для гурманов (продукты "Роллтон");

информация на упаковке: "Мороженое особое шоколадное с орехом" (мороженое "Магнат"); "В этих конфетах, изготовленных по уникальной рецептуре, использован шоколад произведенный из лучших какао-бобов, и воздушный рис" (конфеты "Доминго").

Концепт волшебство (тайна, сказка) представлен в имени

бренда ("Чудо-йогурт", мороженое "Волшебный фонарь", шоколад "Сказочный миг") и в рекламных слоганах ("Милка". Сказочно нежный шоколад"; пиво "Три медведя". Сказка для взрослых!"), но не нашел отражения в информации на упаковке. Это совершенно естественно: информация на упаковке всегда мимикрирует под сообщение объективного толка, в отличие от рекламы, которая часто выполняет роль чародея, апеллируя к подсознательной тяге человека к чудесному.

Концепт новизны как нерелевантный для позиционирования пищевых продуктов почти не используется в наименовании (молочные продукты "Нео") и в слоганах ("Открывай новое вместе с J 7"), но активно эксплуатируется копирайтерами в сообщениях на упаковке: "Московская кондитерская фабрика "Большевик" предлагает вам новинку в гамме вафельных тортов (торт "Причуда"); "Внимание! Впервые в России ООО "Сабред" производит глубокую очистку зерна, а именно моет его" (хлебцы "Самарские"); "Новейшие технологии и высокое качество" (мороженое "Мисс Клубника").

Частотность концепта "традиционное", весьма значимого для концептосферы рекламы в целом, оказывается достаточно низкой в рекламе пищевых продуктов, где он встречается только в информации на упаковке и практически всегда выступает как дополнительный. В сущности, его функция - формировать позитивный имидж компании-изготовителя и за счет этого реализовывать идею качества рекламируемого товара: "Данон". Производство йогуртов с 1918 года"; "Пиво "Staropramen". "Staropramen" – вековые традиции пивоварения из мировой столицы пива – Праги".

Как можно было заметить по приведенным выше примерам, концепты достаточно часто выступают не изолированно, а в сочетании с другими концептами. Анализ рекламных сообщений показал, что в рекламе пищевых продуктов существуют следующие наиболее частотные комбинации концептов (в рамках одной и той же композиционной части в рекламе):

концепт вкуса + концепт удовольствия: мороженое "Лакомка"; "Вкусные радости каждый день!" (слоган йогурта "Фругурт"); "Йогурт с прекрасным вкусом персика - настоящее лакомство для взрослых и детей" (информация на упаковке йогурта "На здоровье!");

концепт вкуса + концепт качества: "Высокое качество, изысканный вкус" (упаковка конфет "Доминго"); "Неповторимый вкус и безупречное качество сделали "Хольстен" одной из самых по-

пулярных марок пива"; "Триумф в производстве и изысканный вкус!" (мороженое "Триумф"); "Вкус сока "Rio Grande" - само совершенство";

концепт национальное + концепт традиционное: "Пельмени "Домашние". Приготовлены в исконно русских традициях" (информация на упаковке); "Нестле". Шоколад приготовлен по традиционному швейцарскому рецепту"; "Мороженое "Олимп. Классический, настоящий русский пломбир"; "Пиво "Сибирь". Изготовлено немецким пивоваром по технологии 1516 г";

концепт традиционное + концепт качества: "Пиво "Волга". Пиво сварено для Вас согласно русской традиции пивоварения. Современная технология обеспечивает постоянно высокое качество"; "Гарантией качества мороженого серии "Умка" является использование только качественных продуктов, современных технологий и богатого опыта отечественных производителей!"; "Вкус и качество, проверенные временем" (+ концепт вкуса);

концепт вкуса + концепт здоровья: "Вкусно, полезно и здорово!" (упаковка йогурта "Фруттис"); "Полезное и вкусное мороженое "Несвик""; "100% натуральный гранатовый сок. Вкус сока "Rio Grande" - само совершенство".

Необходимо отметить, что, сочетая в рекламном сообщении концепты вкуса и здоровья, копирайтеры корректируют модель мира реципиента, устраняя стереотип, согласно которому вкусное не может быть полезным.

Совершенно очевидно, что комбинирование различных концептов возможно не только в рамках одного структурного элемента рекламного сообщения, но и в разных компонентах текста. В этом случае в рекламе того или иного продукта могут быть реализованы сразу несколько концептов:

Майонез "Чудесница". Чудеса бывают! 100% вкуса и в четыре раза меньше калорий! (концепты волшебства, вкуса и здоровья).

Конфеты "Восхищение". Вкус и качество, проверенные временем (концепты наслаждения, качества, вкуса и традиционности).

Нежный, мягкий кефир "Домик в деревне" приготовлен из настоящего деревенского молока (концепты здоровья, наслаждения и национального).

Наряду с комбинированием нескольких концептов в рекламном сообщении, копирайтеры достаточно часто прибегают к дублированию одного и того же концепта и в имени продукта, и в слогане, и в информации на упаковке. Примерами такой много-

векторной подачи концепта служат рекламные тексты йогуртов "Вкусника" (концепт вкуса), "Активиа", "Виталиния", "На здоровье" (концепты здоровья), сока "100% Gold Premium" (концепт качества) и др.:

"Активиа" (бренд). Действует изнутри – результат налицо (слоган). Неправильный режим питания и ежедневный стресс нарушают внутренний баланс нашего организма. Поддерживать его поможет "Активиа" от "Данон". Только "Активиа" содержит уникальные бифидобактерии Essensis. Положительное воздействие "Активиа" было продемонстрировано в ходе научных исследований. Таким образом, "Активиа" помогает нам чувствовать себя здоровыми (информация на упаковке).

"Вкусника" (бренд). Вкуснее вкусного! (слоган). Йогурт с прекрасным вкусом лесной ягоды – настоящее лакомство для взрослых и детей (информация на упаковке).

"На здоровье!" (бренд). Продукты "На здоровье!" – подвигам подспорье! (слоган). Йогурт активизирует белковый, углеводный и жировой обмен, подавляет деятельность гнилостных бактерий и негативную микрофауну вашего организма. Ежедневно выпивая стакан настоящего живого йогурта, Вы забудете о плохом самочувствии, дискомфорте в желудке (информация на упаковке).

Усиление концепта за счет его многократного повторения оказывается оправданным с точки зрения и "закона фокуса", сформулированного Э. Райсом и Дж. Траутом, и теории уникального торгового предложения Р.Ривса. По мнению первых, необходимо "владеть неким словом", с которым и будет ассоциироваться рекламируемый продукт. Судя по тем примерам, которые приводят авторы ("Volvo" владеет словом "безопасность", "Jaguar" – скорость, "Danon" – "здоровье"), речь идет о том, что связь между базовыми для рекламы концептами и какими-либо конкретными компаниями порой оказывается очень прочной, что позволяет фирме занять свою нишу на рынке товаров и услуг. Р. Ривс также подчеркивает: нужно предложить потребителю одну-единственную, но "сильную" выгоду, поскольку потребитель склонен запоминать из рекламного объявления только нечто одно: либо один сильный довод, либо одну сильную мысль. Побочные доводы могут придать уникальному торговому предложению дополнительную глубину, но в то же время они рассеивают внимание реципиента. Поэтому специалисты по созданию рекламных текстов советуют делать акцент только на одном преимуществе и осуществлять "позиционирование отно-

сительно отличий" (Дж.Траут) на всех уровнях рекламы и во всех рекламных форматах. Достаточно часто компания владеет несколькими брэндами, каждый из которых "уникален". Так, в приведенных примерах "Вкусника" и "На здоровье!" – брэнды компании "Манрос-М", но при позиционировании своих продуктов производитель "сделал ставку" на разные концепты: вкус и здоровье.

Специфика репрезентации концепта в рекламном сообщении может быть связана не только с его позицией в тексте, но и с различными способами вербализации этого концепта:

а) прямые номинации. Концепт «вкус»: Вкусно, полезно, здорово (йогурт «Фруттис»); Вкусный вафельный рожок и холодное ореховое мороженое! (мороженое «Детский сюрприз»). Концепт «национальное»: шоколад «Русский», пельмени «Старорусские», шоколад «Иркутск», «Балтика» - знаменитое пиво России» (слоган пива «Балтика»). Концепт «чудо»: «Чудо-йогурт», торты «Причуда», «Чародейка». Очень важен эпитет: классический ~ неповторимый ~ уникальный~ изысканный вкус;

образные номинации: концепт «вкус»: вкусные радости, вкус лета, нежный вкус заботы, живите вкусно, легкий вкус соблазна. Фруктовое наслаждение, царские пряники – царское застолье, сливочное лакомство (концепт «наслаждение»);

окационализмы: йогурты «Вкусника», «Виталиния», «Активиа»; масло «Доярушка», мороженое «Джемка»;

прецедентные феномены: марки пива «Три богатыря», «Три медведя», «Обломов», «Красный Восток», «Адмирал Колчак», шоколадные изделия «Сказки Пушкина», мороженое «Волшебный фонарь», «Щелкунчик», «Олимп», пельмени «Три поросенка»;

устойчивые словосочетания, паремии, иногда модифицированные: Знак хорошего вкуса (чай «Липтон»), Мороженое на все вкусы (мороженое «Арамис»), Совмести приятное с приятным (кондитерская фабрика «Сладко»), Чистое золото (сок «100% Gold Premium»), Этот шоколад – чистое золото (кондитерское объединение «Россия»), Действует изнутри. Результат налицо (йогурт «Активиа»); Ваш организм работает как часы (йогурт «Данон»); Открывая этот пакет, Вы отдаете должное своему здоровью...(Сок «Чемпион»), И волки сыты, и бабки целы (пельмени «Три поросенка»).

Итак, концептосфера рекламы пищевых продуктов достаточно предсказуема. 70% рекламных концептов апеллирует к общечеловеческим абсолютным ценностям: Добро, Надежность,

Красота, Любовь, остальные 30% формируют особую – рекламную – картину мира, центральными понятиями которой являются Новизна, Удобство, Вкус, Неповторимость, Естественность, Легкость. Причем рекламные концепты мифичны, сказочны и потому взаимозаменяемы. «Молочные продукты Нео – идеи новой жизни». В этой формуле на месте первого члена может стоять все что угодно: от телевизора до детских подгузников, и такая повторяемость концептов – закон рекламного дискурса как специфической семиотической системы массовой культуры, для которой важна повторяемость и «чистота» жанра [Руднев, 1997: 158]. Некоторые исследователи утверждают, что современная реклама нивелирует национальное своеобразие и исходит из гипотезы об антропологическом тождестве потребителя по всему миру [Паршин, 2001]. Анализ рекламного пищевого дискурса позволяет предположить, что он развивается по пути сочетания интернационального и национального: и в названиях, и в слогах и в видеоряде все чаще присутствуют национальные ценности: вспомним сок «Добрый», в рекламе которого старый садовод говорит о яблочках, выращенных на своих шести сотках, причем «без всякой химии», рекламную кампанию молочных продуктов «Домик в деревне», многочисленные марки пива, использующие прецедентные имена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
2. Блинкина-Мельник М.М. Рекламный текст. Задачник для копирайтера. М.: ОГИ, 2003.
3. Дрю Ж.-М. Ломая стереотипы. СПб, 2002.
4. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Тема пищи в повседневной разговорной речи: характеристики еды сквозь призму актуальных противопоставлений // Московский лингвистический журнал. - 2003. - том 6. - № 2.
5. Мокшанцев Р.И. Психология рекламы. М., 2000.
6. Паршин П.Б. Модели мира современной российской рекламы / Текст. Интертекст. Культура. М, 2001.
7. Райс Э., Траут Дж. Позиционирование: битва за узнаваемость. СПб, 1999.
8. Ривс Р. Реальность в рекламе. М., 1969.
9. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1997.
10. Хайн Т. Все об упаковке. СПб, 1997.

© Кузьмина Н.А., Терских М.В., 2005

Дзюба Е.В.

КОНЦЕПТЫ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ПОЭЗИИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Исследование идиостилей выдающихся мастеров слова – одно из наиболее актуальных направлений современной лингвистики.

Художественный текст представляет собой систему языковых средств, выражающую представления автора об окружающем мире. В результате личного когнитивного опыта в сознании поэта или писателя формируются концептуальные структуры – фрагменты индивидуально-авторского знания о мире, которые находят свое выражение в текстовом пространстве. При исследовании специфики художественного мышления поэта, авторской концептуальной системы могут быть эффективно использованы методики, созданные в рамках антропоцентрического направления науки, в том числе когнитивистики, психолингвистики и психопозетики (В.П. Белянин, Л.Г. Бабенко, Н.С. Болотнова, А.А. Залевская, Ю.В. Казарин, Ю.Н. Караулов, В.А. Пищальникова, Ю.А. Сорокин, Н.В. Черемисина и др.). Анализ художественной ткани произведения позволяет выявить закономерности индивидуального отражательного процесса, а, следовательно, закономерности художественного мышления и воображения того или иного автора.

Важно отметить, что целесообразность подобных исследований определяется не только самоценностью фактов, связанных с изучением закономерностей художественного мышления и мироощущения, но и тем, что индивидуальный когнитивный опыт художника как культурно-языковое явление становится составной частью коллективного опыта познания мира. Д.С. Лихачев подчеркнул, что «далеко не все люди в равной мере обладают способностью обогащать «концептосферу» национального языка ... Особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям (особенно поэтам)...» [Лихачев, 1997].

Очевидно, что М. Цветаева как «самый крупный поэт XX века» [Бродский, 1997] внесла достойный вклад в развитие «концептосферы национального языка». Однако когнитивнолингвистического исследования поэтических текстов данного автора до настоящего времени предпринято не было.

Определяющая многое в поэтическом сознании и творчестве М. Цветаевой проблема жизни и смерти была рассмотрена с разных сторон: в философском ключе [Лаврова, 1994; Лосская, 1994 и др.], в литературоведческом [Бабушкина, 1998; Венцлова, 1996; Федосеева, 1992; Фрейдин, 1994 и т.д.] и культуроло-

гическом аспектах [Осипова, 1995]. Однако интересно рассмотреть ассоциативный потенциал концептообразований жизнь и смерть в поэзии М. Цветаевой.

Творчество М. Цветаевой, хотя и чрезвычайно самобытное, формировалось в едином культурном потоке с творчеством выдающихся мыслителей мира (от Платона, Сократа, Зенона, Эпикура, Сенеки и т.д. до представителей европейской мысли – А. Шопенгауэра, З. Фрейда – и отечественной культуры: Н. Федорова, В. Соловьева, Л. Шестова, Н. Бердяева, В. Розанова и мн. др.). Так, например, в основе построения цветаевского поэтического мира лежит идея «двоемирия» [Ельницкая, 1990; Коркина, 1990 и др.], восходящая к учению Платона. Идея пренебрежения внешней жизнью и тяготения к смерти, самоубийству сопоставима с рассуждениями о смерти А. Шопенгауэра, З. Фрейда, Н. Бердяева и др. Мысль о превращении человеческого существа после физической смерти в органическое вещество, ставшее основой будущей жизни (ср.: Кто дома не строил – земли недоостин. Кто дома не строил – Не будет землю: Соломой – золою...), сближает поэта с идеями «русского космизма. Идея о том, что залогом вечной жизни человека являются его духовные потенции (креативные возможности, способность испытывать истинные чувства и т.п.) перекликается с учениями русских философов: В. Соловьева, Н. Бердяева, Л. Шестова и др. Таким образом, цветаевская концепция бытия – небытия развивалась в общем культурном потоке с другими философско-поэтическими системами конца XIX – начала XX веков.

При анализе поэтического наследия М. Цветаевой можно выявить доминантные смыслы концепта жизнь и смерть, среди которых методом сопоставления с данными современной лексикографии выделяются объективные и индивидуально-авторские смыслы концепта.

Среди объективных смыслов субстанции жизнь, составляющих ядро концептосферы, выделяются следующие: жизнь – это 1) “окружающий мир, внешнее бытие”; 2) “период существования человека”; 3) “образ существования человека”; 4) “проявление биологической жизни человека, животного, растения”; 5) “полнота проявления духовных сил, внутренняя жизнь человека” (многие из них представлены лексикографическим материалом). Индивидуально-авторские смыслы являются производными от ядерных, объективных компонентов. Развитие личностных смыслов концепта в поэзии М. Цветаевой проходит в следующих направлениях: 1) абсолютизация значения (развитие семантики

в сторону обобщения); 2) расширение имеющегося в языке объема значимости слова-концепта жизнь за счет внесения дополнительных коннотативных оттенков (наращивание объективных смыслов с помощью эмоционально-оценочного компонента); 3) символизация объективного значения; 4) ограничение сферы функционирования слова-концепта; 5) семантическое углубление; 6) актуализация обстоятельственных смысловых компонентов; 7) конкретизация объективных значений; 8) включение в структуру концепта ориентационно-темпоральных смыслов; 9) актуализация перцептивных и аксиологических (10) семантических компонентов.

Объективные концептуальные смыслы субстанции смерть в поэзии М. Цветаевой соотносятся со значениями концепта жизнь, но отмечаются знаком отрицания: смерть – 1) “противоположность бытия, жизни”, 2) “прекращение существования человека или животного”, 3) “прекращение биологической жизни живого существа”. Индивидуально-авторское осмысление смерти осуществляется в направлении конкретизации общего понятия смертного процесса и образного представления данной субстанции, а также актуализации пространственно-временных, перцептивных и аксиологических параметров смерти.

Особенности выявления и описания отдельных концептуальных смыслов можно показать на примере ориентационно-темпоральных компонентов концептуальных структур. Среди ориентационных параметров жизни существенны такие измерения: горизонтальное, связанное с экзистенциальным бытием (ср.: жизнь – путь, дорога), вертикальное – с субстанциональным (ср.: на земле – по направлению ввысь – под небом...); открытое (жизнь – пустыня, поле, море) и реже замкнутое (дом, жилище и т.д., которые скорее существуют в душевном, нежели земном пространстве); экстравертированное – “густонаселенное”, то есть насыщенное (ср.: жизнь – рынок, барак) и интровертированное – “пустынное” (жизнь – пустыня, жизнь в одиночестве).

Среди пространственных характеристик смертного состояния встречаются: 1) определенно локальные (ср.: быть / находиться / спать / лежать в земле / под землей / в гробу / под доской; при этом нахождение тела человека в гробу связывается с ощущением неюта, тесноты, одиночества, ср.: Тесно ей кажется в новой кровати...; В могиле тесной всегда ль темно...; Ему ведь не к кому прижаться В своем гробу...); 2) неопределенно локальные, указывающие лишь направление нахождения тела человека после смерти (ср.: там, вниз, внизу); 3) образные

репрезентанты идеи пространственной организации состояния в смерти, которые обусловлены многовековой поэтической традицией – мифологической и религиозной (ср. топографические характеристики смерти, связанные, по мифологическим представлениям, с морской темой: нисходящая речная лестница, слепо-текущая Лета, острова, где обитают умершие; характеристики, обусловленные религиозными представлениями: быть в аду, поlying в аду, гореть в адовом огне).

Оригинальными номинациями локуса смерти являются образы пустоты, бездны, дыры (так, смерть предоставляет возможность освобождения от тесноты (тела и даже гроба) и расширения пространства посредством вхождения человека после момента умирания в пространство Космоса, Вселенной); знаки-символы порогового состояния смерти, связанного со сменой онтологических плоскостей – горизонтальной на вертикальную (ср.: дверь, дорога; путь (в том числе – морской), рельсы, железная дорога, вокзал; мост).

Изучение лексических показателей категории времени жизни в поэзии М. Цветаевой позволило выявить следующее: экзистенциальное бытие явлено как определенно- и неопределенно-соотнесенное и измеренное (при этом актуализируется идея календарной, исторической, возрастной соотнесенности, ср.: Рождение – падение в час...; Загадочный век мой – хорош...; В век турбин и динам Только жить, что калекам!; Век пятилетний так счастливо прожит...); субстанциональное бытие представляется неопределенной длительностью (ср.: Твой нежный образ вечно мил, Им сердце вечно жить готово...) или понимается как вне-временная сущность (ср.: ...Двадцатого столетья – он, Я – до всякого столетья...; Ибо мимо родилась Времени!; Время! Я тебя миную...; Все признаки с меня, все меты, Все даты! – как рукой сняло...). Таким образом, экзистенциальное бытие в поэтическом сознании М. Цветаевой трактуется как “подвластное времени”, “измеримое, соотнесенное с какими-либо явлениями”; субстанциональное бытие “неизмеримо, абсолютно”; при этом “собственную жизнь лирическая героиня связывает с субстанциональным временем”.

Темпоральные концептуальные смыслы смерти в поэзии М. Цветаевой таковы: “время смертного состояния – это 1) “собственно момент умирания как переходное состояние из бытия в инобытие, которое характеризуется определенной длительностью”; 2) “неопределенная длительность, связанная с идеей абсолютной конечности человека (ср.: умереть навсегда, навек)”;

3) “абсолютная длительность, не зависящая от человека, не упорядоченная сознанием, то есть безвременье, актуализирующее идею инобытия человека, вечную жизнь его души и духа”. При этом, как показало исследование, временная характеристика момента умирания прочно связана в поэтическом сознании М. Цветаевой с локализацией умершего и сменой онтологических плоскостей: неопределенно-длительному времени, связанному с разрушением тела человека (умереть навек, навсегда – о теле), соответствуют неопределенно- и определенно-локализованные состояния (быть / лежать / спать в земле, в гробу; находиться внизу, направляться вниз, быть на низком месте); определенно-временные характеристики смертного состояния (смертный день, час), а также идея “быстроты”, “кратковременности”, “внезапности” наступления смерти связана с локальными образами медиумного значения (дверь; река, мост; железная дорога, рельсы, вокзал); время как абсолютная длительность (...день, в котором нет числа...) соотносимо с локализацией души и духа человека на небесах или в поднебесном, надземном пространстве – пространстве инобытия.

Посредством обнаружения точек семантического притяжения и отталкивания концептосфер жизни и смерти в поэзии М. Цветаевой выявляется новый концепт – инобытие. Выяснилось, что в зрелом творчестве М. Цветаевой намечается поэтика «уравнивания противоположных сущностей», которая проявляется на семантическом уровне (наличие общих смысловых компонентов концептов жизнь и смерть), образом (наличие общего образа, например, двери как порогового состояния жизни и смерти) и на языковом уровне (представление слов-концептов, противоположных по значению, в синтаксической роли однородных членов предложения; помещение наименований данных субстанций в одинаковый контекст), ср.: Я столько раз хотела жить И столько умереть!; Я и жизнь маню, я и смерть маню В легкий дар моему огню...; Жизнь и смерть произношу с усмешкой Скрытую...; Жизнь и смерть давно беру в кавычки, Как заведомо – пустые сплеты...; Жизнь и смерть произношу со сноской, Звездочкою... и т.д. Семантическая близость понятий жизни и смерти, являющихся в поэтическом сознании М. Цветаевой одинаково неценными, неистинными, приводит к выводу о наличии иного бытия, которое одинаково противопоставлено и жизни, и смерти (ср.: Нет ни жизни, нет ни смерти, – третье, Новое...).

Таким образом, в поэтическом сознании М. Цветаевой утверждается инобытие – субстанциональное, качественно иное

бытие, бытие в ином пространстве, ином измерении. Именно инобытие представляется поэту истинным, так как «перешедший», «перекочевавший», «переселившийся» в иное измерение обретает и иное видение (ср.: Не ушам смертного – Единожды в век слышимый Эпический бег – Скифии!; Для тех, отрешивших последние звенья Земного... На ложе из лож Сложившим великую ложь лицезренья, Внутрь – зрящим...).

Оригинальным является представление поэта о вечном Космическом, вселенском бытии, в котором пребывает человеческая субстанция до рождения в свет / мир / в дни ... Родиться, по М. Цветаевой, значит стать смертным, бrenным, тленным, ничтожным (ср.: Не родиться бы лучше...), то есть “способствовать собственному разрушению” (ср.: С заоблачных нигдешних скал, Младенец мой, Как низко пал! Ты духом был, ты прахом стал... – о рождении человека; Плачь, маленький, и впредь, и вновь: Рождение – паденье в кровь, И в прах, И в час...; Бренные руки и бrenные губы Слепо разрушили вечность мою...). Смерть представляется поэту возвращением в состояние вечно-го блаженного покоя, в котором пребывала субстанция человека до его рождения, ср.: Отче, возьми в назад, В жизнь свою, отче...; Возвращение в жизнь – не обман, не измена. Пусть твердим мы: «Твоя, вся твоя!» чуть дыша, Все же сердце вернется из плена, И вернется душа...(ср. при этом: В теле ...как в тюрьме...); Смерть, маленький, не спать, а встать, Не спать, а вспять...; Когда же, Господи, На жизнь мою сойдет Спокойствие седин, Спокойствие высот. Когда ж в пратишизну Тех перво-голубизн Высокое плечо, Всю вынесшее жизнь... (здесь: семантически нагруженными являются окказионализмы пратишизна и первоголубизна, подчеркивающие наличие *пра-бытия, в котором пребывала субстанция человека до рождения и о котором осталась память; жизнь при этом – всего лишь определенный этап, который должен вынести лирический субъект).

Инобытие в поэтическом воображении М. Цветаевой наделяется рядом специфических характеристик: отмечается временными и пространственными параметрами. Инобытие представляется поэту Новым годом (“начальная фаза инобытия”) и характеризуется как “непрерывное, неподвижное, абсолютное, хронологически неизмеренное бытие”.

Среди ориентационных характеристик в поэтике М. Цветаевой встречаются традиционные и индивидуально-авторские. Традиционные (определенно- и неопределенно локальные) характеристики соотносятся с религиозными представлениями о

небесном царстве. Индивидуальное осмысление локуса инобытия связано с представлением автора об “отдаленном”, “обширном пространстве”. Наиболее оригинальными являются локальные номинации, представляющие своеобразную топографию инобытия, изоморфную земной топографии (ср.: пространство инобытия – это: новые земли, неземные широты, жаркие страны, страны дальние, безвестный край, осиянный град, белый дом, вечный дом, неземной дом, прохладный сад; райская гавань, страна за морем).

Исследование показало также, что в поэзии М. Цветаевой не менее существенным является другое представление пространства инобытия – пребывание в «символическом» пространстве души и духа человека, то есть в «пространстве текста» (собственного творчества) и в памяти последующих поколений (ср.: И если где-нибудь ты есть – Так в нас...).

Важно обозначить языковые приемы, которые являются средством репрезентации концептуальных смыслов жизни и смерти в поэтических произведениях М. Цветаевой, среди которых наиболее частотны:

1) явление «семантической регенерации» (термин построен по аналогии с предложенным Л.В. Зубовой: «этимологическая регенерация»), заключающейся в возвращении слову первоначального значения, очищении от метафорических и символических компонентов, приращенных многовековым опытом употребления;

2) явление «переключения витальной семантики на другие объекты живой и неживой природы, артефакты, абстрактные понятия» с целью их “оживления”, одухотворения, необходимого лирической героине для создания хоть какой-либо “уютности” внешнего мира;

3) явление табуирования мортальной лексики, «эвфемизации смерти», то есть отказа поэта от прямых номинаций мортального процесса;

4) явление типизации витальных и мортальных ситуаций, формирование фреймовых структур, ср.: “жизнь – торговля”; “смерть – сон”; “смерть – садоводство, полеводство”.

Например, последняя ситуация поддерживается такими компонентами:

- субъект названного ранее действия – «верховная» сила (Смерть-садовница, Смерть-лесник, палач и т.п.);

объект манипуляций верховной силы – лирическая героиня М. Цветаевой, метафорически названная растением, деревом,

цветком, колосом, плодом;

действие, совершаемое указанным субъектом по отношению к объекту – “уничтожение” (здесь: срезание, отсечение кроны дерева);

место действия – поле, сад, лес;

орудие совершения действия: рука смерти, коса, серп, жернов, цеп...

(ср.: Подойдет и поглядит Смерть – усердная садовница...; В мыслях об ином, инаком, И ненайденном, как клад, Шаг за шагом, мак за маком – Обезглавила весь сад. Так, когда-нибудь, в сухое Лето поля на краю, Смерть рассеянной рукою Снимет голову мою...; Где отступается Любовь, Там подступает Смерть-садовница. Само – что дерево трясти! – В срок яблоко спадает спелое...; Отче, возьми в закат, В ночь свою, отче! Празднуя ночи вход, Дышат пустыни. Тяжко – как спелый плод – Падает: – Сыне!; Пускай лесник в рубахе красной Отделит купол от ствола, Чтоб мать не мучилась напрасно, Что не одна в ту ночь спала...; ...как спелый колос, Мы клонимся от тяжести своей...).

Таким образом, исследование концептуальных структур жизни и смерти в поэзии М. Цветаевой показало, что поэт создает собственную “философию бытия”, не тождественную религиозно-догматической философии небесного рая, но являющую собой философию «космогонического» бытия, или инобытия человека высокого духа. Так, внимание поэта к экзистенциальным проблемам человечества выводит его в сферы реально неосязаемого, неизведанного, непознаваемого – а потому вечно влекущего к себе – бытия.

© Дзюба Е.В., 2005

**Дударева З.М.
Стерлитамак**

КОНЦЕПТ ЧАС В РУССКОМ И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ

Представления о времени – важный компонент этнического сознания, отражающие специфику развития и самосознания этноса. Восприятие времени свидетельствует о культурных стереотипах нации, о специфике национальной картины мира [Гуревич, 1969; Дмитриук, 2000]. Как показывают лингвистические исследования, концептосферы разных народов существенно отличаются и по составу концептов, и по принципам их структурирования, что нагляднее всего проявляется в рамках контрастной лингвистики [Попова, Стернин, 2002: 90]. По мнению О.А. Корнилова, сопоставление «одноименных терминосистем в разных национальных языках наиболее ярко демонстрирует

различие, несовпадение признаков, которые кладутся в основу номинации. Такие контрастные описания – суть демонстрации национально-индивидуального отображения единого содержательного инварианта» [Корнилов, 1999: 66].

Русское слово «час» уже неоднократно привлекало внимание специалистов. Так, Г.В. Звездова, рассматривая русскую именную темпоральность в историческом и функциональном аспектах, обращает внимание на тот факт, что слово *časъ имело в славянских языках весьма широкое, но в основном временное значение, при этом слово могло иметь как общее значение времени, так и значение временного отрезка, мига [Звездова, 1996: 120-121]. Далее автор пишет, что исследованный материал, а также данные исторических и этимологических словарей позволяют представить **часъ** как типичный пример слова-синкреты, которое одновременно содержит и конкретное и общее значение, потому что уже в самых ранних памятниках древнерусской литературы слово **часъ** используется и в значении астрономического часа, и в значении «время вообще», и в значении «временной момент, миг» [Звездова, 1996: 124-122]. Д.Г. Ищук полагает, что в период XVIII – XIX в. существительное **час** сохраняет все оттенки ранней темпоральной семантики (от общего временного значения до обозначения краткого отрезка времени), однако становится актуальным и входит в формирующуюся терминологическую систему исчисления времени значение «мера времени, $\frac{1}{24}$ часть суток, состоящая из 60 минут или 3600 секунд» [Ищук, 1995: 113].

Аналогичные исследования ведутся и на материале башкирского языка. Так, Р.Х. Халикова называет слово **cefet** (час) в числе темпоральных заимствований из арабского языка, которые встречаются в языке башкирских шежере и актовых документах XVIII – XIX вв. [Халикова, 1990: 54, 173]. Р.Г. Ахметьянов указывает, что рассматриваемое слово происходит из арабского **саат**, что первоначально означало «кол», поскольку время измерялось по тени, отбрасываемой столбом солнечных часов [Ахметьянов, 2001: 173].

Семантическая структура лексем **час** и **cefet**, представленная в толковых словарях, характеризуется почти полной идентичностью, что, на наш взгляд, связано с влиянием русского языка на башкирский. Оба языка актуализируют терминологическое значение «единица времени, равная $\frac{1}{24}$ части суток (60 минут)», например: **бер cefetke hynlay** – опоздать на час.

Cefet и **час** функционируют также как единицы суточного

времени, начало отсчета которых ведется с момента наступления полудня или полуночи. В этом качестве они могут употребляться в сочетании с числительными и нередко конкретизируются именами прилагательными, образованными от названий частей суток: **иртенге – утренний, кондозго – дневной, кiske – вечерний, тонго – ночной**, например: **иртенге сefет биш** пять часов утра; **кiske сefет етеле** – в семь часов вечера и т.д.

Следует заметить, что употребление башкирских темпоральных прилагательных в этом случае может довольно сильно отличаться от привычного обозначения или отнесенности события или явления к определенной части суток. Рассмотрим следующий контекст: **Февраль баштарында** һеммебезге бер юлы «кесе лейтенант» тиген звание олештелер, баштан аяк япы обмундирование бирзелер. Числонын һигезенде, **тонго сefет унда...** вокзалға йунелдек (М.Карим). – «**В начале февраля** нам всем одновременно присвоили звание «младший лейтенант». Восьмого числа, **в десять часов ночи...** мы направились к вокзалу». Вместо привычного **в десять часов вечера – кiske сefет унда** мы наблюдаем «переход» на ночное обозначение указанного момента времени.

Подобное обстоятельство в отношении обозначений периодов суток связано, по мнению О.А. Корнилова, с понятием **ФОКУСА** категории. Есть основания предполагать, – пишет автор, – «что фокусы временных концептов могут не совпадать в разных языках даже в тех случаях, когда объемы понятий совпадают». Основываясь на личном опыте, ученый предполагает, что, «к примеру фокус китайского *zhao shag* находится существенно «раньше», чем фокус русского **утром**. Смысл китайской фразы, переводимой как «многие китайцы по утрам занимаются у-шу», может не совсем адекватно восприниматься русским человеком, чей фокус утра располагается в интервале от 7 до 9 часов. Китайцы же занимаются своей национальной гимнастикой значительно раньше – начиная с 4 часов. Сам иероглиф *zhao* означает не только «утро», но и «рано», поэтому возможное в русском языке словосочетание позднее утро (10-11 часов утра) труднопереводимо на китайский язык, поскольку противоречит национальной китайской логике, отраженной во внутренней форме языка: «позднее рано» [Корнилов, 1999: 202]. Отметим, кстати, что по этой же причине: обозначение понятий «утро» и «рано» одним словом **ирте** – словосочетание **позднее утро** отсутствует и в башкирском языке.

Вернемся к непривычному обозначению вечернего времени

суток **тонго сәфет унда**. О.А. Корнилов пишет далее в своей работе, что возможно и такое явление, «как наличие двух прототипов (или двух фокусов) категории, в частности, это относится к русскому языку и связано с очень сильными различиями между периодами суток в летний и зимний сезоны. Фокус зимнего вечера находится значительно «раньше» фокуса летнего вечера, а его прототип связан с уже наступившей темнотой, в то время как прототип – летнего вечера – это еще светлое время суток» [Корнилов, 1999: 202]. Все сказанное, в силу единого географического положения, относится и к башкирскому языку, однако, если в русском языке наличие двух фокусов не отражается на выборе лексических единиц – обозначений суточного деления времени, то в башкирском мы наблюдаем «смещение» обозначения временного плана. Отметим, что языковое отражение двух указанных выше фокусов находится на периферии башкирского концепта, так как характеризуется малой распространенностью, слабым показателем частотности.

Обращает на себя внимание, что лексема **час** чрезвычайно «действительна», и это не случайно. Указательное местоимение в данном случае как раз выполняет роль дискретора, так как из общего кода времени вычленяется то или се время, временной момент [Звездова, 1996: 124]. Исследователь отмечает, что в текстах и раннего и позднего периода древнерусского языка встречается довольно много контекстов, которые допускают двойное толкование словосочетаний типа **сей часъ, тотъ часъ** в плане «время вообще – момент», поскольку действия субъектов в подобных случаях не связаны непосредственно: одно действие развивается на фоне другого или они происходят параллельно. Однако уже в Изборнике 1076 г. встречается контекст, когда одно действие является результатом другого, и в этом случае действительная формула употребляется в значении «сразу, мгновенно». История русского языка показывает, что подобная тенденция начала превалировать, и на базе значения «то время», «тот момент» развивается новое значение «сразу, мгновенно», которое сопровождается изнутри частеречным преобразованием и появлением наречий **тотчас, сейчас** [Звездова, 1996: 124].

Сочетание слова **сәфет** с указательным местоимением **шул**, сохраняет прежнюю двуплановость. Оно может обозначать время вообще, если действия субъектов не связаны непосредственно: **Шул сәфет** кемдер береу килде (Ш.Бабич). – «В это время кто-то пришел». В контексте же, где действия субъектов связаны

причинно-следственными отношениями, дейнтическая формула **шул сefет / шул сefетте** имеет значение «сразу, мгновенно», ср.:

Быны куреп, Йософ миһырбанлык кылды,
Кулын кутереп, хозайфа доға кылды...

Шул сefетте кар – ямфыр за туктап калды (Кисса о Юсуфе).

- «Увидев это, Юсуф проявил сострадание,
Воздев руки, он помолился...

И **сразу** (букв. в тот же час) непогода прекратилась».

Подобное значение мгновенности закрепилось за башкирским фразеосочетанием **сefете менен** «очень быстро, сразу, мгновенно, срочно».

В отдельных случаях одному словосочетанию башкирского языка могут соответствовать различные темпоральные понятия русской языковой системы. Так сочетание **сefет һайын** («каждый час») может указывать на кратность, повторяемость означаемых событий, явлений, ср.: Ул миңе **сefет һайын** шылтыратып торзо. – «Он звонил мне **каждый час**. В этом случае возможно использование количественных числительных, определяющих интервалы кратности: **ике (ос) сefет һайын – каждые два (три) часа**. Это же сочетание – **сefет һайын** – может обозначать характер видимых изменений, усиление какого-либо признака, ср.: Нунеп барған ихатаға **сefет һайын** йен ине барзы (Ф.Исангулов). – «Угасающий двор **с каждым часом** стал оживать». Употребление количественных числительных в подобных контекстах становится невозможным.

Основное различие концептов **час** и **сefет** связано с их периферией, где располагаются фразеологизированные словосочетания, пословицы и поговорки. В составе концепта, репрезентированного словом **час**. Это такие формулы, как **час от часу, роковой час, звездный час, битый час, час пробил, час настал; делу время, потехе час; русский час долог; много часу у бога впереди** и др., которые показывают осмысление концепта в разное время, при разных обстоятельствах.

Периферия башкирского концепта **сefет** характеризуется почти полным её отсутствием. Башкирская паремиология не актуализирует в своем составе указанный концепт, что лишний раз подтверждает мысль о «равнодушии» башкир к обозначениям коротких промежутков времени.

Приведем достаточно показательный, на наш взгляд, пример национальной обусловленности временных приоритетов. Русскому выражению **расти не по дням, а по часам** соответст-

вует стандартная фраза башкирского фольклора **йыл усеһен ай ускен, ай усеһен кон ускен** (букв. за месяц он рос, как за год, а за день – как за месяц). Если в русском выражении мы наблюдаем оппозицию **день – час**, символизирующую противопоставление длительных и коротких промежутков времени, то башкирская триада **год – месяц – день** относит последнюю единицу именно к системе коротких промежутков.

Из устойчивых сочетаний в структуре башкирского концепта **cefet** следует отметить, пожалуй, лишь выражение **текдир cefete** в значении «смертный час (предопределенный роком)», которое имеет ограниченную религиозными рамками сферу употребления: Межусизерзе шундай инанью булфан: ип тоғро эт хужаһына тәғейенленген ежелде **текдир cefetenде** уzene кабул ите, имеш (М.Карим). – «Язычники верили, что самый верный пес будто бы принимает на себя в **смертный час** смерть, предназначенную его хозяину».

Итак, сопоставление концептов **час** и **cefet**, принадлежащих русской и башкирской национальным концептосферам, показывает наличие множества сходных элементов, характеризующих ядро указанных концептов, при полном несовпадении их периферийной структуры. Башкирская паремиология не актуализирует указанный концепт, что исторически связано, на наш взгляд, с «равнодушием» к вербализации коротких промежутков времени.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань, 2001.
- 2.Гуревич А.Я. Время как проблема культуры // Вопросы философии, 1969, № 3.
- 3.Дмитрюк С.В. Образ времени в сознании носителей русской и английской культур // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 2000.
- 4.Звездова Г.В. Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах. Дисс. ...д.ф.н. Липецк, 1996.
- 5.Ищук Д.Г. Лексико-семантическое поле как выражение концептуальной модели времени в языке (на русско-славянском материале). Дисс. ...канд.филол.наук. СПб., 1995.
- 6.Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999.
- 7.Логический анализ языка. Язык и время. Под ред. Н.Д.Арутюновой. М., 1997.
- 8.Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике.

тике. Воронеж, 2002.

9.Халикова Р.Х. Язык башкирских шежере и актовых документов XVIII – XIX вв. М., 1990.

© Дударева З.М., 2005

Моисеев А.А.

Екатеринбург

«МИЛИТАРНЫЕ ОБРАЗЫ» В ПОЭЗИИ Е. ЛЕТОВА

(к проблеме интертекста)

Русская рок-поэзия, являясь частью русской рок-культуры в целом, не может не содержать в себе того пафоса, который присущ русскому року как совокупности социальных позиций, эстетики и мироотношения. В СССР рок-культура в силу ряда причин идеологического характера носила гораздо более бунтарский характер, нежели на Западе, поэтому в рамках русского рока более активно создаются и функционируют тексты на военную тему. Милитарные образы предельно ясно и четко воплощают ситуацию борьбы.

Егор Летов – представитель наиболее радикального направления в рок-поэзии. Радикализм его проявляется как в текстах и музыке, так и в социальной позиции («Я всегда буду против!»). Милитарные образы в творчестве Е. Летова достаточно разнообразны. Названия некоторых альбомов («Война», «Так закалялась сталь», «Боевой стимул», «Хроника пикирующего бомбардировщика») вкупе с элементами оформления обложек (артиллерийское оружие, плачущий немецкий офицер в форме периода Второй мировой войны) отсылают нас к военным реалиям. У Летова есть целый пласт стихов, в которых так или иначе используются образы и символы военных действий: «Вернулся из армии», «Мы идем по засохшей траве...», «Бери шинель», «Война», «Они сражались за родину», «Философская песня о пуле» и др. Целью данной публикации является выявление роли интертекстуальных связей в формировании «милитарного текста» в поэзии Егора Летова.

При анализе стихотворений Егора Летова мы выявили несколько пластов текстовых реминисценций (реминисценцию мы понимаем как «осознанные или неосознанные, точные или преобразованные цитаты и иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [Супрун, 1995: 17]). Это:

1. Отсылки к революционной песне и поэзии 1920-х годов.

Этот пласт интертекста в большинстве случаев выполняет функцию обличения и связан в основном с планом социальной

жизни. Подобные отсылки есть в текстах: «Повезло», «Зомби», «Второй эшелон», «Так закалялась сталь», «Отряд не заметил потери бойца», «Дрызг и брызг».

В стихотворении «Повезло» перед нами ироническое осмеяние советского социума и самого автора как представителя этой системы:

В родной стране умирать роднее.
Мой единственный шанс – это быть сильнее.
Но от тайги до Британских морей
Красная армия всех сильнее.

Лирический герой осознает бесполезность борьбы с тоталитарным строем, но призывает и не отказываться от нее. Жизнь в таком обществе без попыток борьбы достойна, по мнению героя, лишь презрения:

Продолжая своим животом дорожить,
Истекая слюною, всем нравится жить.

В стихотворении «Зомби» весь мир (культура, цивилизация, планета в целом) предстает зомбированным. А начинается зомбирование с событий революции и гражданской войны 1918 – 1921 годов:

По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед...
Дивизия зомби.

Летов пародирует язык лозунгов и официальный язык советских газет:

Гармоничные структуры таят сокровища всемирной культуры

Культуры зомби...
Вызывают шквал оваций чудеса цивилизации
Цивилизации зомби...

Чтоб функционировали наши дети нужен порядок на всей планете

Планете зомби...

Лозунги выполняют функцию символа бессубъектности, неавторизованности речи. Речь становится анонимной, и личность в таком случае, по сути, нивелируется. Лозунг – выражение некой «массовой» мысли или идеи, но именно таким образом за словами и теряется конкретный Человек. Стирается даже семантика личных местоимений: за «мы» не стоит ничего, кроме пустоты. Любой лозунг становится в трактовке Летова штампом. Социальное же обличие представлено интертекстуальными вариациями. В стихотворении «Второй эшелон» моделируется сознание «среднего» советского человека эпохи тоталитаризма.

Однако сквозь «голос масс» пробивается голос лирического субъекта, который, являясь частью бездушного общества, отличается от остальных тем, что осознает происходящее, дает себе отчет в этом:

По горло в земле, предавая и чавкая
Легкими мыжигаем
Скорбное мясо беззвучных времен.

Цитата из «Варшавянки», в свою очередь, помогает дать утрированный вариант-схему мировоззрения массового человека:

Вихри враждебные веют над нами
Темные силы нас злобно гнетут
В бой роковой мы вступили с врагами
И это причина для всех оправданий!

Близкая ситуация представлена и в стихотворении «Так закалялась сталь»:

Предательского дядю повели на расстрел
Хорошенькую тетю потащили в подвал
В товарные вагоны загружали народ
Уверенные папы продолжали учить:
Так закалялась сталь!

Реминисценция из романа Н. Островского в принципе не теряет значения, которое эта фраза имела в претексте: речь идет о поколении «новых» людей, «выкованных» революцией 1917 года. Однако сама внутренняя суть этого нового поколения, его характер, а также методы «заковки» показаны с точностью до наоборот: новое поколение формировали расстрелы, насилие, ссылки и демагогические лозунги высшего руководства. Глаголы со значением процессуальности («повели», «потащили», «загружали», «продолжали») подчеркивают протяженность этих процессов во времени.

С несколько иной целью Летов обращается к прецедентным текстам [Караулов, 1986: 105.] эпохи 1920-х годов в стихотворениях «Отряд не заметил потери бойца» и «Дрызг и брызг».

В первом стихотворении дается отсылка к стихотворению М. Светлова «Гренада»:

Звездочка упала в лужу у крыльца
Отряд не заметил потери бойца.

Если в стихотворении Светлова автор не принимал примата общего над частным, но уважал жертву во имя общего правого дела, то Е. Летов рассматривает жертву как бессмысленную. Следствием этого является смысловой параллелизм между образами убитого бойца и мотылька:

Глупый мотылек
догорал на свечке
Жаркий уголек,
дымные колечки.

Вторая строфа – это перечисление следствий, и смысл их в том, что никаких изменений к лучшему со смертью бойца не произошло:

Мертвый не воскрес
Хворый не загнулся
Зрячий не ослеп
Спящий не проснулся.

В расположении этих фраз есть особая логика – от словосочетаний с семантикой отсутствия чуда (первая строка) автор идет к словосочетаниям с семантикой отсутствия нормы; именно так подчеркивается бессмысленность жертвы. И только природа у Летова, как и у Светлова, скорбит о погибшем: в «Гренаде» «сползла на бархат заката слезинка дождя», у Летова – «звёздочка упала в лужу у крыльца» (хотя возможна также трактовка «звездочки» как звезды, упавшей с погон). Таким образом, присутствующий в прецедентном тексте романтический ореол дискредитируется Летовым: в нашем обществе любая жертва бессмысленна – и это, на наш взгляд, основная мысль текста.

Сходная мысль выражена посредством интертекста в стихотворении «Дрызг и брызг». Образ «неуловимых мстителей» из одноимённого культового фильма о гражданской войне создаётся по принципу оксюморона, – это абсурдная ситуация погони «наоборот»:

Неуловимые мстители настигли меня.

В наиболее общем виде романтический идеал многих поколений соотносится со злой силой, адекватной «четырнадцати воронам», в стихотворении «Вороны»:

Я бежал по шоссе.
Позади
Растянувшись осенней цепочкой
Меня преследовало
14
Чёрных птиц.

Изначально романтическое, таким образом, вновь дискредитируется, приобретая статус враждебного всему человеческому.

2. Второй пласт реминисценций отсылает нас к произведениям о Великой Отечественной войне («Бери шинель...», «Они

сражались за Родину», «Никто не хотел умирать»).

Конкретно-исторические события наталкивают поэта на метафизические обобщения. Видимо, это связано с тем, что Отечественная война воспринимается Летовым совсем по иному, нежели события начала века, в результате которых к власти пришла диктатура, детерминировавшая тоталитарный советский строй. Отечественная война, в свою очередь, есть священная битва всего народа с общим врагом, поэтому ирония и сарказм в данном случае неуместны. Приведем наш вариант интерпретации стихотворения «Бери шинель»:

В первой строфе стихотворения описывается ситуация появления героя в некоем месте и обращения к его обитателям: герой самоуверен и даже нагл, он бросает свои вопросы как вызов:

Кто здесь самый главный анархист?
Кто здесь самый хитрый шпиён?
Кто здесь самый мудрый судья?
Кто здесь самый удалой госпождь?
Неба синь да земли конура.
Тебя магазин да меня дыра
Пока не поздно – пошел с ума на х..!
Пока не поздно – из крысы прямо в ангелы.

Третья и четвертая строки позволяют понять, что пришел герой не куда-нибудь, а «на тот свет», и обращается он не к кому иному, как к богу. Герой ищет себе подобного, и этот поиск приводит его на небеса; перед нами ситуация ухода из жизни, причем расставание с жизнью приравнивается к возвращению домой с войны («Бери шинель - пошли домой»). Строка Окуджавы не теряет своего первоначального смысла, он лишь во много раз усиливается: окончание войны в тексте-источнике предстает у Летова и как окончание земной жизни.

«Они сражались за Родину», наверное, одно из самых сложных для понимания стихотворений Летова. Оно воспринимается только с учетом всего контекста летовского творчества.

Они сражались за Родину
Свирепо целовались на виду у всей вселенной
Бродили яко по суху по шалой воде
Сеяли зной, пожинали апрель.

Безусловно, Родина здесь – не столько место, сколько состояние. Задолго до этого текста Романом Неумоевым (близкий друг Егора Летова и соавтор многих его литературных и музыкальных произведений, вместе с Я. Дягилевой и К. Рябиновым

составляли костяк «сибирской ветви» русского рока) была написана песня «Родина»: «Смерть – это место для тех, кто жив / Это место встречи тех, кто ходил босиком по алмазной ржи. / Смерть – это родина...»). Е. Летов показывает состояние максимальной выраженности жизни во всех ее проявлениях. В его художественном мире нет, наверное, понятий «плохо» или «хорошо», но есть понятия «честно», «полностью», даже «назло»... В таком состоянии человек почти равен Богу («Бродили яко по суху по шалой воде»). Интересно, что максимализация жизни подчеркивается и стилистически: автор почти не использует нейтрально окрашенные слова. Его герои целовались «свирепо», теряли память «решительно»; их радость «раздирающая», «горючее» и «ледяное» зерно в этом мире и т.д.

Таким образом, название фильма о Великой Отечественной, не теряя своего первоначального смысла, обретает и смысл надвременной, метафизический.

Дальнейшее развитие размышления о подлинности (смерти) и фальши (жизни) приобретают в стихотворении «Свобода».

Как платил Незнайка за свои вопросы
Что скрывал последний злой патрон
И чему посмеивался Санька Матросов
Перед тем как Шишел-Мышел п...рнул вышел вон?
Как бежал за солнышком слепой Ивашка
Как садился ангел на плечо
Как рвалась и плавилась последняя рубашка
Как и что обрел-обнял летящий Башлачев?
Партизан спалил в п...ду родную хату
Завязался в узел ремешок
Эх, распирает изнутри веселую гранату
Так чем всегда кончается вот такой стишок?
Это знает моя Свобода
Это знает моя Свобода
Это знает мое Поражение
Это знает мое Торжество.

Егор Летов ставит знак равенства между Свободой, Поражением и Торжеством, но парадоксальным это может показаться только на первый взгляд.

Александр Матросов, идущий на амбразуру, чему-то «посмеивается»; «Летящий» из окна Башлачев что-то «обрел обнял»; партизан спалил «родную хату». Но, возможно, они знают, что там, в ином мире, ждет их нечто лучшее, чем на земле. Стремясь к абсолютной Свободе, они проходят через формаль-

ное, земное Поражение и обретают то, что искали, а следовательно – Торжествуют.

Итак, при создании милитаристских текстов Е. Летов активно использует цитаты из произведений, так или иначе связанных с образами и мотивами войны, сражения, битвы. Эти цитаты в подавляющем большинстве случаев отсылают нас к произведениям XX века. Аллюзии к реалиям революции и гражданской войны служат, как правило, обличению, а основными средствами выразительности являются сарказм, гротеск и ирония. Кроме того, реминисценции из произведений о Великой Отечественной войне служат созданию надвременного, метафизического образа войны как вечной битвы. В общем контексте поэзии Егора Летова «милитаристский» текст занимает важное место. Он помогает раскрыть новые грани сквозного для всего летовского творчества мотива борьбы и плотно с ним связанного мотива смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егор Летов. Я не верю в анархию. М., 1997.
2. Егор Летов, Яна Дягилева, Константин Рябинов. Русское поле экспериментов. М., 1994.
3. Караулов Ю.Н. Из опыта реконструкции языковой личности // Литература, язык, культура. М., 1986.
4. Козицкая Е.А. «Чужое» слово в поэтике русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. Тверь, 1998.
5. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковые явления. // Вопросы языкознания. 1995. №6.

© Моисеев А.А., 2005

Олешков М.Ю.
Нижний Тагил

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ В ДИДАКТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Под дидактическим взаимодействием понимается система взаимно обусловленных индивидуальных действий субъектов образовательного процесса, когда поведение каждого из участников выступает одновременно и стимулом, и реакцией на поведение остальных. Важнейшей составляющей такого взаимодействия является *дидактическая коммуникативная ситуация* (последовательность коммуникативных актов в процессе речевого общения на уроке), непосредственно определяющая эффективные средства взаимодействия, а также обеспечивающая определенный уровень эффективности воздействия на обучаемых со стороны обучающего (учителя). При этом возникает про-

блема релевантности речевых действий педагога, позволяющих ему успешно решить определенную коммуникативную задачу в условиях дидактического общения на стратегическом и тактическом уровнях.

Одной из категорий лингвопрагматики, которая во многом определяет выбор "учительской" коммуникативной стратегии и непосредственно влияет на успешность усвоения учебной информации учащимися, является такая категория дискурса, как пропозиция.

Пропозиция - инвариант значения ряда предложений, парадигматически связанных преобразованиями, обусловленными различием коммуникативных задач соответствующих высказываний (утверждение, вопрос, приказ и т.д.). Она реализует основные - дескриптивную и инструментативную - функции языка, представляя ситуацию, по поводу которой строится данное высказывание, и определяет выбор адекватных языковых структур.

Понятие «пропозиция» возникло в формальной логике, затем оно было заимствовано когнитивной психологией и лингвистикой, в первую очередь, лингвистикой текста, в целях описания семантического или информационного содержания текста.

Когнитивная психология, используя различные виды нотаций для передачи значения предложений, обратилась к понятию *пропозициональной репрезентации*. В 70-х годах XX века появилось несколько работ о таких пропозициональных репрезентациях, включая теории Андерсона и Бауэра, Кларка, Фредериксена, Кинча и др.

По мнению Дж. Андерсена, "пропозиция — самая маленькая единица знания, которая может быть отдельным утверждением; т.е. это самая маленькая единица, истинность или ложность которой имеет смысл оценивать" [Андерсон, 2002: 148-149].

При этом считается, что информация представлена в памяти таким способом, который сохраняет значение простых утверждений, но не сохраняет никакой информации об их формулировке. Ряд пропозициональных нотаций представляет информацию абстрактным способом. Так, В. Кинч считает каждое суждение своеобразным "списком", содержащим *отношение*, после которого следует список *аргументов*. Отношения организуют аргументы и обычно соответствуют глаголам, прилагательным и другим относительным понятиям. Аргументы относятся к конкретному времени, месту, людям и объектам и обычно соответствуют существительным [Kintsch, 1974].

А.В. Зеленщиков, рассматривая пропозицию как носителя

1) истинностного значения, 2) абстрактной сущности, способной стать значением предложения, и 3) содержания интенционального (ментального) состояния говорящего, приходит к выводу, что пропозиция во всех интерпретациях отражает функциональную природу языка и выражается в предложении либо как дескриптивный, либо как креативный модус репрезентации пропозиционального концепта (или положения дел). "Пропозиция тесно связана с истинностным значением высказывания, определяя способ его интерпретации: высказывание либо рассматривается как истинное или ложное, в зависимости от соответствия или несоответствия слов заданному миру, либо выполняется или не выполняется, в зависимости от соответствия или несоответствия мира заданным словам" [Зеленщиков, 1997: 208-209].

Т. Гивон [Givón, 1988] указывает на то обстоятельство, что с пропозицией связана основная информация, передаваемая предложением и представленная в нем. В коммуникации, осуществляемой текстами, структуры информации, как правило, включают в себя более одной пропозиции и являются полипропозициональными единствами.

Н.Д. Арутюнова отмечает, что "понятие пропозиции прошло следующие этапы развития: 1) сначала оно соответствовало целостному суждению, как определенной форме мысли, состоящей из модуса утверждения и диктума; 2) затем оно было определено как «объективированное» содержание мысли, отделенное от субъективной модальности и непосредственно соотнесенное с обозначаемым «положением дел», как если бы постоянным спутником пропозиции был модус утверждения, а единственным ее назначением — «портретирование», воспроизведение фрагментов действительности, что позволяло пропозиции сохранить связь с истинностным значением; 3) наконец, термин «пропозиция» был применен к значению той части любого предложения, той семантической структуре, которая способна соединяться с любым «модусом коммуникативной цели», т. е. с глаголами, выражающими целенаправленность речевого акта" [Арутюнова, 2003: 34].

Таким образом, пропозиция является базовой единицей обработки информации в тексте («семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций» [ЛЭС, 1990: 401]).

Т. А. ван Дейк и В. Кинч [1988], разрабатывая модель интерпретации текста, указывают на определяющую роль пропози-

циональных стратегий в процессах порождения и понимания текста. Суть этих стратегий раскрывается в идентификации пропозициональных цепочек и установлении связи между ними.

Считается, что содержательная структура текста представляет собой не просто перечень (набор) содержащихся в нем пропозиций, но между последними существуют отношения иерархии: некоторые из пропозиций "выше по рангу", некоторые занимают подчиненное по важности положение. При "извлечении" из памяти прочитанного или услышанного текста первыми приходят на память пропозиции высокого ранга. Таким образом, тематическое устройство текста можно представить в виде иерархии ("лестницы") пропозиций.

Распределение информации также происходит на уровне пропозиционирования, причем в тексте/дискурсе пропозициональная структура не сводится к простой последовательности пропозиций, соответствующих отдельным частям (как в предложении), а представляет собой *макроструктуру*, или *макропропозицию*. Макропропозиция определяет тему дискурса, причем если тема индивидуального высказывания обусловлена тем, как информация, содержащаяся в нем, распределяется линейно, то тема дискурса указывает на то, как его содержание организовано иерархически [Dijk, 1981]. В то же время, по нашему мнению, хотя при определенных условиях распределение информации может рассматриваться как способ преодоления *линейности* и *однаправленности* развертывания текста/дискурса, особенности конкретного развернутого высказывания не всегда позволяют говорить об обязательной иерархии содержания.

В контексте нашего исследования актуальным является определение роли пропозиции в дидактическом тексте/дискурсе. Решение этой проблемы связано с вопросами когнитивной лингвистики и теории информационных структур.

Рассмотрим проблему пропозиционирования в дидактическом дискурсе на примере анализа фрагментов урока литературы в 10 классе общеобразовательной школы (речь учителя представлена без редакторской правки).

Ну, например, Николай Александрович Добролюбов. Откройте 36-ую страницу в своём учебнике и посмотрите. Я не смогла найти портрет, тем более мы не в своём кабинете. Николай Александрович Добролюбов – это замечательный русский критик, поэт. Им нельзя не восхищаться. В 13 лет он уже имел достаточные знания, которые накопил в впечатлениях от книг. Он основательно читал книги, записывал книгу в реестр. Реестр

– это слово можно перевести как читательский дневник. Да? Сначала аннотации к книге у него были краткие, вот такие же, как мы с вами писали. Но потом всё более и более становились подробные отзывы, что привело к тому, что он стал писать критические статьи, то есть с детства он это делал. А потом о любви к чтению свидетельствует стихотворение, детское стихотворение Добролюбова, но в общем-то смысл-то в нём заложен глубокий. Это мечта Добролюбова о том, чтобы у всех было очень много книг, о том, чтобы всё познать и чтобы передать это людям.

В модели когнитивной обработки текста Т.А. ван Дейка и В. Кинча [1988] выделяются стратегии установления значимых связей между предложениями текста. Авторы объединяют их под общим названием стратегий *локальной когерентности* (связности), то есть считают, что основной задачей понимания является конструирование (адресантом) локальной связности (ср. в нашем примере *Откройте...; посмотрите...; записывал в реестр...; Реестр - это...; Сначала...; но потом...*).

Информация производится и воспринимается говорящими и слушателями в конкретных ситуациях, в рамках широкого социокультурного контекста. Поэтому восприятие и обработка дискурса - не просто когнитивное, но в то же время и социальное событие. Фактически, пользователи языка воспринимают информацию, заключенную в соответствующем тексте, на основе имплицитно известного им социального контекста.

Когерентность (смысловая связность) дискурса связана с реализацией *текстообразующей функции* распределения информации в тексте/дискурсе. В процессе коммуникации информация передаётся порциями, каждой из которых соответствует пропозиция. Фактически, пропозиция выступает как единица обработки информации. Высказывания в дискурсе связаны настолько, насколько связаны соответствующие им пропозиции. Можно сказать, что в коммуникативном акте на уровне текста структура информации, как правило, включает в себя более одной пропозиции и является полипропозициональным единством. Связность пропозиций, обеспечивающая когерентность дискурса, зависит от степени адаптивности «нового» к объёму включенного «данного». В нашем примере "цепочка", обеспечивающая пропозициональную линейность дискурса, выглядит так: *Добролюбов (1), русский критик, поэт (2), читательский дневник (3), критические статьи (4) и т.д.* Распределяя информацию по отдельным пропозициям и выстраивая линейную пропо-

зиционную цепочку, учитель создаёт "направленный" в информационном плане текст. Наряду с линейной, существует вертикальная зависимость элементов дискурса - «сверху вниз». Вертикальная связь обеспечивает глобальную связность частей текста по отношению к теме всего дискурса [Макаров 2003: 139]. Темой дискурса, представленной в виде макропропозиции, в анализируемом фрагменте является *Добролюбов - читатель*.

Создавая текст, адресант рассчитывает на предполагаемое информационное состояние адресата (в нашем примере учащиеся знакомы с ранее изученными разделами школьного курса русской литературы), которое и позволяет ему, распределяя информацию по отдельным пропозициям и выстраивая линейную пропозициональную цепочку, устанавливать информационную когерентность текста. При этом, по нашему мнению, следует учитывать такой фактор, как *пропозициональная синхронизация*, под которым понимается процесс поэтапного соответствия сообщаемых (и усваиваемых) единиц информации в рамках речевого взаимодействия.

Знания об окружающем мире актуализируются в определенные моменты при помощи оперативной или долговременной памяти. При этом актуализация знаний носит избирательный характер, и, в конечном счете, активированная область знаний предстаёт как некий концепт, ментальный образ, отражающий процессы мыслительной деятельности, как квант знания, которым человек оперирует в процессе мышления и слухового восприятия. Таким образом, изложение учебного материала учителем возможно представить как активизацию в сознании ученика тех ментальных образов, которые должны стать основой для возникновения новых. Выбор слова (в широком понимании) должен быть строгим: «Чем больше совпадают сферы мыслительного содержания коммуникантов, тем выше (при прочих условиях) вероятность адекватного понимания информации, совпадения передаваемого и воспринимаемого смысла» [Мурашов, 2001: 35]. Этот процесс, который можно определить как *когнитивный резонанс*, обусловлен тенденцией к намеренному ограничению имплицитных значений. Важно, чтобы интерпретативная деятельность учащихся была сведена к минимуму, что на этапе сообщения школьникам новой для них информации достигается исключением не прямой коммуникации. Поэтому, выбирая средства языкового выражения и "выстраивая" цепочку пропозиций, учителю необходимо осознавать, активизирует ли данное слово предполагаемый

концепт.

Кроме того, основываясь на собственной логике "создания" дидактического текста в процессе речевого взаимодействия, учитель должен последовательно "продвигаться" от одного кванта информации к другому (от одной пропозиции к другой), синхронизируя этот процесс с ментальной областью учащихся, обеспечивая оптимальные условия адекватного восприятия нового знания. Процесс активизации, заключающийся в «способности говорящего фокусировать своё сознание лишь на ограниченном фрагменте мира в каждый данный момент», был выделен и описан У. Чейфом. Основываясь на этом положении, он вводит понятие «интонационная единица». Интонационная единица соразмерна ровно с одной предикацией, т.е. именно с одним квантом актуализированного на данный момент знания. [Chafe, 1993]. Такой подход представляется вероятным в контексте понимания дискурса как системы объединенных квантов.

Так как концепты находятся не в разрозненном, хаотичном состоянии – им присуща некоторая упорядоченность и отнесенность (концепт является итогом познавательной деятельности человека и семантической категорией наиболее высокой степени абстракции), то их объединяет некий общий семантический контекст. Именно поэтому пропозициональная синхронизация и призвана обеспечивать когнитивный резонанс в процессе передачи информации от адресанта к адресату.

В научной литературе существуют разные представления об организации концептов, по сути, они не отличаются принципиально, а только дополняют друг друга.

Так, Франсуа Реканати вводит понятие «ментальная энциклопедия». Под "ментальной энциклопедией" Ф. Реканати подразумевает «всю совокупность персональных знаний, переживаний, ассоциаций, представлений, концепций и т.д., оформленных в некую целостную систему» [Recanati, 1996]. Информация в «ментальной энциклопедии», по мнению Ф. Реканати, представлена в виде различных досье, или интенциональных окон. Фактически, наличие «ментальной энциклопедии» является непременным условием для адекватной интерпретации высказывания. В нашем примере досье *Николай Александрович Добролюбов* "хранится" у десятиклассников в ментальной энциклопедии в интенциональном окне *русская литературная критика*. Таким образом, контекст для каждого высказывания не "дается", но "избирается". В связи с этим интерпретация высказывания рассматривается как активизация ("извлечение из") определенных

участков энциклопедической памяти, которые бы соотносились с ситуацией. Слово учителя задает направление, которое должно привести к нужному участку «ментальной энциклопедии» ученика.

Таким образом, распределяя информацию по отдельным пропозициям и выстраивая линейную цепочку на основе пропозициональной синхронизации, учитель создаёт "направленный" в информационном плане текст, восприятие которого учащими-ся происходит более эффективно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Дж. Когнитивная психология. СПб., 2002.
 2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М., 2003.
 3. Арутюнова Н.Д. Пропозиция // ЛЭС. М., 1990.
 4. Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М., 1988. - С. 153-211.
 5. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность. СПб., 1997.
 6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
 7. Мурашов А.А. Педагогическая риторика. М., 2001.
 8. Chafe W. L. Prosodic and functional units of language // Talking Data: Transcription and Coding in Discourse Research. - Hillsdale; London, 1993.
 9. Dijk T. A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague, 1981.
 10. Givon T. Mind, Code, and Context. - Hillsdale, 1988.
 11. Kintsch W. The representation of meaning of memory. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1974.
 12. Recanati Fr. Domains of discourse // Linguistics and philosophy. - Dordrecht; Boston, 1996. - Vol. 19. - № 5. - P. 445-475.
- © Олешков М.Ю., 2005

Панин В.В.

Тюмень

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современной лингвистике значительное внимание уделяется изучению языка в тесной связи с культурой говорящего на нем народа. Не последнее место при этом занимает исследование проявлений в языке устойчивых культурно-национальных представлений – стереотипов. Термин “стереотип” был впервые введен американским журналистом У. Липпманом в работе “Общественное мнение” (1922). В лингвистике используется,

прежде всего, понятие “языковой стереотип”. Ю.Е. Прохоров определяет языковой стереотип как “субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально вырабатанных познавательных моделей” [Прохоров, 1983: 72].

По мнению Г. Денисовой, в основе создания и функционирования стереотипа лежит локальная ассоциация к образу объекта, принцип выбора которой основан на ряде причин: а) на выделении “не своего” признака, позволяющего создать некий обобщающий образ-символ “не своего” и определить его место в системе “своего”; б) на выделении “своего” признака, находящегося “не на своем” месте; в) при отсутствии признака, позволяющего отнести определенное явление к “своему” образу действительности, “не своему” приписывается тот признак, который будет наиболее ярко отмечен носителями системы “своего образа” [Денисова, 2000: 204].

Одним из видов стереотипов являются этнические стереотипы, отражающие обобщенные представления о характерных чертах того или иного народа. Под этническим стереотипом мы вслед за Л.П. Крысиным понимаем “стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или собственный этнос” [Крысин, 2003: 458]. Этнические стереотипы получают языковое выражение в виде слов, словосочетаний, фразеологизмов, пословиц и поговорок, синтаксических конструкций.

Рассмотрим некоторые средства выражения этнических стереотипов в английском языке. Отдельные названия национальностей, помимо своих основных значений, в результате вторичной номинации приобрели переносные значения, в которых зачастую проявляется стереотипное отношение к представителям данных этносов: Chinese *амер. сл.* “сделанный шиворот-навыворот, неудачный”, to Jew (от сущ. Jew) “торговаться, мошенничать”, Scotch *амер. разг.* “скупой, прижимистый”, Turk “жесткий, грубый человек, тиран”.

Стереотипы могут быть выражены в языке также в виде этнических прозвищ. Большое количество таких прозвищ фиксируется в американском варианте английского языка, что объясняется многообразием национального и расового состава США. Представляется целесообразным отметить следующие типы ассоциаций, лежащих в основе функционирования стереотипов, выделяющихся в этнических прозвищах.

1) Ассоциации с внешними отличиями, например:

- цветом кожи: *brownskin, charcoal, crow, darky, shadow американиский негр*; *red, red-skin индеец*; *yellow-belly, yellow man китаец, японец*; *chalk, lily-white, pale белый американец*;

- особенностями анатомического строения (форма губ, носа, разрез глаз): *bootlips, broad-nose, thicklips, wooly-head американский негр*; *almond-eye, li'l eyes, slant-eye, squint-eyed китаец, кореец, японец или другой выходец из стран Восточной Азии*; *hook-nose, eagle-beak еврей*.

2) Ассоциации, базирующиеся на специфичных чертах национальной культуры. Это могут быть:

- предметы одежды: *blanket-indian индеец*; *blue-bonnet, kiltie шотландец*; *cloak-and-suiter еврей*; *wooden-shoe голландец*; национальные символы: *harp ирландец* (арфа - символ Ирландии);

- гастрономические пристрастия или названия традиционных блюд: *rice-belly китаец*; *lime-juicer англичанин* (сок лайма традиционно подавался к столу на английских кораблях); *frog, frog-eater француз*; *hans-wurst, sauerkraut, sausage немец*; *goulash венгр*; *potato-eater ирландец*; *macaroni, spaghetti итальянец*; *motza еврей* (по названию еврейского пасхального хлеба); *bean-eater, chili-eater, enchilada-eater, pepper, taco-eater мексиканец*.

Разнообразный и богатый материал для изучения этностереотипов в лингвистическом аспекте может дать исследование фразеологии. Как справедливо отмечает В.А. Маслова, “фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы” [Маслова, 2001: 82].

Рассмотрим английские фразеологизмы, главным компонентом которых является слово-этноним, выделенные нами путем сплошной выборки из “Большого англо-русского словаря” под редакцией Ю.Д. Апресяна и “Англо-русского фразеологического словаря” А.В. Кунина.

Значительное количество фразеологизмов английского языка с этнонимом в качестве главного компонента составляют фразеологизмы, содержащие слово Dutch “голландский, голландец”. Вероятно, данный факт обусловлен географической близостью, культурными контактами, политическим и экономическим соперничеством между Великобританией и Голландией. Практически во всех значениях данных устойчивых словосочетаний прослеживается негативно-оценочная характеристика. Чаще всего в таких фразеологизмах компонент Dutch символи-

зирует нечто “плохое, ненастоящее, ненадежное”: Dutch comfort *слабое утешение* – т.е. то, что не может утешить; Dutch defence *защита для видимости* – т.е. слабая, ненадежная защита; Dutch gold *медная фольга* – т.е. ложное, фальшивое золото; Dutch treat *угощение, когда каждый платит за себя сам* – т.е. ненастоящее угощение. Ряд таких фразеологизмов фиксирует устойчивое представление о голландцах как любителях спиртных напитков: Dutch bargain *сделка, заключенная за бутылкой вина*, Dutch courage *пьяная удаля*, Dutch feast *пирушка, на которой хозяин напивается первым*. Представляется интересным проследить этимологию отдельных словосочетаний с компонентом Dutch. Так, в словаре Dictionary of Phrase and Fable поясняется, что фразеологизм Dutch courage восходит к периоду англо-голландской войны конца XVII века. По свидетельствам английских моряков, капитан голландского военного судна ставил открытую бочку вина на палубу и приказывал подчиненным пить его, чтобы набраться храбрости перед боем [Cobham Brewer].

В американском английском обнаруживаются несколько устойчивых словосочетаний, содержащих этноним Mexican “мексиканец”, что так же можно объяснить соседством и постоянными контактами жителей США и Мексики. Любопытно отметить аналогию в значении фразеологизмов с компонентами Dutch и Mexican, а именно, ассоциативный признак “плохой, ложный, ненадежный”: Mexican breakfast амер. *завтрак по-мексикански – сигарета и стакан воды*; Mexican rank воен. жарг. *временное звание*; Mexican promotion амер. *получение новой должности без повышения жалования*.

В устойчивых словосочетаниях английского языка присутствуют также этнонимы French “француз, французский”, Greek “грек, греческий”, Indian “индеец, индейский”, Irish “ирландец, ирландский”.

Для фразеологизмов, содержащих компонент French, стереотипной является ассоциация с раскрепощенностью, иногда распущенностью в интимных отношениях, приписываемых французам: French kiss (разновидность поцелуя), French letter *презерватив*, French postcard *порнографическая открытка*, French rox *сифилис*. В ряде других устойчивых словосочетаний закрепилось представление о том, что французы ненадежны и невоспитанны, например: to assist in the French sense *присутствовать, но не помогать*, French leave *уход без прощанья*.

Как отмечает М.Н. Лапшина, в древнеанглийском языке слово Greek имело нейтральное значение, но в результате после-

дующего пейоративного сдвига появилось представление о греках как о веселых, легкомысленных, склонных к мошенничеству людях [Лапшина, 1997: 59]. Данный стереотип эксплицируется в выражениях *gay Greek* *весельчак, веселый собутыльник* и *Greek gift* *дары данайцев* (коварный, предательский дар).

Среди фразеологизмов с компонентом *Indian* распространены такие, как *Indian gift* *подарок, в обмен за который нужно дать равноценный* и *Indian summer* *золотая осень, "бабье лето"*. Происхождение выражения *Indian gift* относится ко времени первых контактов английских поселенцев с коренными жителями Америки. В этом фразеологизме отражена традиция, существовавшая в некоторых индейских племенах, согласно которой принимающий дар обязан вернуть за него равноценный, что, естественно, не принято в европейской культуре.

Исходя из значений фразеологизмов с компонентом *Irish*, характерных для американского варианта английского языка: *to get one's Irish up*, *to arouse smb's Irish* "разозлиться, выйти из себя", *an Irish hoist* "пинок по зад", можно предположить, что в основу их значения положено стереотипное представление об ирландских иммигрантах как недостаточно дисциплинированных и агрессивных людях.

Рассмотренный материал свидетельствует, что в абсолютном большинстве английских фразеологизмов представлена негативная оценка национального характера, обычаев и привычек самых разных народов – ирландцев, шотландцев, евреев, французов, индейцев, греков, китайцев, мексиканцев и особенно голландцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисова Г. Стереотипы и их роль в формировании коммуникативных навыков в условиях "неродного" двуязычия // Россия и Запад: диалог культур, вып. 8, т. 1. – М., 2000.
2. Крысин Л.П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2003.
3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1984
4. Лапшина М.Н. Ксенофобия в языке (на материале семантических сдвигов в значении английских слов) // Вестник СПбГУ. – 1997. – Серия 2. Выпуск 2.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.
6. Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х т. / под ред. Ю.Д. Апресяна и др. – М.: Русский язык, 2000.
7. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стерео-

типы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: ИКАР, 1997.

8. Allen I.L. The Language of Ethnic Conflict. – Columbia University Press, 1983.

9. Cobham Brewer E. Dictionary of Phrase and Fable // www.bartleby.com/81

© Панин В.В., 2005

Плаксына Е.Б.
Екатеринбург

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ- АНТОНИМЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В лингвистике традиционным является понимание того, что лексическая система языка отражает восприятие действительности носителями языка, поэтому при обращении к лексике становится очевидным, какой именно фрагмент действительности представляется особенно важным. Семантический анализ лексических единиц показывает их тяготение к миру человека [Телия, 1996], это тяготение отмечалось исследователями на материале, представленном фразеологическими единицами, очевидно оно и в рамках прилагательных -антонимов в французском и русском языках. В процессе исследования нами были выделены антонимичные прилагательные, указывающие на эмоциональное состояние человека, на поведение человека, на внешний вид человека: веселый – грустный (joyeux – triste), трусливый – смелый (poltron – brave).

Связь антонимичных прилагательных с человеком можно объяснить семантической несамостоятельностью имен прилагательных, тем, что обозначаемые ими признаки всегда соотносятся с денотатом. Среди множества денотатов, безусловно, наиболее значимым является человек, поэтому в большинстве своем выделенные нами прилагательные соотносятся с человеком. Подобное описание значимо для определения своеобразия языковой картины мира, поскольку при упорядочивании лексических единиц человек опирается на знание сформированные в опыте носителей языка. Возможность соотнесения слова и языковой картины мира определяется и тем, что содержание слова есть познавательный образ, в котором всегда присутствует человек и его субъективное представление [Уфимцева, 1980: 28].

При обозначении поведения человека прилагательными-антонимами обращается внимание на внешние особенности человека: preste – lent (проворный – неторопливый), tarabiscoté – simple (вычурный – простой); на речевые особенности: verbeux –

bref (многословный – краткий), taciturne – communicatif (молчаливый – общительный); на особенности взаимодействия с другими людьми: grossier – délicat (грубый – деликатный), placide – nerveux (невозмутимый – нервный).

При описании поведения человека значимы такие качества, как послушание, покорность, приветливость, упрямство: soumis – indocile (послушный – непослушный), tête – souple (упрямый – гибкий, податливый), réfractaire – fusible (непокорный – плавкий).

Следует заметить, что антонимическое противопоставление в французском языке отличается от семантических признаков, по которым противопоставлены подобные единицы в русском языке. В французском наряду с soumis – indocile (послушный – непослушный) выделяется семантический признак, значимый при характеристике социума révolté (бунтующий), с другой стороны, есть противопоставление, заложенное в метафорическом употреблении прилагательного réfractaire – fusible (непокорный – плавкий). Противопоставление послушный – непослушный, будучи базовым для этой семантической парадигмы, как мы видим, представлено целым рядом единиц. К перечисленным близка пара tête – souple (упрямый – податливый).

В данной группе выделяются также прилагательные-антонимы, которые можно обозначить как недифференцированная оценка поведения человека: timide – brave (застенчивый – смелый), vicieux – chaste (порочный – целомудренный). При характеристике поведения человека значимы и такие семантические признаки как наличие – отсутствие смелости: hardi – lâche (смелый – трусливый); наличие – отсутствие покорности, послушания: tête – souple (упрямый – податливый), résigné – révolté (покорный – бунтующий); наличие – отсутствие подозрительности и настойчивости: vigilant – endormi (бдительный – спящий).

Таким образом, для характеристики поведения человека в французском языке оказываются значимыми такие его стороны, как речевое поведение, храбрость – трусость, настойчивость и ее отсутствие. Причем, наиболее значимым признаком, думается, является отношение человека с другими людьми, то есть в поведение человека отражается прежде всего мир человеческих отношений. Следует также отметить, что при отражении этого мира отношений оказывается значимой оценка и практически все приведенные нами антонимы могут быть соотнесены с положительной или отрицательной оценкой. Подобное отражение в слове отношения человека к действительности определено самой природой слова, поскольку слова служат не столько для

наименования предметов и явлений реального мира, сколько целям обобщенного отражения человеком объективной действительности и его субъективного мира [Уфимцева, 1986: 38].

Остановимся также на характеристике антонимов, обозначающих эмоциональное состояние. При характеристике эмоционального состояния значимыми оказываются такие точки, как спокойное – беспокойное состояние, печальное – веселое, озабоченное – беспечное. Представляется, что наиболее значимыми в данной тематической группе являются антонимы, обозначающие полярные точки в эмоциональном состоянии: *heureux – malheureux* (счастливый – несчастный), *ravi – chagrin* (веселый – печальный).

Семантическим стержнем, относительно которого наблюдается здесь противопоставление, можно назвать компонент «спокойное уравновешенное эмоциональное состояние». По обе стороны от этой точки расположены члены антонимической пары. Признак, воспринимаемый как негативный, в некоторых антонимических парах представлен более дифференцированно, что связано с интенсивностью его проявления: *morne – ardent*, *gai* (хмурый – пылкий, веселый), *bourru – aimable* (хмурый – любезный).

Очевидно, что подобное противопоставление можно характеризовать как относительные антонимы с точки зрения русского языка, поскольку носителями русского языка подобные антонимы воспринимаются не столько как языковые, сколько как контекстные. Для русского языка вне контекста невозможно противопоставление: хмурый – любезный, для русского языка характерно противопоставление: хмурый – веселый.

Эмоциональное состояние во французском языке связывается с особенностями речевого поведения и межличностного отношения, то есть французский язык подчеркивает экспликацию эмоционального состояния: *accueillant – froid, glacial, inhospitalier* (приветливый – холодный, ледяной, негостеприимный), *jovial – chagrin, froid, sombre* (жизнерадостный – холодный, хмурый). Эти наблюдения позволяют высказать предположение, что в французском языке вследствие многозначности в антонимическую парадигму на узואльном уровне включаются единицы с метафорическим значением, тогда как в русском языке подобное противопоставление возможно только в контексте.

Таким образом, в французском языке обозначение эмоционального состояния совмещается с обозначением особенностей поведения, в русском же языке подобное совмещение, согласно

нашим материалам, проявляется реже.

Большинство антонимических пар в французском языке представляют собой эквиполентные семантические оппозиции, наряду с общими компонентами в них имеются компоненты различные, причем с точки зрения русского языка далеко не всегда противоположные, то есть антонимы воспринимаются как относительные: *repaud* – *fier* (смущенный – гордый). Противопоставление «смущенный – гордый» по меркам русского языка не определяется наличием единого логического основания. Для русского языка очевидно противопоставление «смущенный – раскрепощенный, развязный», «гордый – униженный». Следовательно, точки отсчета различны для носителей различных языков, которые по-разному воспринимают противоположные явления.

Отмеченные нами различия в характере противопоставления в русском и французском языках не являются случайными, поскольку лингвисты, в частности А. Вежбицкая, отмечают, что «каждый язык накладывает свою собственную классификацию на эмоциональный опыт человека». Обращаясь к А. Вежбицкой, можно говорить и об общем в русском и французском языках, так как большим количеством лексических единиц обозначается негативно воспринимаемые явления, то, что А. Вежбицкая условно называет «плохим человеком» [Вежбицкая, 1996: 334, 80].

Явление, когда одна единица противопоставлена ряду антонимов, наблюдается достаточно часто. Наибольшая многозначность здесь наблюдается у прилагательного: *joyal* – *chagrin*, *froid*, *hargneux*, *maussade*, *sombre* (веселый – грустный, холодный, раздраженный, хмурый, мрачный). Члены пары «*joyal* – *chagrin*» расположены симметрично по отношению к точке, подобная симметричность отсутствует в других антонимических оппозициях, а именно: *joyal* – *froid* (веселый – холодный), *joyal* – *hargneux* (веселый – раздраженный). Более того, на базе этих антонимических оппозиций можно представить парадигму, члены которой между собой связаны отношениями градации, а именно: *joyal* – *chagrin*, *maussade*, *sombre* (веселый – грустный, хмурый, мрачный).

Члены этой парадигмы, противопоставленные лексической единице «*joyal*», обозначают эмоциональное состояние, воспринимаемое нами как негативное, то есть для обозначения негативного в лексической системе имеется большее количество единиц, чем для обозначения нормы.

Таким образом, характеристика антонимов, обозначающих

человека, позволяет выделить компоненты, по которым эти единицы противопоставлены в русском и французском языках, и как следствие, определить, что значимо при противопоставлении для носителей французской культуры и для носителей русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. – М., 1996.
2. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1985.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. – М., 1996.
4. Уфимцева А.А. Лексическое значение: (Принцип семиологического описания лексики). – М., 1986.
5. Французско-русский словарь активного типа. – М., 2000.

© Плаксина Е.Б., 2005

Шебалов Р.Ю.

Екатеринбург

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ИГРЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ОБРАЗА РОССИЙСКОГО ЧИНОВНИКА XIX ВЕКА

Образ чиновника занимает в творчестве А.П.Чехова одно из важных мест (рассказы «На гвозде», «Совет», «Торжество победителя», «Рассказ, которому трудно подобрать название», «Смерть чиновника», «Справка», «Альбом», «Толстый и тонкий», «Либерал», «Чтение», «Мелюзга» и др.). Концептуальное пространство таких рассказов определяется тем, что зачастую чин исчерпывает и подменяет духовную жизнь персонажа, становится финальной характеристикой его внешних и внутренних устремлений, безрадостным итогом целой жизни. Социально-профессиональный регламент поведения чиновника предписывает ему всегда оставаться внутри системы правил и циркуляров, однозначно определяющих диапазон возможного и невозможного в зависимости от занимаемого положения на карьерной лестнице. Выход из этих рамок недопустим.

Однако именно на таком фоне стереотипного чиновничьего поведения особенно сильное впечатление производят любые попытки преодолеть социальные рамки, примеры нестандартного поведения, преследующие цель поставить под сомнение неопровержимые правила устава чиновника. Рассказ «Винт», опубликованный в 1884 году в журнале «Осколки», дает пример игрового художественного переосмысления социально детерминированных предписаний российского бюрократического регламента.

Основой рассказа является денотативно-событийная ситуа-

ция, когда мелкие чиновники одной из канцелярий, засидевшиеся допоздна за картами, в роли которых они использовали фотографии своих коллег и начальников, были врасплох застигнуты их директором Пересолиным. Необычная игра так его увлекла, что винт продолжался до самого утра.

Покажем, как в данном рассказе структурируется игровое ономастическое поле, под которым нами понимается относительно стабильная ядерно-периферийная система собственных имен (далее ИС), созданных с установкой языковую игру. Уточним, что *ономастическая игра* как вид языковой игры заключается в ассоциативной интерпретации имени (в частности, антропонима) как репрезентанта этно- и/или социокультурной информации, задающей диапазон характерологических проекций, связанных с восприятием имени носителями языка.

Главный герой рассказа, *Андрей Степанович Пересолин*, занимает верхнюю ступень в служебной иерархии, являясь начальником департамента. В рассказе он оказывается основным организатором сюжетного действия. Именно после его нестандартного поступка начинают смещаться условные границы дозволенного и недозволенного чиновнику поведения. Нестандартность ситуации усиливается тем, что в соответствии со своим высоким служебным положением Пересолин должен всегда оставаться в рамках дозволенного и не совершать необдуманных или спонтанных действий. Однако семантика лексического мотиватора фамилии персонажа в художественно условном пространстве рассказа дает основания для интерпретации его поведения как преодоления положенного предела. Ассоциативный фон фамилии строится по принципу эксплуатации семантики избыточности, придающей фамилии эмотивные оценочные коннотации (ср. одно из значений глагола *пересолить* – «перейти меру, границу в чем-нибудь»).

Внешне поведение начальника, возвращающегося в свой департамент ночью, мотивировано желанием проявить свою руководительскую волю и отправить засидевшихся за работой подчиненных домой (дабы его не сочли излишне строгим). Ср.: *«Неужели они до сих пор с отчетом возятся? – подумал Пересолин. – Четыре их там дурака, и до сих пор еще не кончили! Чего доброго, люди подумают, что я им и ночью покоя не даю. Пойду подгоню их...»* [т.3: 69]. Такое поведение героя спровоцировано еще и ориентацией на другую нормативную модель – модель поведения «просвещенного начальника», который должен иногда беспокоиться о подчиненных, помогать им и забо-

тяться об их духовном росте (см., например, рассказ «Чтение»). Дальнейшее развитие сюжета полностью «опрокидывает» первоначальные ожидания Пересолина, что определяет вторжение комического начала в повествование, строящееся по принципу антитезы «казалось – оказалось».

Подчиненными Пересолина в рассказе являются четыре чиновника – *Серафим Звиздулин*, *Степан Кулакевич*, *Еремей Недоехов* и *Иван Писулин*. Анализ ассоциативно-коннотативной семантики каждого из имен позволяет утверждать присутствие игрового начала в их внутренней форме, что влияет на общей юмористической эмоциональной тональности повествования. Так, оним *Серафим Звиздулин*, в состав которого входит «звучное» личное имя *Серафим*, обладающее библейскими коннотациями (ср.: *архангел Серафим*), комически не сочетается со сниженной фамилией *Звиздулин* (ср. диалектное *звизднуть* – «свистнуть»), наделяющей героя в контексте рассказа фоновыми ассоциативными характеристиками «лихого игрока».

Игровые ономастические проекции фамилии другого персонажа рассказа *Степана Кулакевича*, вероятно, ассоциативно связаны с ситуацией появления Пересолина перед увлеченными картами чиновниками, из-за чего «...у *Кулакевича забарабанило в правом ухе и сам собою развязался галстук*» [т.3: 70]. Здесь страх, переживаемый персонажем, метафорически соотнесен с ударом кулаком (т.е. служебным взысканием, наказанием, которое могут понести нерадивые служащие).

Фамилия *Еремея Недоехова* образована от *не доехать*, что может порождать ассоциации с незадачливым нравом ее носителя. Ср. также русское личное имя персонажа, традиционное для русских народных сказок, где обычно действует герой (*Иванушка-дурачок*, *Емеля*, *Ерема*), не обладающий большими способностями и не пользующийся авторитетом в глазах окружающих.

Внутренняя форма фамилии *Ивана Писулина* (ср.: *писать* – «изображать на чем-нибудь графические знаки, их сочетания») подчеркивает его профессиональный статус чиновника, основным занятием которого является канцелярское делопроизводство.

В число персонажей, непосредственно задействованных в сюжете рассказа, входят и слуги, имена которых являются традиционными и обычно образуют ономастический фон в произведениях А.П. Чехова. Это кучер *Гурий* и сторож *Назар*. Обращение к слуге с использованием личного имени является соци-

альным маркером взаимодействия вышестоящего и подчиненного, что предполагает известную долю пренебрежения и принуждения со стороны начальника.

«Инструментальное» (основанное на отношении к человеку как механизму, выполняющему определенную инструкцию) отношение к подчиненным изображается в рассказе как характерное для чиновничьего аппарата в целом. Однако именно этот факт является отправной точкой для возникновения комического эффекта, когда сложившаяся система ценностей заменяется другой – карточной, и все без исключения чиновники оказываются вовлеченными в игровую стихию переоценки сложившихся бюрократических устоев. «Карты становятся языком – иерархически устроенной системой – на который переводятся социальные отношения. И в этом карточном мире, смоделированном по образу и подобию реального мира, Чехов показывает обесценивание личности, значение которой сужается до карточного» [Карякина, 2004: 64].

Такая концептуально значимая для рассказа переоценка совершается за счет использования ситуации карточной игры, в которой вместо традиционных мастей фигурируют различные ведомства, а в качестве карт – фотографии чиновников департаментов. Ср.: *Каждый портрет, ваше-ство, как и каждая карта, свою суть имеет... значение. Как и в колоде, так и здесь 52 карты и четыре масти... Чиновники казенной палаты – черви, губернское правление – трефы, служащие по министерству народного просвещения – бубны, а пиками будет отделение государственного банка. Ну-с... Действительные статские советники у нас тузы, статские советники – короли, супруги особ IV и V класса – дамы, коллежские советники – валеты, надворные советники – десятки, и так далее* [т.3: 71].

Эффект игрового парадокса заключается здесь не столько в том, что карточные масти обозначают ведомства, а в качестве карт используются фотографии служащих этих ведомств, а в личном знакомстве играющих со всеми «участниками» колоды. Таким образом, игроки приобретают возможность оперировать моделями личностей, с которыми они в реальной жизни находились в разнообразных служебных отношениях (служебное руководство, подчинение или равенство статусов). «Игра людьми чрезвычайно увлекает героев: они словно проигрывают свою жизнь, свою судьбу каждый раз заново и свободно разыгрывают судьбы других людей» [Карякина, 2004: 65].

Игровая амбивалентность бюрократических ролей персо-

нажей рассказа, с одной стороны, обуславливается их стремлением к достижению психологической разрядки, когда при определенных условиях игрок может самостоятельно проявлять «инструментальную» активность по отношению к любому начальнику или сослуживцу и таким способом компенсировать ситуацию безоговорочного подчинения вышестоящему. С другой стороны, использование изображения своего начальника в качестве объекта, над которым производятся игровые действия, возвышает мелких чиновников в их собственных глазах, позволяет им почувствовать свою значительность, хотя бы и мнимую, ограниченную виртуальным пространством игры.

Подобное психологическое влияние испытывает в рассказе и Пересолин. Ср.: *Ишь ты...Я, стало быть, туз? – Трефовый-с, а ее превосходительство – дама-с...– Гм!.. Это оригинально... А ну-ка, давайте сыграем! Посмотрю...*[т.3, с.71]. Для него, вероятно, данная ситуация становится игровой проекцией каждодневных управленческих операций. В картах он, как и в жизни, продолжает начальствовать: *Ах, голубчик, да ведь так нельзя думать! Это не игра! Так играют одни только сапожники. Ты рассуждай!..* [т.3: 72].

Социально- и индивидуально-психологическая дифференциация установок персонажей прослеживается и в системе онимов, которыми обозначены герои, выступающие в качестве карт игровой колоды. Отметим, что ИС, входящие в речевую зону Пересолина, значительно отличаются по своим структурно-семантическим особенностям от общей речевой зоны героев рассказа.

Для общей речевой зоны характерно именование игровых карт с помощью личных имен, фамилий и прозвищ, которые носят, в ряде случаев, разговорный или сниженный характер за счет использования нетиповой лексической мотивации или суффиксов субъективной оценки. Например: *Степка Ерлаков, Кофейкин, Поганкин, Крышкин, Пересолиха* (пренебрежительное прозвище, которым чиновники награждают жену начальника). Фамилии ряда чиновников-карт обладают нейтральной окраской. Ср.: *Дорофеев, Шепелев, Рыбников*.

В речевую зону Пересолина входят онимы, упоминаемые подчеркнуто корректно – с использованием полной формы или по имени и отчеству: *Иван Иванович Гренландский, Наталия Дмитриевна, Егор Егорыч*. Вероятно, это свидетельствует о постоянном стремлении героя соблюдать нормы официального обращения с равными себе по занимаемому положению на слу-

жебной лестнице.

В целом игровое ономастическое поле рассказа «Винт» может быть представлено в виде таблицы №1.

Модель ономастического поля рассказа позволяет сделать вывод о наличии стройной системы семиотических векторов, сознательно организованных А.П. Чеховым для художественного изображения социокультурного типа российского чиновника в его разных вариантах. В ядре поля находятся ИС персонажей, которые вовлечены в сюжетно представленную ситуацию карточной игры на правах активных ее участников. Периферию поля образуют онимы внесюжетных героев, задействованных в качестве игровых карт. Кроме того, в зоне периферии представлены имена эпизодических второстепенных персонажей (слуги *Гурий* и *Назар*), позволяющих А.П. Чехову придать достоверность денотативно-событийной (фабульной) обстановке рассказа.

Таблица №1.

	начальники	подчиненные	чиновники	Ядро ономастического поля
	Андрей Степанович Пересолин	Серафим Звиздулин Степан Кулакевич Еремей Недоехов Иван Писулин		
	речевая зона Пересолина	общая речевая зона	игральные карты	Периферия ономасти- ческого поля
слуги	Иван Иванович Гренландский	Дорофеев Шепелев Степка Ерлаков Кофейкин Поганкин Рыбников Пересолин Пересолиха Крышкин		
Гурий Назар	Наталья Дмитриевна			
	Егор Егорыч			

Игровая семантика онимов позволяет выявить устойчивые линии развертывания служебной иерархии: это, во-первых, линия доминирования начальника над подчиненным; во-вторых, линия подчинения низшего по статусу персонажа своему начальнику; в-третьих, линия взаимной координации между героя-

ми, занимающими одинаково высокое или одинаково низкое служебное положение. При этом для рассказа концептуально значимым является игровой переворот «инструментальных» тенденций во взаимоотношениях героев, обладающих противоположными социально-ролевыми характеристиками. Однако даже и такая, «революционная» перемена позиций доминирования и субдоминирования не приводит в итоге к духовному освобождению персонажей, поскольку бюрократическая иерархия, по существу, не преодолевается, а лишь заменяется другой, параллельной и во многом идентичной первой системой «инструментального» поведения.

В изображении этой безысходной ограниченности духовного мира человека, попавшего под власть системы, содержится глубокая гуманистическая идея А.П.Чехова о трагизме существования в рамках «футляра», сковывающего любое проявление человеческой свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А.П. Винт // Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 18 т. – Т.3. – М., 1983. – С. 69-74.

2. Карякина М.В. Феномен игры в творчестве Леонида Андреева: Дисс. ... канд. филолог. наук. – Екатеринбург, 2004.

© Шебалов Р.Ю., 2005

Шустрова Е.В.
Екатеринбург

ИДИОСТИЛЬ Ф. УИТЛИ.

В предыдущем выпуске «Лингвистики» вниманию читателей был предложен обзор тропеической организации афро-американских автобиографий 18 – 19 вв. Эти произведения представляют самый первый этап развития афро-американской литературной традиции. Следующим важным событием в истории афро-американской литературы стало появление сборника стихов Ф. Уитли.

Маленький томик стихов («Poems on Various Subjects, Religious and Moral») восемнадцатилетней темнокожей служанки Джона Уитли из Бостона вышел в свет в 1773 году и сразу был использован в качестве основного свидетельства наличия разума у негра, причем не просто у негра, а у темнокожей женщины. Ссылались на него и сторонники системы рабовладения, указывая на то развитие, которое получил интеллект юной африканки (Филлис попала в Америку в семилетнем возрасте) под влиянием благодатной среды образования и культуры. Круг критиков

Уитли был поистине велик, от Вольтера до Дж. Вашингтона и Б. Франклина. За редким исключением [Richmond, 1974; Robinson, 1975; Rigsby, 1975] внимание привлекал, однако, скорее политический или идеологический аспект нежели стилистический разбор. Что же такое поэзия Филлис Уитли?

Если обратиться к особенностям стихосложения, присущих Ф. Уитли, то мы заметим следующее: в подавляющем большинстве стихов предпочтение отдается пятистопному ямбу, простым мужским парным рифмам. Она не прибегает к внутренним рифмам, число выявленных случаев ассонанса также невелико и хорошо согласуется системой «зрительной рифмы», широко применяемой в английском стихосложении. Излюбленной строфикой Ф. Уитли можно считать героический куплет, столь характерный для возвышенных жанров поэзии. Не отказывается она и от попыток писать свободным («*To Maecenas*») и белым стихом («*To the University of Cambridge*») В стихотворении «*Hymn to Humanity*» Ф. Уитли пытается экспериментировать с ямбическими размерами. «Гимн» насчитывается шесть шестистрочных строф. Каждая строфа представлена куплетом четырехстопного ямба, за которым следует строка с трехстопным ямбическим размером, далее опять две строки четырехстопного ямба с завершающей строкой трехстопного ямба. Рифма организована по схеме *aab – ccb*. И все же, каждый раз она неизменно возвращается к героическому куплету. (Пожалуй, только «*A Farewell to America*» из всего написанного Ф. Уитли дает нам пример балладной строфы.) Так, «*On Virtue*» написано свободным стихом, оканчивающимся двумя строфами пятистопного ямба с парной рифмой. В элегии «*On the Death of the Rev. Mr. George Whitefield*» 62 строфы написано свободным стихом, в конце же звучит героический куплет. «*Ode to Neptune*» состоит из трех шестистрочных строф, четыре строки из шести выдержаны в трехстопном ямбе, а две последние строки опять дают пример героического куплета. В предпочтении, столь постоянно отдаваемом Ф. Уитли героическому куплету, причем его десятистопной разновидностью, отчетливо проявляется влияние А. Попа, великолепно владевшего этим типом строфики.

Построение синтаксических структур не отличается сложностью. Предпочтение отдается простым временным формам с преобладанием *Present Simple* и *Past Simple*. Нравится ей и конструкция *neither...nor*. Глагол *will* она чаще употребляет как модальный, а не вспомогательный. Сослагательного наклонения Ф. Уитли избегает, зато часто обращается к повелительному.

Из фигур отношений Ф. Уитли чаще выбирает гиперболу и перифраз, так же напоминающие стиль А. Попа. В ее произведениях легко обнаруживается частое обращение к Богу, Музам, столь распространенное в неоклассической поэзии. Однако, ее стихам не хватает иронии и контрастов, столь притягательных в поэзии А. Попа.

Тропы качества представлены в творчестве Ф. Уитли довольно широко. Однако, как и писатели автобиографий, она чаще следует европейскому образцу. Так, незначительное число сравнений представлено, в основном, библеизмами. Это же относится и к аллюзиям.

'Twas mercy brought me from my Pagan land,
Taught my benighted soul to understand
That there's a God, that there's a Saviour too:
Once I redemption neither sought nor knew,
Some view our race with scornful eye,
«Their Colour is a diabolic die».
Remember, Christians, Negroes, black as Cain,
May be refin'd, and join th'Angelic train.
[Здесь и далее цит по: Wheatley, 1966].

Используемые Ф. Уитли эпитеты, в основном, дают пример устойчивых сочетаний, традиционных для английской поэзии (*golden dream; tuneful, jolly, cooling stream; smiling year; blissful land, plain*). Метафорический перенос представлен четырьмя основными концептами: вода, огонь, дом, еда («On the Death of the Rev. Mr. George Whitefield», «To the University of Cambridge», «America», «An Address to the Deist» и др.).

Наибольший интерес вызывают олицетворение и аллегория, а также метонимическая группа, представленная метонимической связью между концептами «стих – песня» (см, например, «To Maecenas», «Reply») и образом реки и Африки, дающих пример отношений синекдохи («The Answer», «To a Gentleman in the Navy» и др.).

Что касается олицетворения и аллегии, то расхождения с европейской традицией проявляются не в самом предмете, а в его качестве. Так, если для европейца дорога белая раса и уголок Англии, Дании, Германии, то Ф. Уитли не могла не применить подобные стилистические приемы по отношению к Африке и черной расе.

In fair description are thy powers displayed
In artless grottos, and the sylvan shade;
Charm'd with thy painting, how my bosom burns!

And pleasing Gambia on my soul returns,
 With native grace in spring's luxuriant reign,
 Smiles the gay mead, and Eden blooms again,
 The various bower, the tuneful flowing stream,
 The soft retreats, the lovers golden dream,
 Her soil spontaneous, yields exhaustless stores;
 For Phoebus revels on her verdant shores.
 Whose flowery births, a fragrant train appears,
 And crown the youth throughout the smiling year,
 There, as in Britain's favour'd isle, behold
 The bending harvest ripen into gold!
 Just are thy views of Afric's blissful plain,
 On the warm limits of the land and main.
 Pleas'd with the theme, see sportive fancy play,
 In realms devoted to the God of day!

Судьба темнокожего служителя Муз не могла не стать еще одним мотивом творчества поэтессы.

Not you, my Friend, these plaintive strains become,
 Not you, whose bosom is the Muses home;
 When the from tow'ring Helicon retire,
 They fan in you the bright immortal fire,
 But less happy cannot raise the song,
 The fault-ring music dies upon my tongue.
 The happier Terence all the choir inspir'd,
 His soul replenished, and his bosom fir'd;
 But say, ye Muses, why this partial grace,
 To one alone of Afric's sable race;
 From age to age transmitting thus his name
 With the first glory in the rolls of fame?

Около одной трети всех стихотворений Ф. Уитли представляют собой элегии. При этом она сводит воедино «английскую» и «пуританскую» элегии. Элегии Ф. Уитли представляют собой плач по усопшему и, следуя канонам английской элегии Ренессанса, «восхваляют усопшего, оплакивают его кончину и утешают скорбящих» [Rigsby, 1975: 249]. В тоже время в своем примирении со смертью они скорее напоминают английские элегии средневековья, нежели елизаветинские плачи, для которых характерен бурный протест против законов жизни и смерти. Влияние «пуританской погребальной элегии», жанра очень популярного в колониальной Америке и берущего начало из ранней американской погребальной молитвы, в творчестве Ф. Уитли прослеживается в подробных описаниях места усопшего на Не-

бесах, его пути в Обитель Господа, восхвалении его земных трудов, возвышенных описаниях райского блаженства, утешении близких и наставлении живым. Если же обратиться к творчеству конкретных авторов, то вероятнее всего образцом для подражания стал Милтон, чье описание дня и ночи в «L'Allegro» [Palgrave, 1994: 113] легко прослеживается в поэме Ф.Уитли, посвященной генералу Ли:

Hence, loathed Melancholy,
Of Cerberus and blackest Midnight born
In Stygian cave forlorn
'Mongst horrid shapes, and shrieks, and sights unholy!
Find out some uncouth cell
Where brooding Darkness spreads his jealous wings
And the night-raven sings;
There under ebon shades, and low-brow'd rocks
As ragged as thy locks,
In dark Cimmerian desert ever dwell, etc.

Присутствие Эддисона и Уотта ощущается в «Оде Нептуну» («Ode to Neptune») и «Гимне Гуманности» («Hymn to Humanity»), а в элегии «На Смерть Преподобного Джорджа Уайтфилда» («On the Death of the Rev. Mr. George Whitefield») хорошо слышны нотки Грея:

The curfew tolls the knell of parting day,
The lowing herd wind slowly o'er the lea,
And ploughman homeward plods his weary way,
And leaves the world to darkness and to me <...>
Here rests his head upon the lap of earth
A youth? To fortune and to fame unknown;
fair science frown'd not on his humble birth
And melancholy marked him for her own.
Large was his bounty, and his soul sincere;
Heaven did a recompense as largely send:
He gave to misery (all he had) a tear,
He gain'd from Heaven ('twas all he wish'd) a friend.
No farther seek his merits to disclose,
Or draw his frailties from their dread abode,
(There they alike in trembling hope repose.)
The bosom of his Father and his God
[Цит. по: Palgrave, 1994: 172].

Несмотря на то, что Ф. Уитли следует своему излюбленному размеру, отличному от стихосложения Грея и его перекрестных рифм, ее элегия звучит в унисон и повторяет его обороты:

Take him, ye Wretched, for your only Good;
 Take him, ye Hungry Souls, to be your Food;
 Take him, ye Thirsty, for your cooling Stream;
 Ye, Preachers, take him for your joyful Theme;
 take him, my dear Americans, he said,
 Be your Complaints in his kind Bosom laid;
 Take him, ye Africans, he longs for you,
 Impartial Saviour is his Title due.
 If you will walk in Grace's heavenly Road,
 He'll make you free, and Kings, and Priests to God.

В настоящем очерке мы попытались показать основные черты, присущие поэзии Ф. Уитли и проанализировать, под влиянием каких литературных течений и жанров складывался идиостиль поэтессы. Ведущими, на наш взгляд, следует признать течение английского классицизма, представленное, в частности, произведениями А. Попа, и жанра элегии. Тропеическая структура произведений Ф. Уитли также очень близка к классическим европейским образцам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка. Л., 1960.
2. Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 1988.
3. Общая риторика: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж. М. Клинкаберг и др.; общ. ред. А. К. Авеличева. М., 1986.
4. Очерки истории языка русской поэзии 20 века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. / Григорьев В.П., Иванова Н.Н., Некрасова Е.А., Северская О.И. М., 1994.
5. Шанский Н.М., Махмудов Ш.А. Филологический анализ художественного текста. СПб., 1999.
6. Galperin I. R. Stylistics. Moscow., 1971.
7. Gates H.L., Jr. Figures in Black: Words, Signs and the "Racial" Self. N. Y.: Oxford university Press, 1987.
8. Palgrave F.T. (ed.) The Golden Treasury. England: Penguin Popular Classics, 1994.
9. Richmond M.A. Bid the Vasal Soar. Washington, D.C.: Howard University Press, 1974.
10. Rigsby G. Form and Content in Phillis Wheatley's Elegies // CLA Journal 30, №3, 1975. P. 248 – 257.
11. Robinson W.H. Phillis Wheatley in the Black American Beginnings. Detroit: Broadside Press, 1975.
12. The Poems of Phillis Wheatley. / Ed by Mason J.D. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1966.

РАЗДЕЛ 3. ХРОНИКА

**Гиниатуллин И.А.
Екатеринбург**

ХРОНИКА.

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ К 212.283.05 В 2004 ГОДУ

Диссертационный Совет К 212.283.05. был создан в приказом Высшей аттестационной комиссии № от 1 декабря 2000 г. на базе существовавшего в УрГПУ с 1997 года Диссертационного совета К 212.42.09. Председатель Совета – д.ф.н., проф. А.П.Чудинов, заместитель председателя – д.ф.н., проф. Зоя Ивановна Комарова, ученый секретарь – к.п.н., проф. Игорь Ахмедович Гиниатуллин. Совет имеет право принимать диссертации по специальностям "13.00.02 - теория и методика обучения и воспитания (русский язык, иностранные языки)" и "13.00.08 - теория и методика профессионального образования".

В 2004 году Диссертационный совет К 212.283.05 провел 10 заседаний, на которых были защищены следующие диссертации:

23.01.2004. к.п.н. (13.00.08) Ялаева Наталья Вячеславовна. Компьютерное тестирование как средство интенсификации обучения английскому языку студентов юридического вуза. Научный руководитель – д.п.н., проф. Константин Михайлович Левитан. Оппоненты – д.п.н., проф. Тамара Сергеевна Серова и к.п.н., доц. Лариса Ивановна Корнеева. Ведущая организация – Удмуртский государственный университет.

26.03.2004. к.п.н. (13.00.08). Бредихина Ирина Алексеевна (Уральский государственный университет). Формирование умений самостоятельного совершенствования методической стороны профессиональной подготовки преподавателя иностранного

языка. Научный руководитель – к.п.н., проф. Игорь Ахмедович Гиниатуллин. Оппоненты – д.п.н., проф. Наталья Николаевна Сергеева и к.п.н., доц. Ирина Вениаминовна Перлова. Ведущая организация – Тюменский государственный университет.

26.03.2004. к.п.н. (13.00.08). Канцур Анна Германовна (Пермский государственный педагогический университет). Обучение иноязычной диалогической речевой деятельности будущих учителей на основе страноведческой информации. Научный руководитель – д.п.н., проф. Тамара Сергеевна Серова. Оппоненты – д.п.н., проф. Елена Витальевна Ковалевская и к.п.н., доц. Ольга Павловна Казакова. Ведущая организация – Удмуртский государственный университет.

25.06.2004. к.п.н. (13.00.02) Толкач Светлана Васильевна (Нижевартовский государственный педагогический институт). Технология развития навыков речевого этикета у учащихся пятых-шестых классов. Научный руководитель – к.п.н., доц. Ирина Семеновна Чудинова. Оппоненты – д.п.н., проф. Август Соломонович Белкин и к.п.н., доц. Михаил Юрьевич Олешков. Ведущая организация – Вятский государственный гуманитарный университет.

25.06.2004. к.п.н. (13.00.08) Чеснокова Елена Викторовна (Липецкий государственный педагогический университет). Дифференцированное обучение младших школьников иноязычному чтению. Научные руководители – д.п.н., проф. Наталья Николаевна Сергеева и к.п.н., доц. Татьяна Устиновна Тучкова. Оппоненты – д.п.н., проф. Алла Николаевна Утехина и к.п.н., доц. Людмила Валентиновна Скопова. Ведущая организация – Пермский государственный педагогический университет.

24.09.2004. к.п.н. (13.00.08) Милютинская Наталья Юрьевна (Удмуртский государственный университет). Обучение ритмико-интонационной выразительности речи в профессиональном языковом образовании. Научный руководитель – д.п.н., проф. Алла Николаевна Утехина. Оппоненты – д.п.н., проф. Наталья Николаевна Сергеева и к.п.н., доц. Ирина Вениаминовна Перлова. Ведущая организация – Глазовский государственный педагогический институт.

24.09.2004. к.п.н. (13.00.08) Хильченко Татьяна Викторовна (УрГПУ). Подготовка студентов старших курсов к самостоятельному совершенствованию письменной иноязычной речи. Научный руководитель – Игорь Ахмедович Гиниатуллин. Оппоненты – д.п.н., проф. Наталья Николаевна Сергеева и к.п.н., доц. Татьяна Григорьевна Агапитова. Ведущая организация – Удмуртский

государственный университет.

24.09.2004. к.п.н. (13.00.02). Юденко Юлия Романовна (Красноярский ГПУ). Повышение орфографической грамотности с учетом аудиальной модальности младшего школьника. Научный руководитель – д.п.н., проф. Виктор Яковлевич Булохов. Оппоненты – д.ф.н., проф. Маргарита Львовна Кусова и к.п.н., доц. Вера Викторовна Гадалова (Шуя). Ведущая организация – Челябинский государственный университет.

29.10.2004. к.п.н. (13.00.08) Багарядцева Мария Сергеевна (УрГПУ). Интеграция учебных дисциплин «Французский язык» и «Экономическая теория» как условие обучения иноязычному монологическому высказыванию на основе текстов профессионального содержания. Научный руководитель – к.п.н., доц. Ольга Германовна Путырская. Оппоненты – д.п.н., проф. Ирина Борисовна Ворожцова и к.п.н., доц. Людмила Валентиновна Скопова. Ведущая организация – Пермский государственный технический университет

29.10.2004. к.п.н. (13.00.02) Нефедова Наталия Викторовна (Ноябрьский педагогический колледж, Ямало-Ненецкий автономный округ). Обучение старшеклассников слушанию как виду речевой и учебной деятельности. Научный руководитель – д.ф.н., проф. Маргарита Львовна Кусова. Оппоненты – д.п.н., проф. Людмила Александровна Месеняшина и к.п.н., доц. Ирина Семеновна Чудинова. Ведущая организация – Нижне-Тагильская государственная социально-педагогическая академия.

© Гиниатуллин И.А., 2005

**Пирогов Н.А.
Екатеринбург**

ХРОНИКА.

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д 212.283.02 В 2004 ГОДУ

Диссертационный совет Д 212.283.02 утвержден в Уральском государственном педагогическом университете Екатеринбурга приказом Минобразования Российской Федерации от 01 декабря 2000 года № 690-в.

Диссертационному совету разрешено принимать к защите диссертации

по 10.02.01 – русский язык по филологическим наукам;

по 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание по филологическим наукам.

В 2004 году Диссертационный совет Д 212.283.02 провел 19

заседаний.

По специальности «10.02.01 – русский язык» были защищены 6 кандидатских диссертаций;

по специальности "10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание" – 13 кандидатских диссертаций.

13.02.04 к.ф.н. (10.02.20) Анна Владимировна Чибук (Нижне-Тагильская государственная социально-педагогическая академия). "Функционально-семантическое поле предположения в немецком и русском языках". Научный руководитель - д.ф.н., проф. Валентин Иосифович Томашрольский. Ведущая организация – Пермский государственный технический университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Людмила Григорьевна Бабенко, к.ф.н., доц. Марина Валентиновна Лукичева.

13.02.04 к.ф.н. (10.02.20) Ольга Витальевна Томберг (Уральская академия государственной службы). "Грамматика и поэтика английской народной баллады: историческое развитие и проблемы перевода". Научный руководитель - к.ф.н., доц. Татьяна Анатольевна Знаменская. Ведущая организация – Тюменский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Наталья Иосифовна Пушина, к.ф.н., доц. Анатолий Борисович Шевнин.

12.03.04 к.ф.н. (10.02.20) Ольга Владимировна Обвинцева (Уральский государственный технический университет). "Эвфемизм в политической коммуникации (На материале английского языка в сопоставлении с русским)". Научный руководитель к.ф.н., доц. Татьяна Анатольевна Знаменская. Ведущая организация – Пермский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Элла Александровна Лазарева, к.ф.н., доц. Елена Владимировна Колотнина.

12.03.04 к.ф.н. (10.02.01) Евгения Владимировна Горина (Уральский государственный университет). "Газета в аспекте речевого воздействия на личность". Научные руководители - д.ф.н., проф. Анатолий Прокопьевич Чудинов и д.ф.н., проф. Элла Александровна Лазарева. Ведущая организация - Алтайский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Татьяна Александровна Гридина, к.ф.н., доц. Анна Борисовна Ряпосова.

16.04.04 к.ф.н. (10.02.01) Ольга Николаевна Кондратьева (Кемеровский государственный университет). "Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (На примере концептов *душа*, *сердце*, *ум*)". Научный Руководитель - д.ф.н.,

проф. Марина Владимировна Пименова. Ведущая организация – Пермский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Мария Эдуардовна Рут, д.ф.н., проф. Алексей Андреевич Чувакин.

16.04.04 к.ф.н. (10.02.01 и 10.02.20) Наталья Николаевна Кокшарова (Забайкальский государственный педагогический университет). "Структурно-семантические особенности и степень адаптации англоязычной частично ассимилированной лексики в русском компьютерном подязыке". Научный руководитель - д.ф.н., проф. Валентин Иосифович Томашпольский. Ведущая организация - Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Василий Васильевич Химик, к.ф.н., доц. Татьяна Анатольевна Знаменская.

16.04.04 к.ф.н. (10.02.01) Лариса Владимировна Климова (Нижевартовский государственный педагогический институт). "Высокочастотные имена существительныеб прилагательные и числительные в современном русском языке (По материалам лексикографии)". Научный руководитель - д.ф.н., проф. Анатолий Прокопьевич Чудинов. Ведущая организация – Уральская государственная юридическая академия. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Калерия Ивановна Демидова, д.ф.н., проф. Павел Александрович Лекант.

18.06.04 к.ф.н. (10.02.01) Наталья Михайловна Сергеева (Кемеровский государственный университет). "Концепты *ум, разум* в русской языковой картине мира". Научный руководитель - д.ф.н., проф. Марина Владимировна Пименова. Ведущая организация - Новосибирский государственный педагогический университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Калерия Ивановна Демидова, к.ф.н., доц. Елена Анатольевна Нахимова.

18.06.04 к.ф.н. (10.02.20) Вера Петровна Пылайкина (Уральский государственный педагогический университет). "Категория Гендера в английском языке в сопоставлении с русским". Научный руководитель - к.ф.н., доц. Татьяна Анатольевна Знаменская. Ведущая организация - Уральский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Наталья Иосифовна Пушина, к.ф.н., проф. Олег Георгиевич Скворцов.

17.09.04 к.ф.н. (10.02.20) Ольга Леонидовна Соколова (Уральский государственный педагогический университет). "Семантические свойства вещественных существительных в русском и французском языках". Научный руководитель - д.ф.н., проф. Валентин Иосифович Томашпольский. Ведущая органи-

зация - Пермский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Ольга Александровна Турбина и к.ф.н., доц. Ирина Дамировна Белеева.

17.09.04 к.ф.н. (10.02.20) Елена Владимировна Киселева (Уральский государственный университет им. А.М. Горького). "Лексемы любовь и love: модели лексикографической интерпретации". Научный руководитель - д.ф.н., проф. Людмила Григорьевна Бабенко. Ведущая организация – Пермский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Зоя Ивановна Комарова, к.ф.н., доц. Наталья Викторовна Золотарева.

17.09.04 к.ф.н. (10.02.01) Роман Юрьевич Шебалов (Уральский государственный педагогический университет). "Ономастическая игра в художественном тексте (На материале ранних рассказов А.П. Чехова)". Научный руководитель - д.ф.н., проф. Татьяна Александровна Гридина. Ведущая организация – Московский государственный областной университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Людмила Григорьевна Бабенко, д.ф.н., проф. Кубасов Александр Васильевич.

18.09.04 к.ф.н. (10.02.20) Валентина Викторовна Гузикова (Уральский государственный университет им. А.М. Горького). "Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц английского языка (На материале прозы С. Мозма и ее переводов на русский язык)". Научный руководитель - д.ф.н., доц. Юрий Викторович Казарин. Ведущая организация - Уральский государственный экономический университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Лариса Михайловна Алексеева, к.ф.н., проф. Олег Георгиевич Скворцов.

04.10.04 к.ф.н. (10.02.20) Устуньер Ильяс (Турция). "Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках". Научные руководители - д.ф.н., проф. Татьяна Александровна Гридина и к.ф.н., доц. Надежда Ильинична Коновалова. Ведущая организация – Российский государственный профессионально-педагогический университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Лилия Амирянвна Нефедова, к.ф.н., доц. Джалиль Рафаилович Шарафутдинов.

15.10.04 к.ф.н. (10.02.20 и 10.02.01) Галина Валерьевна Хасаншина (Институт международных связей, Екатеринбург). "Латинизированный семантический метаязык в русском агрономическом подъязыке". Научный руководитель - д.ф.н., проф. Зоя Ивановна Комарова. Ведущая организация – Южно-Уральский государственный университет. Официальные оппоненты -

д.ф.н., проф. Людмила Александровна Шкатова, к.ф.н., доц. Светлана Александровна Еремина.

15.10.04 к.ф.н. (10.02.20) Марина Александровна Соловьева (Уральский государственный университет путей сообщения). «Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста (На материале романов А. Мердок и их русских переводов)». Научный руководитель - к.ф.н., проф. Татьяна Агатовна Знаменская. Ведущая организация – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Наталья Борисовна Руженцева, к.ф.н., доц. Анатолий Борисович Шевнин.

03.12.04 к.ф.н. (10.02.20) Евгения Борисовна Жавкина (Забайкальский государственный педагогический университет). «Вариативность термина и его субституция в научном русскоязычном и немецкоязычном тексте». Научный руководитель - д.ф.н., проф. Зоя Ивагоновна Комарова. Ведущая организация – Челябинский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Вера Дмитриевна Табанакова, к.ф.н., доц. Надежда Ильинична Коновалова.

03.12.04 к.ф.н. (10.02.20) Елизавета Владимировна Шустрова (Уральский государственный педагогический университет). «Семантическая деривация в афро-американском и американском вариантах английского языка». Научный руководитель - к.ф.н., доц. Валерий Петрович Хабиров. Ведущая организация – Российский государственный профессионально-педагогический университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Марк Владимирович Дьячков, к.ф.н., доц. Юлия Васильевна Вронская.

03.12.04 к.ф.н. (10.02.20) Марина Александровна Шабеева (Уральский государственный педагогический университет). «Манифестация текстософемной картины видения средствами зооморфической перспективы в текстах Ф. Ницше и их переводах на русский язык». Научный руководитель - к.ф.н., проф. Нина Дмитриевна Марова. Ведущая организация – Челябинский государственный университет. Официальные оппоненты - д.ф.н., проф. Наталья Васильевна Пестова, к.ф.н., доц. Марина Владимировна Боровкова.

© Пирогов Н.А., 2005

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТОНОВА ЮЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА – аспирант, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского

государственного педагогического университета

БАЗЫЛЕВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор (Институт языкознания РАН)

БИРЮКОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

ГИНИАТУЛЛИН ИГОРЬ АХМЕДОВИЧ – кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого языка и методики его преподавания Уральского государственного педагогического университета, ученый секретарь Диссертационного Совета

ДУДАРЕВА ЗАЙТУНА МУХТАРОВНА – кандидат филологических наук, доцент, проректор Стерлитамакской государственной педагогической академии

ДЗЮБА ЕЛЕНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

ЕРЕМИНА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

КЕРИМОВ РУСЛАН ДЖАВАНШИРОВИЧ - аспирант кафедры немецкой филологии Кемеровского государственного университета

КРАСИЛЬНИКОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

КУЗЬМИНА НАТАЛЬЯ АРНОЛЬДОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики и языка массовых коммуникаций Омского государственного университета

МОИСЕЕВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

НАХИМОВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Уральского юридического института МВД

ОЛЕШКОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ – кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

ПАНИН ВИТАЛИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английской филологии Тюменского государственного университета

ПИМЕНОВА ЕВГЕНИЯ ЕВГЕНЬЕВНА – студентка Кемеровского государственного университета

ПИМЕНОВА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания Кемеровского государственного университета

ПИРОГОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Уральского государственного педагогического университета, ученый секретарь Диссертационного Совета

ПЛАКСИНА ЕЛЕНА БОРИСОВНА – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

ПОТЫСЬЕВА АННА НИКОЛАЕВНА – студентка Уральского государственного педагогического университета

СОЛОПОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – ассистент кафедры английского языка Челябинского государственного педагогического университета

СУРИНА АННА ВЛАДИМИРОВНА - преподаватель Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии

ТЕРСКИХ МАРИНА ВИКТОРОВНА – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного университета

ЧУДИНОВ АНАТОЛИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

ШАОВА ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА – преподаватель кафедры романо-германской филологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького

ШЕБАЛОВ РОМАН ЮРЬЕВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета

ШУСТРОВА ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английской филологии Уральского государственного педагогического университета